

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения
квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально.

Scientific and Practical Journal. Established
by Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Председатель

Chairman

ИОГОЛЕВИЧ В.А.,
кандидат технических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

IOGOLEVICH V.A.,
Candidate of Technical Sciences, associate
professor, honoured worker of higher education
of the Russian Federation, Tyumen Advanced
Training Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Главный редактор

Chief Editor

ВАНЮШИН Я.Л.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт
повышения квалификации
сотрудников МВД России

VANUSHIN Ya.L.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Ответственный редактор

Executive Editor

СОЛОВЬЕВ К.А.,
кандидат юридических наук,
Тюменский институт
повышения квалификации
сотрудников МВД России

SOLOVYEV K.A.,
Candidate of Legal Sciences,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии:

Members of the editorial board:

АЛЕКСАНДРОВ А.С.,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России

ALEKSANDROV A.S.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАЧИЛА В.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия МВД Республики Беларусь

BACHILA V.V.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Academy of the Ministry of the Interior
of the Republic of Belarus
(Belarus)

БОХЧУЛУУНЫ Б.-Э.,
кандидат юридических наук, профессор,
Университет правоохранительной
службы Монголии

BOKHCHULUUNY B.-E.,
Candidate of Legal Sciences, professor,
University of law enforcement service of Mongolia
(Mongolia)

ГАНАИМ Х., LLD, профессор, Хайфский университет	GHANAYIM Kh., LLD, professor, University of Haifa (Israel)
ГРИШКО А.Я., доктор юридических наук, профессор, Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя	GRISHKO A.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, Ryazan branch of Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot
ГУЧОК А.Е., доктор юридических наук, доцент, Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь	GUCHOK A.E., Doctor of Legal Sciences, associate professor, The Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus (Belarus)
ЗИГМУНТ О.А., PhD, доцент, ХафенСити университет Гамбурга	SIEGMUNT O.A., PhD, Postdoc, HafenCity University Hamburg (Germany)
ИЛЬЯШЕНКО А.Н., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный университет	IL'YASHENKO A.N., Doctor of Legal Sciences, professor, Kuban State University
КЛЕАНДРОВ М.И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент РАН, заслуженный юрист Российской Федерации, Российский государственный университет правосудия	KLEANDROV M.I., Doctor of Legal Sciences, professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, honoured lawyer of the Russian Federation, honoured worker of science of the Russian Federation, Russian State University of Justice
КОЗАЧЕНКО И.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Уральский государственный юридический университет	KOZACHENKO I.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Ural State Law University
ЛАКЛЕМАНС П., PhD, профессор, Научно-исследовательский центр Национальной школы полиции	LACLEMENCE P., PhD, professor, Research Center of the National School Police (France)
ЛАВРОВ В.П., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Академия управления МВД России	LAVROV V.P., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Academy of Management of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ЛИПИНСКИЙ Д.А., доктор юридических наук, профессор, Тольяттинский государственный университет	LIPINSKIY D.A., Doctor of Legal Sciences, professor, Togliatti State University
ЛИПОВАЦ К., PhD, Криминалистическая полицейская академия Республики Сербия	LIPOVAC K., PhD, Academy of Criminalistic and Police Studies (Serbia)

ЛУНЕЕВ В.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Институт государства и права
Российской академии наук

LUNEEV V.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

МАЙОРОВ В.И.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

MAYOROV V.I.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

МАЛЬКО А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Институт государства и права
Российской академии наук

MAL'KO A.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

ПОЙМАН П.,
PhD,
Чешское криминологическое общество

POJMAN P.,
PhD, Czech Criminological Society
(Czechia)

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

**Включен в Перечень российских рецензируемых
научных журналов и изданий (2015)**

**Included in the list of the Russian reviewed scientific
journals (2015)**

Партнеры:

Международная ассоциация содействия правосудию;
Международная полицейская ассоциация;
Российская криминологическая ассоциация

Partners:

International Union of Assistance to Justice;
International Police Association;
Russian Association for Criminology

Адрес редакции, издателя и типографии:

625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

**Address of the Editorial Board, Publisher
and Printing House:**

Amurskaya str. 75, Tyumen,
Tyumen region, 625049, Russia.

<http://www.naukatipk.ru>; +7 3452 598 484; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963

**Подписной индекс в Объединенном каталоге
«Пресса России»: 81271**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ N ФС77-51965 от 29.11.2012 г.
Редактор Е.В. Карнаухова. Технический редактор Е.К. Булатова.
Перевод на английский язык: М.И. Лыскова.
Подписано в печать 16.03.2018. Дата выхода в свет 26.03.2018.
Формат 60x84/8. Усл. п. л. 20,6. Уч.-изд. л. 19,0.
Тираж 300 экз. Заказ N 032. Цена свободная.
© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2018.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

Section 1. Methodology of law enforcement activities

ШАРАПОВ Р.Д. Соучастие в неоконченном преступлении и «неудавшееся соучастие» 7

SHARAPOV R.D. Complicity in the uncompleted crime and the "failed complicity"

БИРЮКОВ В.В. Криминалистическое прогнозирование, его значение в криминалистике и практике расследования преступлений 17

BIRYUKOV V.V. Criminalistic forecasting, its significance in forensic science and the practice of investigating crimes

Раздел 2. Охрана и защита прав человека

Section 2. Human rights protection

ЯКУШЕВ П.А. Участие органов опеки и попечительства в спорах о воспитании детей: процессуальная формальность или реальная защита прав ребенка? 23

YAKUSHEV P.A. Participation of the guardianship authorities in disputes about the upbringing of children: procedural formality or real protection of the rights of a child?

ПИМОНОВ Б.В. Обеспечение права подозреваемого (обвиняемого) на использование помощи переводчика 31

PIMONOV B.V. Ensuring the right of the suspect (accused) to use the assistance of an interpreter

Раздел 3. Административная деликтология

Section 3. Administrative delictology

МОТРОВИЧ И.Д., ВАСИЛЬЕВА Н.Л. Мелкое хищение: проблемы реализации юридической ответственности 39

MOTROVICH I.D., VASILYEVA N.L. Petty theft: problems of implementing the legal responsibility

ЛЕЩИНА Э.Л. Меры дисциплинарно-правового принуждения в системе государственной службы России 48

LESHCHINA E.L. Measures of disciplinary and legal coercion in the system of the public service of Russia

Раздел 4. Уголовный закон

Section 4. Criminal Law

СМИРНОВ И.О., ИВАНОВ Р.С. Особенности уголовно-правового противодействия террористическим организациям 60

SMIRNOV I.O., IVANOV R.S. Peculiarities of criminal legal counteraction to terrorist organizations

Раздел 5. Криминологическая наука

Section 5. Criminology

ДУМАНСКАЯ Е.И. Личностные деформации как криминогенная предпосылка преступного поведения 69

DUMANSKAYA E.I. Personal deformations as a criminogenic background for criminal behavior

Раздел 6. Пенитенциарная система

БЕЛИК В.Н. Тенденции правоприменительной деятельности и законодательства в вопросе обеспечения правовой защиты осужденных к лишению свободы

76

Section 6. Penitentiary system

BELIK V.N. Trends of law enforcement activities and legislation in ensuring the legal protection of the persons sentenced to imprisonment

Раздел 7. Правоохранительная политика

ДЕРИШЕВ Ю.В., МОРОЗОВА О.С. Очерк концепции оптимизации субъектного состава уголовного досудебного производства

82

Section 7. Law enforcement policy

DERISHEV Yu.V., MOROZOVA O.S. Essay on the concept of optimization of the subject composition of criminal pre-trial proceedings

Раздел 8. Уголовно-процессуальное обозрение

СПИРИН А.В., ЖУРАВЛЕВА Н.М. Особенности прокурорского надзора за дознанием в сокращенной форме

88

Section 8. Criminal procedural review

SPIRIN A.V., ZHURAVLEVA N.M. Peculiarities of the prosecutor's supervision over the summary form of inquiry

АБДУЛВАЛИЕВ А.Ф. Труднодоступная местность как особое географическое условие, влияющее на расследование и рассмотрение уголовных дел

97

ABDULVALIEV A.F. Hard to reach locality as a special geographical condition influencing the investigation of criminal cases

ДРАНИЧНИКОВА Н.В. Взыскание процессуальных издержек как правовой институт: современное состояние и направления совершенствования

105

DRANICHNICKOVA N.V. Recovering procedural costs as a legal institution: the current state and directions for improvement

Раздел 9. Совершенствование правоохранительной практики

КОРНАКОВА С.В. Процессуальная самостоятельность следователя: проблемы реализации

113

Section 9. Improving law enforcement practice

KORNAKOVA S.V. Procedural autonomy of investigator: problems of implementation

САЕТГАРЕЕВА А.А. Особенности предмета доказывания при разрешении уголовных дел о преступлениях, совершенных преступной организацией (преступным сообществом)

122

SAETGAREEVA A.A. Peculiarities of the subject of proof when considering the criminal cases involving crimes committed by a criminal organization (criminal community)

СЕРГЕЕВ М.В. Понятие патрульно-постовой службы полиции: история и современность

129

SERGEEV M.V. The concept of patrol police service: history and nowadays

Раздел 10. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

КУПИН А.Ф., БАРИНОВА О.А. Некоторые аспекты исследования водительских удостоверений Российской Федерации и иностранных государств **136**

Section 10. Criminalistic provision of law enforcement activities

KUPIN A.F., BARINOVA O.A. Some aspects of the study of driving licenses of the Russian Federation and foreign countries

Раздел 11. Компаративистика и зарубежный опыт

СИВАКОВ Ю.Л. Стратегическое управление человеческими ресурсами органов внутренних дел **145**

Section 11. Comparative studies and foreign experience

SIVAKOV Yu.L. Strategic human resources management in internal affairs bodies

Раздел 12. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

ОЛЕЙНИК В.В. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе на современном этапе **153**

Section 12. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view

OLEYNIK V.V. House arrest as a measure of restraint in criminal procedure at the present stage

КОСЕНКО А.М. Задачи и значение стадии возбуждения уголовного дела: вопросы теории и практики **161**

KOSENKO A.M. Objectives and significance of the stage of initiating a criminal case: the questions of theory and practice

Раздел 13. Обзоры, рецензии, критика

МАЙОРОВ В.И., ЛЕТАЕВА Е.А. Рецензия на диссертацию В.Б. Башурова «Административно-правовое регулирование прохождения государственной гражданской службы Российской Федерации» **172**

Section 13. Reviews, critiques

MAYOROV V.I., LETAEVA E.A. Review of the thesis by V.B. Bashurov "Administrative and legal regulation of the state civil service of the Russian Federation"

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

ШАРАПОВ Р.Д., доктор юридических наук, профессор, Srd72@mail.ru	SHARAPOV R.D., Doctor of Legal Sciences, professor, Srd72@mail.ru
Кафедра уголовного права и процесса; Тюменский государственный университет; 625000, г. Тюмень, ул. Ленина, 38;	Chair of criminal law and procedure; Tyumen State University, Lenina St. 38, Tyumen, 625000;
Кафедра правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75	Chair of legal training of law enforcement officers; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation

СОУЧАСТИЕ В НЕОКОНЧЕННОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ И «НЕУДАВШЕЕСЯ СОУЧАСТИЕ»

Аннотация. Статья посвящена анализу нормы, предусмотренной частью 5 статьи 34 Уголовного кодекса Российской Федерации, объединяющей качественно отличающиеся друг от друга формы преступной деятельности, именуемые в уголовном праве как соучастие в неоконченном преступлении и «неудавшееся соучастие». Раскрывается принципиальное отличие соучастия в неоконченном преступлении от «неудавшегося соучастия». Выработаны рекомендации относительно порядка записи формулы квалификации соучастия в неоконченном преступлении (сначала ссылка на статью 33, а затем на статью 30 УК РФ) и «неудавшегося соучастия» (приготовление к преступлению без ссылки на статью 33 УК РФ). На основе материалов судебной практики анализируются ошибки квалификации соучастия в неоконченном преступлении и «неудавшегося соучастия». По правилам о «неудавшемся соучастии» разбираются спорные ситуации, в частности, когда исполнитель по собственной воле не выполняет всего объема преступной деятельности, который изначально был запланирован совместно с другими соучастниками, и вместо оговоренного с организатором, подстрекателем или пособником преступления при квалифицирующих признаках совершает данное преступление при обычных обстоятельствах, а также когда одно из участвующих в преступлении лиц допускает фактическую ошибку относительно наличия признаков соучастия.

Ключевые слова: соучастие; неоконченное преступление; неудавшееся соучастие; ответственность соучастников; приготовление; покушение; теории соучастия.

COMPLICITY IN THE UNCOMPLETED CRIME AND THE "FAILED COMPLICITY"

Annotation. The article is devoted to the analysis of the norm provided by part 5 of Article 34 of the Criminal Code of the Russian Federation, which combines qualitatively different forms of criminal activity, which are defined as complicity in the uncompleted crime and the "failed complicity" in the criminal law. The principal difference of complicity in the uncompleted crime from the failed complicity is revealed. Recommendations concerning the procedure for recording the qualification formula for complicity in the uncompleted crime (first the reference to Article 33, and then to Article 30 of the Criminal Code of the Russian Federation) and the failed complicity (preparing for a crime without reference to Article 33 of the Criminal Code of the Russian Federation) are made. Basing on the materials of judicial practice, the mistakes in the qualification of complicity in the uncompleted crime and the failed complicity are analyzed. According to the rules of the failed complicity, disputable situations are handled, in particular, when the perpetrator of the crime voluntarily does not carry out the entire volume of the criminal activity, which was originally planned jointly with other accomplices, and instead of committing the crime under specified elements agreed with the organizer, instigator or accomplice, he or she commits this crime under ordinary circumstances, as well as the situation when one of the persons participating in the crime makes the actual mistake concerning the presence of the elements of complicity.

Keywords: complicity; uncompleted crime; failed complicity; liability of accomplices; preparation; attempt; theories of complicity.

Положения уголовного права об ответственности соучастников преступления заключают в себе комплекс регламентированных законодателем, а также нашедших решение в теории и правоприменительной практике специальных вопросов, связанных с определением оснований ответственности соучастников, уголовно-правовой оценкой их роли в совершении преступления. К числу таких положений относится норма, предусмотренная ч. 5 ст. 34 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК), объединяющая качественно отличающиеся друг от друга формы преступной деятельности, именуемые в доктрине как соучастие в неоконченном преступлении и «неудавшееся соучастие».

Принципиальное значение для оценки указанной нормы имеет понимание общего подхода к определению основания уголовной ответственности соучастников преступления. По поводу этого в теории отечественного уголовного права сформировались две основные концепции.

Согласно первой из них, известной как акцессорная теория соучастия (от латинского *accessorium* – дополнительный, несамостоятельный), так называемые сложные соучастники, т.е. организатор, подстрекатель и пособник, не имеют самостоятельного основания уголовной ответственности. Основанием для их ответственности является преступление, совершенное исполнителем. Соучастники принимают участие в «чужом» преступлении, главным виновником которого является исполнитель, поэтому преступная деятельность организатора, подстрекателя и пособника имеет не самостоятельное, а лишь дополнительное, подчиненное значение по отношению к преступной деятельности исполнителя. В наиболее полном виде основные постулаты акцессорной теории соучастия в современном российском уголовном праве представлены в научных трудах профессора М.И. Ковалева и состоят в следующем: основой общей ответственности всех соучастников является единство их действий, стержень этого единства – исполнитель; без исполнителя не может быть и соучастия; ответственность по правилам о соучастии возможна лишь при условии, что исполнитель хотя бы начал приготовления к

преступлению действия; основанием уголовной ответственности за организацию, подстрекательство, пособничество является состав преступления, выполненный исполнителем; наказуемость соучастника определяется той статьей уголовного закона, по которой квалифицируется деяние исполнителя; если ответственность исполнителя исключается из-за малозначительности совершенного им деяния либо в силу совершения им приготовления к преступлению небольшой или средней тяжести, то по этим же основаниям исключается ответственность других соучастников [1, с. 13, 32-33, 177-178]. Таким образом, соучастие в преступлении имеет акцессорную природу (т.е. зависимость от преступной деятельности исполнителя), вслед за этим акцессорной является и ответственность соучастников, зависящая от ответственности исполнителя.

Другая концепция ответственности за соучастие, строящаяся на теории самостоятельной ответственности соучастников, напротив, исходит из того, что основание уголовной ответственности каждого из соучастников носит самостоятельный характер. «Каждый соучастник, в чем бы ни выразилось его участие в сообществе совершенном преступлении, подлежит уголовной ответственности на том основании, что он сам, действуя виновно, посягает на охраняемые уголовным законом общественные отношения., его личная деятельность в силу этого приобретает общественно опасный характер, а умышленное участие в совершении преступления выступает как лично им, соучастником, совершенное деяние. Каждый субъект, действует ли он один или совместно с другими лицами, совершая преступление, тем самым создает основание своей уголовной ответственности» [2, с. 587]. Позднее профессор В.С. Прохоров, являющийся последовательным сторонником теории самостоятельной ответственности соучастников, писал: «Поскольку при соучастии с распределением ролей между соучастниками каждый из них совершает разные действия, нет оснований отождествлять составы, соответствующие их деятельности: это разные составы преступления, и у каждого соучастника "свой состав"» [3, с. 562]. Состав преступления, совершаемого исполнителем, предусмо-

трен в диспозиции статьи Особенной части уголовного закона. Состав преступления, совершаемого организатором, подстрекателем и пособником, складывается из признаков, указанных как в диспозиции статьи Особенной части, так и в статье Общей части, предусматривающей деяние каждого соучастника (ст. 33 УК). Исключение уголовной ответственности исполнителя (например, вследствие его добровольного отказа) не исключает ответственности других соучастников преступления. В итоге основания и пределы ответственности соучастников заключаются не в деянии исполнителя, а в деяниях, совершенных лично каждым соучастником.

Действующее уголовное законодательство при регламентации ответственности соучастников базируется на соединении основных положений обеих теорий. С одной стороны, признается акцессорная природа соучастия и невозможность последнего без фигуры исполнителя. С другой стороны, допускается самостоятельное основание уголовной ответственности соучастников, определение индивидуальной меры ответственности каждого из них в зависимости от характера и степени фактического участия в совершении преступления. На основе такого сочетания разрабатывается принципиальный подход к основанию ответственности соучастников: ответственность за соучастие в преступлении возможна только при наличии основания ответственности исполнителя, напротив, исключение ответственности исполнителя (например, в силу его добровольного отказа) делает невозможной ответственность других лиц по правилам о соучастии, что, однако, не исключает их самостоятельной ответственности за индивидуально совершенное преступное деяние [4, с. 321-323].

Соучастие в неоконченном преступлении. В соответствии с ч. 5 ст. 34 УК в случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление. Данное правило, вытекающее из акцессорной природы соучастия, отражает тот факт, что при недоведении исполнителем преступления до конца по не зависящим от него причинам данное

обстоятельство учитывается при определении основания уголовной ответственности других соучастников. Если преступная деятельность исполнителя преступления была прервана по не зависящим от него обстоятельствам на стадии приготовления к преступлению, то остальные соучастники также должны нести уголовную ответственность за соучастие в приготовлении к преступлению. Если исполнитель не довел преступление до конца на стадии покушения, то и остальные соучастники будут нести ответственность за соучастие в покушении на преступление.

Уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника при неоконченном преступлении исполнителя будет наступать по соответствующей статье Особенной части УК с одновременной ссылкой как на ст. 33, так и на соответствующую часть ст. 30 УК. Например, при приготовлении исполнителя к убийству организатор данного преступления будет нести ответственность по ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 30 и ч. 1 ст. 105 УК (организация приготовления к убийству). Аналогичным образом будет наступать ответственность при совершении исполнителем покушения на преступление с той лишь разницей, что вместо ч. 1 ст. 30 УК необходимо делать ссылку на ч. 3 этой статьи. Порядок записи формулы квалификации (сначала ссылка на ст. 33, а затем на ст. 30 УК), далеко не всегда соблюдающийся в судебной практике, имеет принципиальное значение, поскольку отражает факт того, что имело место именно соучастие в неоконченном преступлении исполнителя, как это следует из первого предложения ч. 5 ст. 34 УК (соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление), а не приготовление к соучастию или покушение на соучастие, что свойственно другому обстоятельству — неудавшемуся соучастию.

П., М., Д. и З. договорились о совершении разбойного нападения на квартиру С. По разработанному плану преступления П. указал квартиру С. и остался внизу у подъезда для наблюдения за обстановкой. Д. позвонил в квартиру и с целью проникновения в нее попросил С. обменять валюту. Последний, открывая замки, увидел в дверной глазок, что один из преступников надевает маску, в связи с чем дверь

не открыл, а стал кричать, что вызовет милицию. Испугавшись, соучастники убежали. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ квалифицировала действия П. по ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 30, пп. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 162 УК*.

По другому уголовному делу Верховный Суд РФ иначе квалифицировал действия Т. как организатора покушения на совершение грабежа группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в жилище — по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 33, пп. «а», «в» ч. 2 ст. 161 УК**.

Отсутствие единообразного подхода к квалификации соучастия в неоконченном преступлении в судебной практике (соучастие в приготовлении или покушении на преступление либо приготовление к соучастию или покушение на соучастие в преступлении) и, таким образом, смешение правил уголовно-правовой оценки рассматриваемых случаев с неудавшимся соучастием продиктованы тем, что, как допускает П.С. Яни, текст первого предложения ч. 5 ст. 34 УК «может быть истолкован двояко, поскольку неясно, о каком преступлении здесь идет речь — о преступном деянии исполнителя или об их собственном, неудавшихся соучастников, деянии, которое, будь свершенное исполнителем преступление окончено, квалифицировалось бы со ссылкой на ст. 33 УК РФ (ч. 3 ст. 34 УК РФ)» [5, с. 55]. Если вести речь о собственном преступлении соучастников, за приготовление к которому или за покушение на которое они должны нести ответственность в случае недоведения исполнителем преступления до конца, то содеянное, по мнению П.С. Яни, следует квалифицировать как покушение на соучастие в преступлении (например, покушение на

пособничество в убийстве, когда исполнитель промахнулся, стреляя в жертву из оружия, переданного ему пособником). Квалификация же содеянного как пособничества в покушении, по словам П.С. Яни, создает впечатление, будто он (пособник) с самого начала стремился соучаствовать тому, кто заведомо не должен довести преступление до конца [5, с. 56].

Думается, что оснований для двоякого понимания первого предложения ч. 5 ст. 34 УК законодатель не дает, а квалификация содеянного как соучастия в приготовлении к преступлению или покушении на преступление является единственно правильной, вытекающей как из буквального (т.е. под преступлением здесь нужно понимать преступление исполнителя), так и систематического толкования указанной уголовно-правовой нормы.

Во-первых, если при оценке данной нормы исходить из принципов теории самостоятельной ответственности соучастников и под преступлением, за которое должны нести ответственность организатор, подстрекатель или пособник, понимать их собственное деяние, а не деяние исполнителя, то квалифицировать содеянное такими соучастниками можно не иначе как покушение на организацию, подстрекательство или пособничество, вне зависимости от того, на какой стадии исполнитель прервал совершение своего преступления. Причина этого состоит в том, что, начав организацию преступления, склоняя другое лицо к преступлению или оказывая ему содействие в совершении преступления, соучастник, исходя из положений ч. 3 ст. 30 УК, должен считаться лицом, умышленные действия (бездействие) которого непосредственно направлены на совершение преступления. Однако законодатель допускает также ответственность таких соучастников и за приготовление к преступлению.

Во-вторых, нет ничего странного, вопреки мнению П.С. Яни, в том, что действия лица, которое «желает стать соучастником тому, кто заведомо для него, соучастника, не сможет довести реализацию своего умысла до конца», допустимо квалифицировать как соучастие в покушении на преступление [6, с. 26]. Волевой элемент умысла организатора, подстрекателя и пособника отличается по своему содержанию

* Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. N 10. С. 11. См. также: Действия осужденного по уголовному делу о пособничестве в получении взятки переклассифицированы судом на пособничество в покушении на мошенничество: Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за второе полугодие 2012 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. N 7.

** Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. N 9. С. 8. См. также: Определение Верховного Суда РФ от 11 сент. 2007 г. N 11-Д07-93. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

от волевого элемента умысла исполнителя преступления. Без всяких сомнений, содержанием волевого элемента умысла исполнителя является общественно опасное последствие совершаемого им преступления, наступления которого он может желать, сознательно допускать либо относиться к нему безразлично. Содержание волевого элемента умысла организатора, подстрекателя и пособника исчерпывается другим, а именно самим фактом оказания ими содействия исполнителю преступления в достижении общественно опасного последствия совершаемого им преступления. Психическое отношение к основному общественно опасному последствию преступления, совершаемому исполнителем, находится за рамками умысла других соучастников [7, с. 112-114]. Комментируя данный вопрос, М.И. Ковалев справедливо отмечал: «Прямой умысел при пособничестве существует там, где есть желание оказать содействие совершению преступления, в данном случае убийства, а вовсе не желание видеть мертвым жертву исполнителя» [1, с. 86].

Напротив, поддерживаемая ученым квалификация подобных случаев как «покушения на соучастие» (как известно, покушение возможно только с прямым умыслом) неприменима к ситуациям, когда, скажем, пособник действовал с косвенным умыслом, с безразличием относясь к тому, что исполнитель может воспользоваться оказанной ему помощью (например, банковский работник, шантажируемый похитителями денежных средств, передает последним конфиденциальную информацию о клиентах банка, сознательно допуская ее использование при хищении).

Неудавшееся соучастие. В соответствии с ч. 5 ст. 34 УК за приготовление к преступлению несет уголовную ответственность также лицо, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления. Использованное в конструкции нормы словосочетание «не удалось» имеет ключевое значение в характеристике обстоятельства, которое в уголовном праве именуется как неудавшееся соучастие.

Буквально законодатель ведет речь о неудавшемся подстрекательстве, при котором деятельность подстрекателя оказывается безуспешной, т.к. исполнитель не со-

вершает требуемого преступления. К сожалению, ничего не сказано о неудавшейся организации преступления и неудавшемся пособничестве, которые также могут оказаться безуспешными по причине того, что исполнитель игнорирует сценарий преступления, разработанный организатором, или не пользуется той помощью, которую ему пытался оказать пособник. В теории и практике уголовного права принято, однако, считать, что уголовная ответственность за неудавшуюся организацию преступления и неудавшееся пособничество преступлению наступает по тому же правилу, что и за неудавшееся подстрекательство, т.е. за приготовление к преступлению [8, с. 51; 9, с. 40-43].

Случаи неудавшегося соучастия, юридическая оценка которых основана на теории самостоятельной ответственности соучастников, принципиально отличаются от соучастия в неоконченном преступлении. При соучастии в неоконченном преступлении деятельность соучастников причинно и виновно связана с преступной деятельностью исполнителя, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось довести преступление до конца. При неудавшемся соучастии либо вовсе отсутствует фигура исполнителя преступления как основного соучастника (предполагаемый исполнитель не стал совершать преступление или начал его совершение, но в последующем добровольно отказался от доведения его до конца [10, с. 46-51]), либо преступная деятельность организатора, подстрекателя и пособника по не зависящим от них обстоятельствам не находится в причинной связи с преступлением, совершенным исполнителем (исполнитель совершил не то преступление, к которому его склонял подстрекатель, либо не воспользовался помощью организатора или пособника и совершил преступление без их участия). Исходя из акцессорной природы соучастия, последнее не может иметь места, если нет основания уголовной ответственности исполнителя преступления. Без исполнителя преступления нет соучастия. Равным образом отсутствует соучастие, если нет причинно-следственной связи между деянием соучастника и деянием исполнителя преступления. Как известно, такая связь играет решающую роль в определении понятия

соучастия, образывая один из его объективных признаков — совместность участия лиц в преступлении.

Таким образом, неудавшееся соучастие, строго говоря, соучастием в преступлении не является. В связи с этим уголовная ответственность лиц, которые условно именуется неудавшимися соучастниками, наступает не за организацию, подстрекательство или пособничество в приготовлении к преступлению (или приготовление к организации, подстрекательству или пособничеству), а за обычное приготовление к тому преступлению, в котором указанные лица намеревались участвовать в качестве организатора, подстрекателя или пособника. Не случайно в последнем предложении ч. 5 ст. 34 УК законодатель избегает термина «подстрекатель» и ведет речь о «лице, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления», в то время как в ч. 1 ст. 30 УК одной из форм приготовления названо «приискание соучастников преступления».

Е. попросил своего знакомого В. подыскать исполнителя убийства А., перед которым у него были долговые обязательства. В., не желая принимать участие в совершении преступления, обратился в правоохранительные органы, которым сообщил о поступившем от Е. предложении помочь в организации убийства А. по найму. Далее, действуя в рамках оперативно-розыскных мероприятий, В. принял от Е. информацию о месте проживания и телефонных номерах потерпевшего, используемом им автомобиле, ксерокопию первой страницы паспорта А. и его фотографию, а также денежные средства на расходы, связанные с убийством. После этого Е. был задержан сотрудниками правоохранительных органов. По приговору Новосибирского областного суда Е. осужден по ч. 1 ст. 30, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по апелляционной жалобе осужденного и адвоката, оставила приговор без изменения*.

В судебной практике, однако, имеются решения, расходящиеся с позицией законо-

дателя и приведенными положениями теории и основанные на смешении уголовно-правовой оценки соучастия в неоконченном преступлении и неудавшегося соучастия. Это создает значительные трудности при описании содеянного в приговорах, нередко порождает причудливые формулировки обвинения [11, с. 42-43; 12, с. 55-59].

Б. обратилась к П. с просьбой помочь совершить убийство соседки, поскольку между ними сложились крайне неприязненные отношения. Поняв, что Б. имеет серьезные намерения, П. сообщил об этом в полицию. По просьбе сотрудников правоохранительных органов П. встретился с Б. и ее мужем К., и Б. пояснила, что ее муж в курсе дела, знает о характере их встречи, и они оба желают, чтобы их соседка была убита. Действуя по инструкции сотрудников полиции, П. согласился помочь в организации убийства, сообщив Б., что ей позвонит Ш., с которым можно будет решать эти вопросы. Ш., являвшийся сотрудником полиции, выступил в качестве «исполнителя» преступления. В результате проведенных оперативно-розыскных мероприятий Б. и К. были задержаны. По приговору Архангельского областного суда К. и Б. признаны виновными в организации приготовления к убийству по найму и осуждены по ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 30, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК**.

Из приведенного примера видно, что П. и Ш. совершали правомерные действия в ходе оперативно-розыскных мероприятий, которые проведены в рамках Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Следовательно, П. и Ш. не являлись исполнителями приготовления к убийству, не доведшими преступление до конца по не зависящим от них обстоятельствам. А это, в свою очередь, исключает оценку содеянного К. и Б. по правилу о соучастии в неоконченном преступлении, т.е. как организацию приготовления к убийству. В действительности осужденные, как неудавшиеся соучастники, должны нести ответственность за обычное приготовление к убийству по найму без ссылки на ч. 3 ст. 33 УК.

* Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 8 апр. 2014 г. N 67-АПУ14-18. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 февр. 2013 г. N 1-О13-2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. N 8.

По другому делу судом первой инстанции Л. осужден по ч. 4 ст. 33, ч. 3 ст. 30, пп. «а», «д», «к» ч. 2 ст. 105 УК за то, что с целью скрыть другое преступление предложил Д. убить потерпевшего путем его сожжения. Однако Д., согласившись на убийство, после того как поджег матрац под спящим потерпевшим, который находился в состоянии тяжелого алкогольного опьянения, добровольно отказался от доведения убийства до конца – вернулся в комнату и разбудил потерпевшего.

Суд апелляционной инстанции, изменяя квалификацию действий Л. на ч. 4 ст. 33, ч. 1 ст. 30, пп. «д», «к» ч. 2 ст. 105 УК, мотивировал свое решение следующим: «Л., по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить Д. к совершению преступления. В соответствии с положением, предусмотренным ч. 5 ст. 34 УК, за приготовление к преступлению несет уголовную ответственность лицо, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления (так называемое неудавшееся соучастие). Учитывая, что состав преступления в действиях подстрекателя складывается из признаков, указанных в ст. 33 УК и статье Особенной части УК, предусматривающей состав преступления, к совершению которого он склонял другое лицо, действия Л. подлежат квалификации как подстрекательство к приготовлению преступления, предусмотренного ст. 105 УК»*.

На смешении правил уголовно-правовой оценки соучастия в неоконченном преступлении и неудавшегося соучастия основано указание Верховного Суда России о квалификации действий посредника в сбыте или в приобретении наркотических средств, когда в отношении его проводилось оперативно-розыскное мероприятие. Как указано в Обзоре судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 г.), «когда посредник при-

влечен к уголовной ответственности по результатам оперативно-розыскного мероприятия, проверочной закупки, то действия посредника не могут быть квалифицированы как оконченное преступление и подлежат квалификации как пособничество в покушении на приобретение наркотических средств (ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 30 и соответствующая часть ст. 228 УК), поскольку наркотическое средство изымается из незаконного оборота»**. Без ответа остается вопрос о том, кто является исполнителем покушения на приобретение наркотических средств, если предполагаемый, по мнению посредника-пособника, приобретатель наркотиков в действительности преступником не является, т.к. участвует в законном оперативно-розыскном мероприятии. (Исходя из того, что с принятием постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. N 30 изменился подход к квалификации действий посредника, участвующего в сбыте наркотиков (теперь он считается не пособником в сбыте, а соисполнителем данного преступления), есть основания квалифицировать действия посредника, участвующего в приобретении наркотиков, в том числе в условиях оперативно-розыскного мероприятия, не как пособничество в приобретении, а как исполнительство в данном преступлении).

Следует отметить, что если в вопросе о квалификации неудавшегося соучастия последовательно придерживаться теории самостоятельной ответственности соучастников, то содеянное неудавшимися соучастниками следовало бы расценивать как покушение на соучастие в преступлении, т.е. покушение на организацию, покушение на подстрекательство или покушение на пособничество преступлению, что потребовало бы при квалификации одновременной ссылки на ч. 3 ст. 30 и чч. 3, 4 или 5 ст. 33 УК. Такой подход известен в теории уголовного права и имеет место в судебной практике. Однако действующее российское уголовное законодательство эту логику не воспринимает.

М. обратился к А. с предложением за денежное вознаграждение убить С., который мешал его коммерческой деятельно-

* Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 15 янв. 2014 г. N 8-АПУ13-13. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. N 10.

сти. Впоследствии А. рассказал С. о предложении М. и в подтверждение передал аудиокассету с записью этого разговора. Затем А. обратился в правоохранительные органы и сообщил о готовящемся преступлении. Действия М. квалифицированы судом по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК. Суд кассационной инстанции переквалифицировал его действия на ч. 1 ст. 30, ч. 3 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК, указав следующее: «...в действиях М. имеется состав преступления организация убийства С. по найму: он, являясь инициатором убийства, разработал план его осуществления, подыскал исполнителя – А., заплатил ему деньги. Преступление не было доведено до конца по не зависящим от воли М. обстоятельствам... Таким образом, правильно установив фактические обстоятельства дела, суд дал им неверную юридическую оценку. Содеянное М. следует квалифицировать как приготовление к преступлению, а не покушение на него, поскольку действий, непосредственно направленных на убийство потерпевшего, совершено не было»*.

Поскольку ответственность неудавшихся соучастников наступает не по правилам о соучастии, а по общему правилу ответственности за приготовление к преступлению, постольку сослаться на ст. 33 УК при квалификации содеянного не требуется. В приведенном примере, однако, это требование не соблюдено – действия М. квалифицированы вышестоящей судебной инстанцией по ч. 1 ст. 30, ч. 3 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК, что буквально означает «приготовление к организации убийства по найму».

Впрочем, как можно предположить, из этого не следует, что суд проигнорировал указанное требование. Оставление в формуле квалификации ссылки на ч. 3 ст. 33 УК можно объяснить тем, что изменение квалификации на приготовление к убийству будет означать признание М. исполнителем преступления, а это повлечет нарушение его права на защиту и, как представляется, ухудшение положения подсудимого (ст. 252 УПК РФ) потому, что согласно ранее предъ-

явленному обвинению он считался организатором преступления.

Думается, напрасно опасение того, что изменение квалификации на приготовление к убийству будет означать признание М. исполнителем преступления, и это якобы повлечет нарушение его права на защиту и ухудшение положения подсудимого (ст. 252 УПК РФ) потому, что согласно ранее предъявленному обвинению он считался организатором преступления. Приведение судом квалификации в соответствие с требованиями ч. 5 ст. 34 УК о неудавшемся соучастии, когда из формулы обвинения исключается указание на ст. 33 УК, не может рассматриваться как новое обвинение, существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от ранее предъявленного обвинения.

Так, в одном из решений Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ сочла возможным исключить из обвинения указание на ч. 3 ст. 33 УК, переквалифицируя действия неудавшегося организатора убийства с ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 30, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК (организация приготовления к убийству по найму) на ч. 1 ст. 30, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК (приготовление к убийству по найму), мотивируя это тем, что действия осужденного («приискал исполнителя преступления, предоставил ему оружие, фотографию потерпевшего, сведения о его месте жительства, работы и используемом автотранспорте, заплатил аванс, однако по не зависящим от осужденного обстоятельствам преступление не было доведено до конца» (поскольку предполагаемый исполнитель сообщил о готовящемся преступлении сотрудникам полиции и действовал под их контролем) свидетельствуют о приготовлении к преступлению, не выходя за его рамки и не могут быть квалифицированы по ч. 3 ст. 33 УК как организация преступления**.

К неудавшемуся соучастию примыкают ситуации, когда исполнитель по собственной воле не выполняет всего объема преступной деятельности, который изначально был запланирован совместно с дру-

* Определение Верховного Суда РФ от 16 нояб. 2004 г. N 5-О04-215 по делу М. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. N 7. С. 14.

** Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 3 апр. 2014 г. N 78-АПУ14-14сп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

гими соучастниками, и вместо оговоренного с организатором, подстрекателем или пособником преступления при квалифицирующих признаках совершает данное преступление при обычных обстоятельствах. Например, исполнитель согласно указанию подстрекателя должен был совершить кражу в крупном размере (п. «в» ч. 3 ст. 158 УК), однако при совершении преступления не стал выполнять данное указание и похитил имущество в значительно меньшем размере (ч. 1 ст. 158 УК). По существу, исполнитель добровольно отказался от совершения преступления при квалифицирующих обстоятельствах и должен нести ответственность за фактически совершенное им преступление. Что касается квалификации действий подстрекателя, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось добиться совершения исполнителем преступления при квалифицирующих обстоятельствах, то, исходя из ч. 5 ст. 34 УК, содеянное им следует расценивать как приготовление к преступлению с квалифицирующими признаками (в приведенном примере – ч. 1 ст. 30 и п. «в» ч. 3 ст. 158 УК). Вопрос, однако, осложняется тем, что исполнитель все-таки выполнил основной состав преступления, к совершению которого его склонял подстрекатель, а значит, соучастие в преступлении налично. Благодаря этому в теории уголовного права есть мнение, что в подобного рода ситуациях действия соучастника, которому не удалось в полной мере реализовать свой умысел по «вине» исполнителя, следует квалифицировать как покушение на преступление при квалифицирующих признаках с одновременной ссылкой на ст. 33 УК (покушение на соучастие) [13, с. 157].

В теории уголовного права по правилам неудавшегося соучастия предлагается оценивать ситуации, когда одно из участвующих в преступлении лиц допускает фактическую ошибку относительно наличия признаков соучастия. Например, лицо, склоняющее исполнителя к совершению преступления, рассчитывает на то, что тот обладает необходимыми признаками субъекта преступления, т.е. является вменяемым и достигшим требуемого возраста, однако в действительности склоняемый оказывается невменяемым или малолетним, что исключает признание его испол-

нителем преступления. Ответственность такого неудавшегося подстрекателя будет наступать за приготовление к преступлению [14, с. 185]. В судебной практике, однако, имеются решения, в которых игнорируется такого рода фактическая ошибка и лицу инкриминируется совершение окончательного преступления в соучастии*.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Вопрос о квалификации преступления по правилам, предусмотренным ч. 5 ст. 34 УК, должен решаться на основе принципиального подхода к основанию ответственности соучастников в современном уголовном праве России – ответственность за соучастие в преступлении возможна только при наличии основания ответственности исполнителя, напротив, исключение ответственности исполнителя делает невозможной ответственность других лиц по правилам о соучастии, что, однако, не исключает их самостоятельной ответственности за индивидуально совершенное преступное деяние.

2. Порядок записи формулы квалификации при соучастии в неоконченном преступлении (сначала ссылка на ст. 33, а затем на ст. 30 УК) имеет принципиальное значение, поскольку отражает факт того, что имело место именно соучастие в преступлении исполнителя, которое является неоконченным.

3. В отличие от соучастия в неоконченном преступлении, в котором деятельность соучастников причинно и виновно связана с преступной деятельностью исполнителя, при неудавшемся соучастии либо вовсе отсутствует фигура исполнителя преступления как основного соучастника, либо преступная деятельность организатора, подстрекателя и пособника по не зависящим от них обстоятельствам не находится в причинной связи с преступлением, совершенным исполнителем.

4. Поскольку неудавшееся соучастие в строгом смысле слова соучастием в преступлении не является, то уголовная ответственность лиц, которые условно

* См.: Определения Верховного Суда РФ от 20 мая 2004 г. N 56-ДП-04-20; от 23 июня 2011 г. N 85-О11-10СП; от 1 июня 2010 г. N 81-д10-11. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

именуются неудавшимися соучастниками, наступает не за организацию, подстрекательство или пособничество в приготовлении к преступлению (или приготовление к организации, подстрекательству или пособничеству), а за обычное приготовление к тому преступлению, в котором указанные лица намеревались участвовать в качестве организатора, подстрекателя или пособника.

Список литературы

1. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении: монография. Екатеринбург, 1999. 204 с.
2. Прохоров В.С. Соучастие в преступлении // Курс советского уголовного права. Т. 1. Часть Общая. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968.
3. Уголовное право России: Общая часть: учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. 1064 с.
4. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Р.Д. Шарапова. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013.
5. Яни П.С. Сложности квалификации неудавшегося соучастия // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. N 4. С. 55-58.
6. Яни П.С. Проблемы понимания соучастия в судебной практике (статья вторая) // Законность. 2013. N 8. С. 44-49.
7. Шарапов Р.Д. Соучастие в преступлении: закон, теория, практика // Lex Russica (Русский закон). 2016. N 10. С. 105-115.
8. Питецкий В. Неудавшееся соучастие в преступлении // Российская юстиция. 2003. N 4.
9. Плешаков С.М., Янина И.Ю. Виды неудавшегося соучастия // Российский следователь. 2016. N 1. С. 40-43.
10. Плаксина Т. Неудавшееся подстрекательство // Уголовное право. 2011. N 4. С. 46-51.
11. Плаксина Т., Лызлов А. Вопросы квалификации приготовления к убийству // Уголовное право. 2010. N 4. С. 42-46.
12. Мелешко Д.А. Неудавшееся «соучастие» в убийствах по найму // Законность. 2015. N 11. С. 55-59.
13. Никонов В.А. Основы теории квалификации преступлений (алгоритмический подход): учеб. пособие. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2001. 204 с.
14. Хабаров А.В. Актуальные проблемы уголовного права: учеб. пособие. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2008.

References

1. Kovalev M.I. Souchastie v prestuplenii [Participation in crime]. Ekaterinburg, 1999. 204 p.
2. Prohorov V.S. Souchastie v prestuplenii [Participation in crime]. Kurs sovetskogo ugolovnogo prava. T. 1. Chast' Obshchaya [The course of Soviet criminal law. Volume 1. Part of the General]. Leningrad, Leningrad State University, 1968.
3. Ugolovnoe pravo Rossii: Obshhaya chast' [The Criminal Law of Russia: The General Part]. Saint-Petersburg, 2006. 1064 p.
4. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshhaya chast' [The Criminal Law of Russia. A common part]. Tyumen, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2013.
5. Yani P.S. Slozhnosti kvalifikatsii neudavshegosya souchastiya [Difficulties in the qualification of a failed complicity]. Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii – Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2016, no. 4, pp. 55-58.
6. Yani P.S. Problemy ponimaniya souchastiya v sudebnoy praktike (stat'ya vtoraya) [Problems of Understanding of Participation in Judicial Practice (Article Two)]. Zakonnost' – Legality, 2013, no. 8, pp. 44-49.
7. Sharapov R.D. Souchastie v prestuplenii: zakon, teoriya, praktika [Complicity in crime: law, theory, practice]. Lex Russica (Russkiy zakon) – Lex Russica (Russian law), 2016, no. 10, pp. 105-115.
8. Pitetskiy V. Neudavsheesya souchastie v prestuplenii [Unsuccessful complicity in the crime]. Rossiyskaya yustitsiya – The Russian Justice, 2003, no. 4.
9. Pleshakov S.M., Yanina I.Yu. Vidy neudavshegosya souchastiya [Types of failed complicity]. Rossiyskiy sledovatel' – Russian investigator, 2016, no. 1, pp. 40-43.
10. Plaksina T. Neudavsheesya podstrekatel'stvo [Unsuccessful incitement]. Ugolovnoe pravo – Criminal law, 2011, no. 4, pp. 46-51.
11. Plaksina T., Lyzlov A. Voprosy kvalifikatsii prigotovleniya k ubiystvu [Questions of qualification of preparation for murder]. Ugolovnoe pravo – Criminal law, 2010, no. 4, pp. 42-46.
12. Meleshko D.A. Neudavsheesya «souchastie» v ubiystvakh po naymu [Unsuccessful “complicity” in homicides for hire]. Zakonnost' – Legality, 2015, no. 11, pp. 55-59.
13. Nikonov V.A. Osnovy teorii kvalifikatsii prestupleniy (algoritmicheskiy podkhod) [Fundamentals of the theory of qualification of crimes (algorithmic approach)]. Tyumen, Publishing house of Tyumen State University, 2001. 204 p.
14. Habarov A.V. Aktual'nye problemy ugolovnogo prava [Actual problems of criminal law]. Tyumen, Publishing house of Tyumen State University, 2008.

БИРЮКОВ В.В., BIRYUKOV V.V.,
доктор юридических наук, профессор, Doctor of Legal Sciences, professor,
bvvkrimlavd@mail.ru bvvkrimlavd@mail.ru
Кафедра криминалистики; Chair of criminalistics;
Уральский государственный Ural State Law University,
юридический университет, Komsomolskaya St. 21,
620137, г. Екатеринбург, Yekaterinburg, 620137,
ул. Комсомольская, 21 Russian Federation

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ, ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В КРИМИНАЛИСТИКЕ И ПРАКТИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы целесообразности прогнозирования развития криминалистики с учетом перспектив ее ближайшего и относительно отдаленного будущего, а также потребность в эмпирическом предвидении при производстве следственных действий, применении тактических приемов, комбинаций и операций. Автор отмечает, что значительная часть расследования протекает в условиях тактического риска, следовательно, достижение положительного результата применения тактических приемов осуществления тактических операций и комбинаций целесообразно прогнозировать с определенной долей вероятности. При этом необходимо учитывать возможность влияния различных отрицательных факторов и непредвиденных обстоятельств. Прогнозирование представляет собой специальный метод криминалистики, который «пронизывает» тактику расследования. Как и версия, прогноз представляет собой гипотезу, базирующуюся на анализе данных о прошлом и настоящем состоянии и развития определенных процессов и явлений. Однако в отличие от гипотезы, нацеленной на ретроспективное познание, он с определенной долей вероятности объясняет возможность изменения объектов и развитие событий в будущем. Осмысленное, целенаправленное прогнозирование создает реальные предпосылки определения направлений развития и совершенствования научных знаний, а также практики расследования преступлений с учетом вероятностно-ситуативного подхода.

Ключевые слова: прогноз; прогнозирование; специальный метод; предвидение; версия; ситуация; тактический риск; вероятность.

CRIMINALISTIC FORECASTING, ITS SIGNIFICANCE IN FORENSIC SCIENCE AND THE PRACTICE OF INVESTIGATING CRIMES

Annotation. The issues concerning the expediency of forecasting the development of criminalistics, taking into account the prospects of its nearest and relatively distant future, as well as the need for empirical forecasting in the course of investigative actions and when using tactical techniques, combinations and operations, are analyzed in the article. The author notes that a significant part of the investigation takes place in the conditions of tactical risk, therefore, it is expedient to predict the achievement of positive results of using the tactical methods of the implementation of tactical operations and combinations with a certain degree of probability. It is also necessary to take into account the possibility of the influence of various negative factors and unforeseen circumstances. Forecasting is a special method of criminalistics, which is inherent to the investigation tactics. Like the version, the forecast is a hypothesis based on the analysis of the data on the past and present state and the development of certain processes and phenomena. However, unlike the hypothesis aimed at retrospective cognition, the forecast explains the possibility to change objects and the course of events in the future with a certain degree of probability. Meaningful and purposeful forecasting creates real prerequisites for determining the directions of development and improvement of scientific knowledge, as well as the practice of investigating crimes with regard to the probabilistic-situational approach.

Keywords: prognosis; forecasting; special method; prevision; version; situation; tactical risk; probability.

Необходимость вовлечения в деятельность по борьбе с преступностью достижений естественных, технических, общественных и других наук привела в свое время к рождению науки криминалистики.

Безусловно, они и сегодня обогащают арсенал криминалистических знаний, влияют на развитие ее теории и совершенствование практики расследования преступлений. Одной из важных задач криминалистики,

наряду с разработкой инструментария расследования, изучением и обобщением следственной практики, является определение направлений развития теории науки, научно-технических средств, методов, методик, технологий и приемов, которые будут востребованными в этой деятельности в дальнейшем. Наука должна быть целенаправленной, планируемой, гибкой и работать на перспективу. Разработка инструментария расследования, пригодного для эффективного решения задач в будущем, должна опираться на результаты тактического и стратегического прогнозирования, с допущением возможного риска и вероятностно предсказуемого или случайного развития будущих ситуаций.

Анализируя направления развития криминалистического прогнозирования, обычно выделяют: прогнозирование научных исследований и их результатов, а также прогнозирование эволюции преступности и направлений совершенствования средств, форм, методов и технологий борьбы с ней. Безусловно, оба направления являются важными как для развития науки, так и для совершенствования правоохранительной практики, позволяя и первой, и второй идти в ногу со временем, иметь в запасе научно-технический потенциал, который позволит адекватно и своевременно реагировать на совершенствование и модернизацию преступной деятельности.

При этом следует отметить, что, когда речь идет о прогнозировании направлений совершенствования преступности, достаточно, явно просматриваются криминологические основы, которые создают условия для криминалистического прогнозирования. А.Н. Васильев и Н.П. Яблоков небезосновательно отмечают: «Криминалистическое прогнозирование может стать полноценным только при использовании... как криминалистической, так и криминологической информации» [1, с. 111]. Аналогичное мнение высказывает и Р.С. Белкин [2, с. 145]. Здесь налицо реальный пример использования знаний одной науки в качестве инструмента познания другой, которые создают условия для ее перспективного и целенаправленного развития.

Прогноз представляет собой основанное на достоверных данных предпо-

ложение о вероятно возможном характере поведения и изменения объектов, развитии событий и общественных процессов в будущем. К.В. Бугаев, исследовавший криминалистическое прогнозирование, отмечает: «Прогноз – обоснованное суждение о возможном состоянии объекта в будущем, путях и сроках достижения этих состояний, это научная модель будущего» [3, с. 37].

Он основывается на информации о прошлом и настоящем, но раскрывает сущность, объясняет возможные изменения объектов и развитие событий в будущем. «Эмпирическую основу прогнозирования составляют знания о прошлом и настоящем как единство действительного и возможного. Объективной предпосылкой и необходимостью в прогнозировании является возможность объединения реальности (прошлого) с действительностью (в настоящем) и обеспечение этого в будущем», – считают А.Н. Литвинов и Р.Л. Степанюк [4, с. 9]. Иными словами, это предсказание явлений и изменений, которые могут произойти с объектами при определенном стечении обстоятельств, в будущем.

А. Пуанкаре, затрагивая вопрос о предсказании будущего развития наук, подчеркивает, что лучшим основанием для этого является «...изучение истории и современного состояния этих наук» [5, с. 294]. Отметим, что такое высказывание вполне приемлемо и для криминалистики. Аналогичное мнение о значении прогноза высказывает П. С. Лаплас: «Мы должны рассматривать современное состояние вселенной как последствия его предыдущего состояния и как причину будущего» [6, с. 9].

В прогнозировании важное место занимают такие методы, как аналогия и экстраполирование, сущность которых заключается в переносе выводов, полученных при изучении одной части явления, на другую, или данных, полученных при изучении подобных явлений в прошлом, на возможность развития подобного события в будущем. Результаты применения таких носят вероятностный характер. Учесть все изменения в объекте или процессе, которые с ними произойдут в будущем, возможно только с какой-то долей веро-

ятности. Вероятность прогноза непосредственно зависит от объектов, в отношении которых осуществляется прогнозирование, периода, на который он проводится, а также от возможности влияния различных побочных факторов. Степень вероятности прогноза нередко объясняется возможностью случайного, непредвиденного воздействия на объекты внешних и внутренних факторов. И чем больше срок, на который составляется прогноз, тем меньше вероятность точного предвидения.

Прогноз, как и версия, представляет собой гипотезу, но в отличие от версии это гипотеза о событиях не прошлого, а будущего. Сравнивая версию и прогноз, И.П. Корякин отмечает: «безусловно, они не абсолютно идентичны, поскольку если по отношению к криминалистической версии идет речь о предположении характера вероятного события в ретроспективе, то по отношению к криминалистическому прогнозированию речь идет о перспективной, будущей, вероятности» [7, с. 96]. При этом прогноз, как и версия, формируется тем же субъектом расследования и базируется на объективных данных и опыте расследования, однако предсказывает и объясняет изменения поведения и свойств объектов, а также развитие процессов в будущем. Прогноз является неременным спутником версии не только при ее формировании, но и при отработке. По мнению С.В. Дубровина, «...криминалистические прогнозы и криминалистические версии имеют первостепенное значение для планирования уголовного судопроизводства при предупреждении (выявлении), раскрытии и расследовании родов, видов преступлений и судебном разбирательстве» [8, с. 56].

Криминалистическое прогнозирование является важным научным инструментом формирования и совершенствования теории криминалистики, а также методов, методик и технологий практики расследования. Оно является специальным методом криминалистики, заключающимся в предвидении: а) вероятностного изменения, поведения и использования объектов, связанных с событием преступления в будущем (в том числе преступниками); б) возможных направлений изменения преступной деятельности в будущем и перспективных направлений развития науки и деятель-

ности по расследованию преступлений с целью использования полученной информации в борьбе с преступностью и совершенствования применяемого для этого инструментария. Как отмечают А.Н. Литвинов и Р.Л. Степанюк, «криминалистическое прогнозирование в широком понимании является внедрением положений и рекомендаций криминалистической прогностики в практику научного предвидения в сфере познания криминалистики, а также специфической научной, познавательной и практической деятельности» [4, с. 13].

Современные реалии являются ярким подтверждением того, что и наука криминалистика, и практика борьбы с преступностью нацелены на борьбу с совершенными преступлениями, на осуществление ретроспективной деятельности. Но для общества, и в первую очередь для людей, его составляющих, важнее, чтобы преступления не совершались. Именно постоянное снижение преступности демонстрируют обществу при помощи цифр уголовной статистики, показывая эффективность работы правоохранительной системы. Несмотря на то, что на преступность влияют множественные общественные факторы и борьба с ней должна вестись комплексно, правоохранительные органы в этом общественном сегменте выполняют одну из главных функций. И хотя раскрытие преступлений оказывает существенное влияние на борьбу с преступностью, наука и практика не должны пренебрегать наступательными действиями на нее через профилактику и пресечение преступлений на начальных стадиях, когда преступные замыслы еще не были реализованы, не был причинен ущерб обществу и конкретным его представителям. Именно прогнозирование, основанное на использовании знаний не только криминалистики, но и других наук, а также следственной, экспертной и оперативной практики, создает такие условия. Профилактика, предупреждение и пресечение преступлений на начальных стадиях должны занять ведущее место в этой борьбе.

Отметим, что прогнозирование является реальным резервом оптимизации научного обоснования содержания и формирования криминалистических методик. А.Н. Васильев и М.П. Яблоков еще в

1984 году писали: «при отлаженном криминалистическом прогнозировании система методики станет усовершенствованной и сравнительно легко будет приспособляться к различным следственным ситуациям, появляющимся в процессе расследования, и новым задачам, возникающим в практике расследования преступлений. В таких условиях удастся заранее приспособиться к решению новых методических вопросов расследования, а новые методы раскрытия и расследования разрабатывать и ставить на вооружение следственных органов не тогда, когда наступила кризисная ситуация, а значительно раньше» [1, с. 110].

Наряду с долгосрочным (стратегическим) прогнозированием в криминалистике имеет важное значение краткосрочное (тактическое) прогнозирование. Без него сложно представить тактику производства следственных действий, применение тактических приемов, реализацию тактических комбинаций и операций, как и расследование преступления в целом. Такое прогнозирование Р.С. Белкин назвал «простым эмпирическим предвидением» [2, с. 150].

Данный вид прогнозирования является основой оптимизации формирования криминалистических методик, тактических приемов, комбинаций и операций. Сформированные с его учетом методики сравнительно легко адаптируются к динамичной изменчивости ситуаций и задач, потребность в разрешении которых при этом возникает. Их наличие является надежным фундаментом готовности правоохранительных органов к решению широкого круга задач.

В практике расследования преступлений при решении значительного числа задач предвидение является необходимым условием достижения цели следственного действия, тактического приема, комбинации. При этом их выбор и использование нередко связаны с тактическим риском и далеко не всегда гарантируют не только получение достоверной информации, но и отсутствие конфликта при их производстве. Это способствует тому, что следователь при подготовке к проведению комплекса указанных мероприятий осуществляет их планирование с учетом возможности развития нескольких вариантов ситуаций, а соответственно, и нескольких

вариантов их решения. «Прогнозирование всегда содержит возможность “неучтенного варианта”, не дает следователю ограничивать усилия строго определенным ходом событий. С другой стороны, наличие неопределенности “неучтенного варианта” вовсе не значит, что прогнозировать не следует», — подчеркивают В.Е. Коновалова и А.М. Сербулов [9, с. 65].

Вероятность побуждает субъектов расследования учитывать различные ситуации будущего, которые могут сложиться в ходе расследования. Применение определенных тактических приемов, в свою очередь, зависит от ситуации. При этом их применение всегда связано с тактическим риском. А это значит, что, готовясь к производству следственного действия, субъект расследования должен предусматривать не один, а несколько вариантов их решения, включая полное или частичное подтверждение версии, а также быть готовым к ее полному или частичному отрицанию. Когда речь идет о получении информации от живых людей, например свидетелей, такую вероятность в самом простом виде можно представить следующей схемой: о каких конкретно действиях или объектах и в каких условиях допрашиваемый может дать правдивые показания; о каких действиях или объектах и при каких условиях он может дать ложные показания.

Как утверждает М.В. Стояновский, «самые разнообразные (вплоть до негативных) последствия можно ожидать от производства, в частности, очной ставки между “разнохарактерными фигурантами” дела — малолетним и взрослым, лидером преступной группы и ее второстепенным участником, волевым и слабовольным субъектом. При этом следует прогнозировать последствия в самом широком их понимании — как благоприятные или неблагоприятные» [10, с. 306].

Предвидение играет важную роль при планировании расследования по уголовному делу или некоторому множеству взаимосвязанных дел, а также тактических комбинаций и операций, в выборе и формировании тактических приемов, нацеленных на получение достоверных данных в конкретной ситуации. «Предвидя противодействие расследованию, следователь определяет меры по его преодолению и

прогнозирует их возможные результаты», — обоснованно замечает Р.С. Белкин [2, с. 153]. Таким образом, планируя следственное действие, целесообразно предусмотреть не один, а несколько возможных вариантов развития события, по каждому из них определить несколько вариантов решения, избрав для этого эффективные в сложившейся ситуации тактические приемы или их комбинации, направленные на получение достоверной информации и преодоление противодействия расследованию. «Основной задачей криминалистического прогнозирования является распознавание тенденций, логики развития прогнозируемого процесса, что позволяет в конечном счете уменьшить влияние неопределенности будущей следственной ситуации на результаты принимаемых решений», — отмечает Г.А. Зорин [11, с. 93].

При работе с материальными объектами также целесообразно прогнозировать возможные результаты применения к работе с ними определенных приемов и технологий. Следователь или специалист, производя их поиск, а также действия по обнаружению на них различных следов, должен предвидеть результаты воздействия на них конкретного средства или вещества, возможность их сохранения и использования для других исследований, решения других задач. Так, предвидя возможность потери определенных свойств объекта или следа, целесообразно сначала использовать бесконтактные методы, а затем контактные. Из контактных предпочтительнее отдается физическим методам, затем применяют химические методы.

Несмотря на то, что субъект расследования направляет усилия и знания на сбор информации о событии, имевшем место в прошлом, он должен предвидеть поведение, состояние, а также ситуации, которые могут возникнуть в этой деятельности в настоящем и ближайшем будущем. Так, зная, что предметом кражи стали определенные предметы, можно предвидеть, что одни из них могут стать предметами продажи, и определить круг их возможных покупателей, другие могут быть использо-

ваны при совершении иных, более тяжких преступлений (взрывчатка, оружие и др.) и проявиться в будущем. Квалифицированное использование метода криминалистического прогнозирования создает условия для целенаправленного поиска этих объектов, своевременного предупреждения и пресечения готовящихся преступлений.

Таким образом, на основании изложенного можно сформулировать следующие выводы:

- развитие криминалистического прогнозирования является одним из перспективных направлений совершенствования теории криминалистики и практики расследования преступлений;

- криминалистическое прогнозирование базируется на объективных данных развития объектов и явлений прошлого и настоящего, для предвидения событий будущего. При составлении криминалистических прогнозов должны учитываться достижения и будущие изменения не только криминалистики, но и других наук, технологий, отраслей права и др.;

- прогнозирование всегда носит вероятностный характер и непосредственно зависит от объектов и явлений, а также сроков, на которые составляется прогноз;

- прогнозирование позволяет предсказать изменение объектов и развитие событий в будущем, а значит, и предусмотреть необходимость подготовки специалистов той или иной категории, привлечения тех или иных научно-технических средств, разработку тех или иных методик;

- практическое (тактическое) прогнозирование предоставляет субъекту расследования возможность предусмотреть не один, а несколько вариантов развития событий. Это, в свою очередь, инициирует разработку нескольких вариантов решения задач, ведение расследования по делу в целом, а также осуществление следственного действия или ОРМ целенаправленно, применяя заранее определенный комплекс тактических приемов в зависимости от конкретной сложившейся ситуации, предвидение и определение которых становится возможным благодаря прогнозированию.

Список литературы

1. Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М., 1984. 143 с.
2. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: НОРМА, 2001. 240 с.
3. Бугаев К.В. Методология криминалистического прогнозирования (на примере экспертных подразделений ОВД) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. N 2 (41). С. 37-42.
4. Литвинов А.Н., Степанюк Р.Л. Прогнозирование и планирование в криминалистике. М., 2004. 160 с.
5. Пуанкаре А. О науке. М.: Наука, 1990. 736 с.
6. Лаплас П. С. Опыт философии теории вероятностей: пер. с фр. / под ред. и с предисл. А.К. Власова. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 208 с.
7. Корякин И.П. Риск и криминалистическое предположение // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. N 2. С. 91-96.
8. Дубровин С.В. Структура, содержание и принципы криминалистического прогнозирования и построения криминалистических версий // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. N 4 (22). С. 52-57.
9. Коновалова В.Е., Сербулов А.М. Следственная тактика: принципы и функции. Киев, 1983. 265 с.
10. Стояновский М.В. О криминалистическом прогнозировании // Общественная безопасность, законность и порядок в III тысячелетии. 2016. N 1-3. С. 303-306.
11. Зорин Г.А. Криминалистическая методология. Минск: Амалфея, 2000. 608 с.

References

1. Vasil'ev A.N., Yablokov N.P. Predmet, sistema i teoreticheskie osnovy kriminalistiki [The subject, system and theoretical basis of criminalistics]. Moscow, 1984. 143 p.
2. Belkin R.S. Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. Zlobodnevnye voprosy rossiyskoy kriminalistiki [Forensic science: problems of today. Topical issues of Russian criminology]. Moscow, NORMA Publ., 2001. 240 p.
3. Bugaev K.V. Metodologiya kriminalisticheskogo prognozirovaniya (na primere ekspertnykh podrazdeleniy OVD) [Methodology of forensic forecasting (on the example of expert divisions of Internal Affairs Department)]. Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii – Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011, no. 2 (41), pp. 37-42.
4. Litvinov A.N., Stepanyuk R.L. Prognozirovaniye i planirovaniye v kriminalistike [Forecasting and planning in criminalistics]. Moscow, 2004. 160 p.
5. Puankare A. O nauke [About science]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 736 p.
6. Laplas P.S. Opyt filosofii teorii veroyatnostey [Experience of the philosophy of probability theory]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2011. 208 p.
7. Koryakin I.P. Risk i kriminalisticheskoe predpolozheniye [Risk and forensic hypothesis]. Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii – Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009, no. 2, pp. 91-96.
8. Dubrovin S.V. Struktura, sodержanie i printsipy kriminalisticheskogo prognozirovaniya i postroyeniya kriminalisticheskikh versiy [Structure, content and principles of forensic forecasting and construction of forensic versions]. Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015, no. 4 (22), pp. 52-57.
9. Konovalova V.E., Serbulov A.M. Sledstvennaya taktika: printsipy i funktsii [Investigative tactics: principles and functions]. Kiev, 1983. 265 p.
10. Stoyanovskiy M.V. O kriminalisticheskoy prognozirovani [About criminalistic forecasting]. Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i poryadok v III tysyacheletii – Public security, legality and order in the III millennium, 2016, no. 1-3, pp. 303-306.
11. Zorin G.A. Kriminalisticheskaya metodologiya [Forensic methodology]. Minsk, Amalfeya Publ., 2000. 608 p.

Раздел 2. Охрана и защита прав человека

ЯКУШЕВ П.А., YAKUSHEV P.A.,
кандидат юридических наук, доцент, Candidate of Legal Sciences,
yakushev@land.ru, associate professor,
yakushev@land.ru
Судебная коллегия по гражданским делам; The Chamber of Civil Cases;
Владимирский областной суд, Vladimir Regional Court,
600015, г. Владимир, ул. Разина, 22 Б Razina St. 22 B, Vladimir, 600015,
Russian Federation

УЧАСТИЕ ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В СПОРАХ О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ: ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМАЛЬНОСТЬ ИЛИ РЕАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ РЕБЕНКА?

Аннотация. В статье рассматриваются особенности участия органов опеки и попечительства в делах по спорам о воспитании детей. Анализируются основные задачи органов опеки и попечительства при рассмотрении указанных дел. Автором выявлен ряд типичных проблем, связанных с участием органов опеки и попечительства в рассмотрении судами дел о воспитании детей, в связи с чем предлагаются рекомендации, направленные на оптимизацию процедуры участия данных органов в разрешении таких дел. В частности, органы опеки и попечительства должны привлекаться к участию в деле как уполномоченные органы для представления актов обследования и дачи заключения по делу (статья 47 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации), а не в качестве третьих лиц. Если родители проживают в разных муниципальных образованиях, то органы опеки и попечительства каждого из них должны подготовить акты обследования жилищных условий и дать заключение по существу спора. При рассмотрении дела об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, в заключении органа опеки и попечительства должен предлагаться конкретный порядок общения.

Ключевые слова: права ребенка; споры о воспитании детей; органы опеки и попечительства; семейные ценности.

PARTICIPATION OF THE GUARDIANSHIP AUTHORITIES IN DISPUTES ABOUT THE UPBRINGING OF CHILDREN: PROCEDURAL FORMALITY OR REAL PROTECTION OF THE RIGHTS OF A CHILD?

Annotation. The article deals with the peculiarities of the participation of guardianship authorities in cases concerning the disputes about the upbringing of children. The main tasks of the guardianship bodies during the consideration of these cases are analyzed. The author has revealed a number of typical problems related to the involvement and participation of guardianship authorities in the process of hearing the cases concerning the upbringing of children by courts. In this regard, the recommendations aimed at optimizing the procedure for the participation of guardianship authorities in resolving such cases are proposed. In particular, the guardianship authorities should be involved to participate in the case as the authorized bodies for the purpose of submitting inspection reports and giving an opinion on the case (article 47 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation), and not as third parties. If the parents live in different municipalities, the guardianship bodies of each of them must prepare the living conditions inspection reports and give an opinion on the merits of the dispute. When considering a case concerning the exercise of parental rights by the parent living apart from the child, the specific communication procedure should be offered in the conclusion of the guardianship authority.

Keywords: child rights; disputes about the upbringing of children; guardianship authorities; family values.

Споры о воспитании детей, затрагивающие вопросы жизни, здоровья и развития ребенка, традиционно являются одними из сложных как с юридической точки зрения, так и с эмоциональной сто-

роны. Помимо выявления всех юридически значимых обстоятельств сложившейся семейной ситуации, их грамотной оценки и вынесения законного, обоснованного и справедливого решения, судьи при прове-

дении судебных заседаний должны быть готовы к проявлению крайне враждебных отношений между родителями ребенка, а именно к несдержанности, взаимным оскорблениям, стремлению «свести счеты» с оппонентом любой ценой, используя ребенка лишь как средство для достижения своих целей [1, с. 16].

Наиболее распространенными спорами о воспитании детей являются споры: об определении места жительства ребенка; о порядке осуществления родительских прав; об устранении препятствий к общению с ребенком его близких родственников; о лишении родительских прав; об ограничении родительских прав [2, с. 10].

При рассмотрении указанных дел в силу ч. 2 ст. 47 ГПК РФ и ст. 78 СК РФ к участию в деле в обязательном порядке привлекается орган опеки и попечительства.

Согласно ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 24 апреля 2008 г. N 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»* органы опеки и попечительства относятся к государственным органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации. При этом частью 2 указанной статьи установлено, что органы местного самоуправления могут наделяться законом субъекта Российской Федерации полномочиями по опеке и попечительству с передачей необходимых материальных и финансовых средств.

В подавляющем большинстве субъектов Российской Федерации (более 70) полномочия по опеке и попечительству переданы именно на муниципальный уровень [3, с. 143]. Например, Законом Владимирской области от 5 августа 2009 г. N 77-ОЗ** органы местного самоуправления наделены государственными полномочиями Владимирской области по организации и осуществлению деятельности

* Об опеке и попечительстве: федер. закон от 24 апр. 2008 г. N 48-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. N 17. Ст. 1755.

** О наделении органов местного самоуправления государственными полномочиями по организации и осуществлению деятельности по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних граждан во Владимирской области: закон Владимирской области от 5 авг. 2009 г. N 77-ОЗ // Владимирские ведомости. 2009. 6 авг. N 184. С. 4-5.

по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних.

В некоторых регионах Российской Федерации полномочия по опеке и попечительству на муниципальный уровень не переданы и осуществляются органами или структурными подразделениями органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Например, в Ивановской области в структуре Департамента социальной защиты населения области действует управление по опеке и попечительству, а также территориальные органы***.

Независимо от модели формирования органов опеки и попечительства — в структуре региональных органов власти или в структуре органов местного самоуправления — они должны надлежащим образом выполнять свои функции по защите прав и законных интересов детей, в том числе в процессе участия при рассмотрении судами дел о воспитании детей.

Основными задачами органов опеки и попечительства при рассмотрении судами дел о воспитании детей являются:

а) обследование условий жизни ребенка и лица (лиц), претендующего на его воспитание, и отражение этих условий в актах обследования, направляемых в суд;

б) составление основанного на актах обследования письменного заключения по существу спора и предоставление его суду. На необходимость составления названных актов и заключения указано в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. N 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей»**** (далее — постановление Пленума ВС РФ от 27 мая 1998 г. N 10);

в) дача заключения по вопросу о том, окажет ли присутствие в судебном заседании ребенка, достигшего возраста десяти лет, неблагоприятное воздействие на него (п. 20 постановления Пленума ВС РФ от 27 мая 1998 г. N 10);

*** Положение о Департаменте социальной защиты населения Ивановской области: утв. постановлением Правительства Ивановской области от 17 окт. 2012 г. N 403-П. URL: <http://szn.ivanovoobl.ru/department/about/polozhenie>

**** Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. N 7.

г) оказание содействия суду при выявлении мнения ребенка, в том числе не достигшего возраста десяти лет, вне судебного заседания [4, с. 24]. Возможность выявления мнения ребенка, не достигшего десятилетнего возраста, посредством его опроса специалистами органа опеки и попечительства отмечена в Обзоре практики разрешения споров, связанных с воспитанием детей, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 июля 2011 г.* (далее — Обзор ВС РФ от 20 июля 2011 г.);

д) предоставление заключения по вопросу об определении места жительства детей и (или) порядка осуществления родительских прав на период до вступления в законную силу судебного решения (ч. 6.1 ст. 152 ГПК РФ);

е) участие в судебных заседаниях в качестве уполномоченного органа (ст. 47 ГПК РФ) с соответствующими процессуальными правами и обязанностями, в том числе правом задавать вопросы лицам, участвующим в деле, для выявления обстоятельств, способных повлиять на права и интересы ребенка, заявлять в этих целях ходатайства и др.;

ж) доведение до суда всей известной информации, имеющей значение для правильного разрешения спора. В частности, обстоятельства жизни ребенка и его родителей после предоставления суду на стадии подготовки дела к судебному разбирательству актов обследования жилищных условий могут измениться, о чем орган опеки и попечительства должен сообщить суду;

з) оказание содействия в примирении участников семейно-правового конфликта и др.

Анализ судебной практики по делам о воспитании детей** позволил выявить ряд типичных проблем, связанных с участием органов опеки и попечительства в рассмотрении таких дел. Причем указан-

ные проблемы возникают как вследствие нарушений, допускаемых судами, так и вследствие ненадлежащего исполнения своих полномочий органами опеки и попечительства. Выявленные недостатки влияют в конечном итоге на обеспечение соблюдения прав и законных интересов детей. В связи с этим предлагаются следующие рекомендации, направленные на оптимизацию процедуры участия органов опеки и попечительства в делах по спорам, связанным с воспитанием детей, повышение уровня взаимодействия суда и органов опеки и попечительства в целях защиты прав детей.

1. Органы опеки и попечительства должны привлекаться к участию в деле как уполномоченные органы для представления актов обследования и дачи заключения по делу (ст. 47 ГПК РФ). Привлечение органа опеки и попечительства к участию в деле по спору, связанному с воспитанием детей, в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, является процессуальным нарушением.

В данном случае орган опеки и попечительства участвует в деле в качестве государственного органа, компетентного дать заключение по существу спора. Основанием его участия в деле является интерес государства в правильном разрешении спора, имеющего важную социальную направленность, а также защита интересов несовершеннолетних.

Привлечение органа опеки и попечительства не в качестве органа, дающего заключения по делу, а в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, является процессуальным нарушением. Процессуальные права и обязанности органа опеки и попечительства, привлекаемого для дачи заключения по спору (ст. 47 ГПК РФ) и в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований (ст. 43 ГПК РФ), являются различными. Несмотря на то, что на данное обстоятельство обращается внимание в Обзоре ВС РФ от 20 июля 2011 г., суды продолжают допускать указанное процессуальное нарушение.

Так, в рассмотренном Гороховецким районным судом Владимирской области деле по иску А. к Н. и Л. об определении

* Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. N 7.

** Автором проанализировано более 650 дел, рассмотренных районными (городскими) судами во Владимирской области и в других субъектах Российской Федерации, а также Верховным Судом Российской Федерации.

порядка общения с ребенком и разрешении вопроса о возможности выезда ребенка из Российской Федерации орган опеки и попечительства ошибочно привлечен к участию в деле в качестве третьего лица*.

2. Если родители проживают в разных муниципальных образованиях и в каждом из них имеется орган опеки и попечительства, то к участию в деле должен привлекаться как орган опеки и попечительства по месту жительства истца, претендующего на воспитание ребенка, так и орган опеки и попечительства по месту жительства ответчика, с которым проживает ребенок (либо орган опеки и попечительства по месту нахождения ребенка в детском учреждении), каждый из которых должен дать заключение по существу спора, основанное как на представленном органом опеки и попечительства акте обследования условий жизни по месту проживания истца, претендующего на воспитание ребенка, так и на акте обследования условий жизни по месту жительства ответчика с ребенком. Иначе говоря, должны быть подготовлены два акта обследования и даны два заключения, основанные на каждом из этих актов.

Указанная позиция, основанная на положениях ст. 78 СК РФ и ст. 47 ГПК РФ и изложенная в Обзоре ВС РФ от 20 июля 2011 г., соблюдается судами. Например, при рассмотрении Октябрьским районным судом г. Владимира дела по иску А. к Н. об определении порядка общения с ребенком акты обследования и заключения предоставлялись органами опеки и попечительства г. Владимира (место жительства матери ребенка) и г. Юрьева-Польского (место жительства отца ребенка)**.

3. Рассмотрение дела по спору, связанному с воспитанием детей, в отсутствие актов обследования условий жизни ребенка и лица, претендующего на его воспитание, недопустимо [5, с. 38].

Несмотря на очевидность приведенного тезиса, имеют место случаи, когда

суды принимают решения без указанных документов, что не отвечает интересам ребенка. Так, при рассмотрении Киржачским районным судом Владимирской области дела по иску К.Н. к К.А. об определении порядка общения с ребенком акты обследования жилищных условий в материалы дела не были представлены, суд принял решение в их отсутствие***.

4. При рассмотрении дела об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, в заключении органа опеки и попечительства должен предлагаться конкретный порядок общения.

В Обзоре ВС РФ от 20 июля 2011 г. указано на недопустимость отсутствия в заключениях органов опеки и попечительства вывода по существу спора и оставления разрешения вопроса на усмотрение суда. Вместе с тем такие случаи имеются в практике судов. Например, в материалы рассматриваемого Селивановским районным судом Владимирской области гражданского дела по иску бабушки и дедушки ребенка к матери ребенка об устранении препятствий к общению с несовершеннолетним и определении порядка общения с ребенком представлено заключение, подписанное начальником управления образования администрации Селивановского района, в котором указано, что управление образования считает необходимым определить порядок общения с ребенком «по согласованию сторон или по графику, установленному судом»****. Предоставляя подобные заключения, органы опеки и попечительства не оказывают содействие суду в разрешении спора, а фактически самоустраиваются от выполнения возложенных на них задач.

5. В случае непредоставления либо нарушения сроков предоставления органом опеки и попечительства актов обследования жилищных условий и (или) заключения по существу спора судам необходимо реагировать на эти факты вынесением частных определений.

В рассмотренном Вязниковским городским судом Владимирской области

* Решение Гороховецкого районного суда Владимирской области от 8 дек. 2016 г. по делу N 2-493/2016 // Архив Гороховецкого районного суда Владимирской области.

** Дело N 2-595/2015 // Архив Октябрьского районного суда г. Владимира.

*** Дело N 2-128/2015 // Архив Киржачского районного суда Владимирской области.

**** Дело N 2-104/2014 // Архив Селивановского районного суда Владимирской области.

деле по иску С. к Е. об определении порядка общения с ребенком отсутствует заключение органа опеки и попечительства, а акты обследования жилищных условий составлены не органом опеки и попечительства, а педагогом школы и классным руководителем и утверждены директором школы*. При этом в материалах дела имеется письмо судьи в адрес отдела опеки и попечительства администрации Вязниковского района о необходимости предоставления актов обследования жилищных условий и заключения по существу спора, однако данное поручение не выполнено. Суд не предпринял мер реагирования на указанные факты. Представляется, что на подобные действия (бездействие) органов опеки и попечительства, нарушающие не только нормы процессуального права, но и права и законные интересы несовершеннолетних, необходимо реагировать путем вынесения частных определений.

6. Заключение органа опеки и попечительства должно быть подписано уполномоченным на это должностным лицом органа опеки и попечительства субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления.

В абзаце четвертом постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. N 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав»** разъяснено, что исходя из положений пункта 1 статьи 34 ГК РФ, пункта 2 статьи 121 СК РФ, а также статьи 6 Федерального закона «Об опеке и попечительстве» заключение органа опеки и попечительства должно быть подписано уполномоченным на это должностным лицом органа опеки и попечительства субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления (если законом субъекта Российской Федерации органы местного самоуправления наделены полномочиями по опеке и попечительству в соответствии с федеральными законами).

* Дело N 2-1090/2014 // Архив Вязниковского городского суда Владимирской области.

** Рос. газ. 2017. 20 нояб. N 262.

Представляется, что указанное разъяснение распространяется на все категории дел по спорам о воспитании ребенка, в которых требуется получение заключения органа опеки и попечительства.

В каждом конкретном случае необходимо исследовать полномочия лица, подписавшего заключение органа опеки и попечительства. Если акты обследования либо заключение подписаны не главой муниципального образования (либо субъекта Российской Федерации), в материалах дела должен находиться документ, подтверждающий полномочия соответствующего должностного лица. Недопустимо приобщение к материалам дела актов обследования условий жизни ребенка и иных лиц, а также заключений органов опеки и попечительства, подписанных ненадлежащими лицами либо не заверенных надлежащим образом. Такие доказательства как недопустимые не могут быть положены в основу решения суда (см. Обзор ВС РФ от 20 июля 2011 г.).

7. При определении в предварительном судебном заседании места жительства детей и (или) порядка осуществления родительских прав на период до вступления в законную силу судебного решения (ч. 6.1 ст. 152 ГПК РФ) судом в обязательном порядке исследуются акты обследования, подготовленные органом опеки и попечительства, и заключение этого органа.

В соответствии с ч. 6.1 ст. 152 ГПК РФ при рассмотрении споров о детях по требованию родителей (одного из родителей) в предварительном судебном заседании суд с обязательным участием органа опеки и попечительства вправе определить место жительства детей и (или) порядок осуществления родительских прав на период до вступления в законную силу судебного решения. По данным вопросам выносится определение при наличии положительного заключения органа опеки и попечительства и с обязательным учетом мнения детей. При наличии обстоятельств, свидетельствующих, что изменение фактического места жительства детей на период до вступления в законную силу соответствующего судебного решения противоречит интересам детей, суд определяет местом жительства детей на период до вступления в законную силу судебного ре-

шения об определении их места жительства фактическое место жительства детей.

Так, определением Петушинского районного суда Владимирской области от 13 декабря 2013 г. определено место жительства несовершеннолетней К. по месту жительства ее матери до вступления в законную силу судебного решения по делу, связанному с иском матери ребенка к отцу об определении места жительства ребенка*. Суд обязал отца передать ребенка матери. Вопрос рассматривался в предварительном судебном заседании, на котором исследовались акты обследования, подготовленные органом опеки и попечительства, и заключение этого органа.

Полагаем, что из содержания ч. 6.1 ст. 152 ГПК РФ следует, что на период рассмотрения дела место жительства ребенка может быть определено не только по месту жительства его родителей, если, например, ребенок фактически проживает по месту жительства бабушки или дедушки и суд придет к выводу, что изменение фактического места жительства ребенка на период до вступления в законную силу соответствующего судебного решения противоречит интересам ребенка.

8. Суд и органы опеки и попечительства должны прилагать максимальные усилия для разрешения семейного спора примирением отца и матери ребенка, а также других лиц, вовлеченных в семейно-правовой конфликт.

Судебное постановление только при готовности и желании обоих родителей его исполнять будет реально реализовываться в интересах ребенка, в противном случае возникнут новые конфликты. Ни суд, ни органы опеки и попечительства не могут в полной мере заменить ребенку родителей в решении вопросов, связанных с его проживанием и воспитанием, именно поэтому они должны принимать активные меры по примирению родителей ребенка, способствовать заключению мирового соглашения.

Изучение судебной практики показывает, что в ряде случаев споры, связанные с воспитанием детей, разрешаются путем заключения сторонами мирового соглашения и его утверждения судом. Это свиде-

тельствует об активной роли суда в снижении уровня конфликтности в отношениях родителей. Например, во Владимирской области в 2015-2017 годах более 30 % всех споров о воспитании детей были окончены заключением мировых соглашений**. Этот показатель выше, чем по любой другой категории дел.

В то же время достаточно часто мировые соглашения утверждаются в суде апелляционной инстанции, что свидетельствует о неполном раскрытии районными (городскими) судами потенциала института примирения. На наш взгляд, это объясняется следующим:

– ограниченными сроками рассмотрения дела (за 2 месяца крайне сложно примирить враждующих супругов, вникнуть в реальные причины семейного конфликта);

– отсутствием полноценной семейной медиации и условий для ее развития. Несмотря на принятие Федерального закона от 27 июля 2010 г. N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»***, семейная медиация так и не получила распространения в России, поскольку судебное разрешение споров остается более оперативным, экономичным и понятным населению способом урегулирования конфликтов по сравнению с медиативными процедурами;

– препятствиями к примирению родителей со стороны их процессуальных представителей. К сожалению, для некоторых представителей главное – заработать на конфликте доверителей, а не урегулировать его. Представляется, что последовательное внедрение в процессуальное законодательство идеи судебного представительства только адвокатами, которые в отличие от представителей без статуса адвоката по крайней мере связаны требованиями Кодекса профессиональной этики адвоката, будет способствовать уменьшению влияния данного фактора;

– истинными мотивами обращения в суд (ревность и обида на другого ро-

** Владимирский областной суд; официальный сайт. URL: <http://oblsud.wld.sudrf.ru>

*** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. N 31. Ст. 4162.

* Дело N 2-1743/2013 // Архив Петушинского районного суда Владимирской области.

дителя; стремление «удержать» бывшего супруга; желание решить материальные вопросы, используя ребенка в качестве объекта торга, и т.д.). Иногда только в суде апелляционной инстанции (зная о других делах между родителями) можно в комплексе рассмотреть все семейные взаимоотношения, выявить действительные мотивы спора о ребенке и, поняв их, побудить стороны к мирному разрешению ситуации.

Устранение перечисленных факторов будет способствовать развитию института примирения при разрешении споров о воспитании детей.

Большую роль в заключении мирных соглашений играют именно органы опеки и попечительства, специалисты которых имеют возможность общаться с участниками семейного конфликта не только в рамках формализованной процедуры судебного заседания, но и в неформальной обстановке, приводя юридические доводы и раскрывая родителям действительные интересы ребенка. Однако без знаний основ медиативных технологий, без надлежащей психологической подготовки специалисты органов опеки и попечительства, постоянно сталкивающиеся с людьми, находящимися в опасном социальном положении и требующими повышенного внимания к себе, сами рискуют оказаться в состоянии постоянной повышенной тревожности, эмоционального возбуждения, что может привести к «профессиональному выгоранию».

Необходима интеграция медиативных технологий в деятельность органов опеки и попечительства посредством проведения информационно-просветительских мероприятий, повышения квалификации сотрудников на специальных курсах подготовки медиаторов и последующего поддержания их профессионального уровня.

Однако, как справедливо отмечает И.А. Пантелеева, внедрению медиативных технологий в деятельность органов опеки и попечительства препятствуют: их большая загруженность; проживание отца и матери ребенка в разных муниципальных образованиях, органы опеки и попечительства которых не имеют целостной картины семейно-правового конфликта; то, что специалисты органов опеки и попечительства исходят из приоритета прав

и законных интересов ребенка, медиатор же исходит из равенства прав ребенка и каждого из родителей [6, с. 455].

9. В случае приостановления производства по делу для обследования органом опеки и попечительства условий жизни родителей или лиц, их заменяющих, специалисты органов опеки и попечительства должны использовать указанное время для примирения лиц, участвующих в деле.

В соответствии с абз. 5 ст. 216 ГПК РФ суд вправе приостановить производство по делу в случае назначения органом опеки и попечительства обследования условий жизни усыновителей по делу об усыновлении (удочерении) и другим делам, затрагивающим права и законные интересы детей.

Произвольное применение указанной нормы может привести к необоснованному приостановлению производства по каждому делу о воспитании ребенка, по которому требуется составление актов обследования условий жизни лиц, участвующих в деле. Полагаем, что суд не должен приостанавливать производство по делу исключительно для предоставления органу опеки и попечительства времени для составления таких актов. Специалисты органа опеки и попечительства должны проявлять оперативность при составлении актов обследования жилищных условий в пределах общего срока рассмотрения гражданского дела. Между тем, если необходимо время для примирения родителей, а также для более детального изучения причин семейного конфликта, то суд с учетом мнения и информации органа опеки и попечительства по данному вопросу вправе приостановить производство по делу для поиска точек соприкосновения между конфликтующими родственниками.

Следует еще раз подчеркнуть, что мировое соглашение, добровольно и осознанно заключенное родителями ребенка (лицами, их заменяющими), будет намного эффективнее способствовать реализации прав и интересов ребенка, чем судебное решение. Не случайно более ста лет назад присяжный поверенный Санкт-Петербургской судебной палаты Б.П. Никон, характеризуя семейные споры, очень точно отмечал, что суд «чувствует, что эти дела совсем не к лицу ему... Суд, привык-

ший иметь дело с имущественными отношениями, путается и приходит в смущение, когда перед ним предстает семейная жизнь с ее горестями и требованиями, совершенно далекими от какого-либо юридического формализма. Суд действует в таких делах с неловкостью и неуверенностью близорукого человека» [7, с. 13].

У органов опеки и попечительства имеется возможность оказания существенного содействия суду в примирении сторон семейно-правового спора, связанного с воспитанием ребенка, что должно быть одной из главных задач органов опеки и попечительства.

Таким образом, действующее семейное и гражданское процессуальное законодательство, а также разъяснения Верховного Суда Российской Федерации позволяют обеспечивать соблюдение прав и законных интересов несовершеннолетних

и других лиц, участвующих в деле, при рассмотрении споров о воспитании детей. Органы опеки и попечительства при надлежащем исполнении своих обязанностей (при условии правильного осуществления процессуальной деятельности судом) оказывают действенную помощь суду в установлении фактических обстоятельств, имеющих юридическое значение для рассмотрения дел о воспитании детей, а также процессуально способствуют экономии времени суда на выполнение ряда технических действий, позволяя судье сконцентрироваться на существе спора. Приведенные в данной статье рекомендации призваны оптимизировать взаимодействие суда с органами опеки и попечительства и направлены на исключение процессуальных нарушений, которые могут привести к неправильному рассмотрению дела о воспитании ребенка.

Список литературы

1. Нечаева А.М. Споры о неделимом // Рос. юстиция. 2016. N 2. С. 15-18.
2. Егорова О.А., Беспалов Ю.Ф. Настольная книга судьи по семейным делам: учеб.-практ. пособие. М.: Проспект, 2017.
3. Теплякова О.А. Правовой статус и функции органов опеки и попечительства // Lex Russica. 2016. N 10. С. 142-154.
4. Смагина Е.С. Некоторые особенности участия органов опеки и попечительства в спорах об определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. N 8. С. 23-27.
5. Серебрякова А.А. Органы опеки и попечительства как субъекты семейного права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. N 4. С. 37-41.
6. Пантелеева И.А. Семейная медиация как альтернативная процедура разрешения споров // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. N 1 (2). С. 452-457.
7. Никонов Б.П. Спор о ребенке. Закон и судебная практика по вопросу об отбирании родителями своих детей от посторонних лиц. СПб., 1911.

References

1. Nechaeva A.M. Spory o nedelimom [The disputes about indivisible]. Rossiyskaya yustitziya – Russian justice, 2016, no. 2, pp. 15-18.
2. Egorova O.A., Bepalov Yu.F. Nastol'naya kniga sud'i po semeinim delam [Handbook of judges in family matters]. Moscow, Prospect Publ., 2017.
3. Teplyakova O.A. Pravovoy status i funktsii organov opеki i popechitel'stva [Legal status and functions of guardianship bodies]. Lex Russica – Lex Russica, 2016, no. 10, pp. 142-154.
4. Smagyna E.S. Nekotorye osobennosti uchastiya organov opеki i popechitel'stva v sporah ob opredelenii mesta zhitel'stva rebenka pri razdel'nom prozhivanii roditeley [Some features of participation of bodies of guardianship in disputes about determination of the place of residence of the child when the parents live separately]. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: experience, analysis, practice, 2016, no. 8, pp 23-27.
5. Serebryakova A.A. Organy opеki i popechitel'stva kak sub'ekty semeinogo prava [The bodies of guardianship as the subjects of family law]. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: experience, analysis, practice, 2013, no. 4, pp. 37-41.
6. Panteleeva I.A. Semejnaya mediatsiya kak al'ternativnaya protsedura razresheniya sporov [Family mediation as a procedure of alternative dispute resolution]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky, 2014, no. 1 (2), pp. 452-457.
7. Nikonov B.P. Spor o rebyonke. Zakon i sudebnaya praktika po voprosu ob otbiranii roditelyami svoih detey ot postoronnih lits [The dispute about the child. The law and judicial practice on the issue of parents taking away their children from outsiders]. St. Petersburg, 1911.

ПИМОНОВ Б.В.,
кандидат юридических наук,
bvpimonov@bk.ru
Кафедра организации
расследования преступлений
и судебных экспертиз;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

PIMONOV B.V.,
Candidate of Legal Sciences,
bvpimonov@bk.ru
Chair of crime detection and forensics;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75,
Tyumen, 625049,
Russian Federation

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОМОЩИ ПЕРЕВОДЧИКА

Аннотация. В уголовном судопроизводстве использование подозреваемым (обвиняемым), не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, помощи переводчика бесплатно является его конституционным правом. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, все чаще настоящее право используется стороной защиты как инструмент противодействия расследованию преступления. При этом подозреваемый (обвиняемый) во многих из рассмотренных случаев в совершенстве владеет языком, на котором ведется производство по уголовному делу. Данное обстоятельство существенно затрудняет решение задач правосудия в разумные сроки и, как следствие, защиту прав и свобод других участников уголовного судопроизводства. В связи с этим в статье рассматривается порядок обеспечения права подозреваемого (обвиняемого) на использование помощи переводчика при возникновении различных следственных ситуаций, в том числе конфликтных, в ходе которых устанавливаются обстоятельства злоупотребления таким правом. В проекции на криминалистические рекомендации предложен алгоритм действий в различных следственных ситуациях сотрудника, осуществляющего производство по уголовному делу, по недопущению злоупотребления подозреваемым соответствующим правом.

Ключевые слова: язык судопроизводства; владение языком; переводчик; отказ в удовлетворении ходатайства; противодействие предварительному расследованию; злоупотребление правом.

ENSURING THE RIGHT OF THE SUSPECT (ACCUSED) TO USE THE ASSISTANCE OF AN INTERPRETER

Annotation. In criminal proceedings, using the interpreter's assistance for free is the constitutional right of a suspect (accused), who does not know or does not know enough the language of the proceedings. However, according to the results of the conducted research, this right is increasingly used by the defense party as a tool to counter the investigation of crime. At the same time, in many of the cases considered, the suspect (accused) perfectly knows the language in which the criminal proceedings are conducted. This circumstance significantly complicates the solution of the problems of justice within a reasonable time, and, consequently, the protection of the rights and freedoms of other participants in criminal proceedings. In this regard, the author of the article analyzes the procedure for ensuring the right of the suspect (accused) to use the assistance of an interpreter in case of various investigative situations, including the conflict ones, in which the circumstances of the abuse of such right are established. The algorithm of actions of the employee carrying out the criminal proceedings to prevent the suspect from abusing the relevant right is proposed. This algorithm can be used in different investigative situations and it can also be the basis for developing forensic recommendations.

Keywords: language of the proceedings; language proficiency; interpreter; denial of the petition; counteraction to preliminary investigation; abuse of right.

В соответствии с частью 2 статьи 26 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Это безусловное и неоспоримое право

каждого жителя России. Распространение конституционной нормы находит свое отражение, в частности, в принципах уголовно-процессуального законодательства. В статье 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) закрепляется, что участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика, а документы, подлежащие обязательному вручению обвиняемому, должны быть переведены на его родной язык или на язык, которым он владеет.

Данные нормы УПК РФ корреспондируют части 2 статьи 5 Федерального закона от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»*, обязывающей обеспечить лицам, не владеющим государственным языком Российской Федерации, право на пользование услугами переводчиков, и пункту 3 статьи 18 Закона Российской Федерации от 25 октября 1991 г. N 1807-1 «О языках народов Российской Федерации»**, закрепляющему положение о том, что лица, участвующие в деле и не владеющие языком, на котором ведутся судопроизводство и делопроизводство в судах, а также делопроизводство в правоохранительных органах, вправе выступать и давать объяснения на родном языке или на любом свободно избранном ими языке общения, а также пользоваться услугами переводчика.

Обращаясь к вопросу о языке, на котором ведется производство по уголовному делу, необходимо отметить, что в

* О государственном языке Российской Федерации: федер. закон от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ: ред. от 5 мая 2014 г. // Рос. газ. 2005. 7 июня. N 120; 2014. 7 мая. N 10.

** О языках народов Российской Федерации: закон Рос. Федерации от 25 окт. 1991 г. N 1807-1: ред. от 12 марта 2014 г. // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. N 50. Ст. 174; Рос. газ. 2014. 14 марта. N 59.

соответствии с пунктом 4 части 1 статьи 3 Федерального закона от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» в конституционном, гражданском, уголовном, административном судопроизводстве, судопроизводстве в арбитражных судах, делопроизводстве в федеральных судах, судопроизводстве и делопроизводстве у мировых судей и в других судах субъектов Российской Федерации подлежит обязательному использованию государственный язык Российской Федерации, которым в соответствии с частью 1 статьи 68 Конституции Российской Федерации является русский язык.

Уголовно-процессуальное законодательство закрепляет альтернативу государственному языку, устанавливая возможность вести уголовное судопроизводство*** на государственных языках входящих в Российскую Федерацию республик (часть 1 статьи 18 УПК РФ), что соответствует конституционно-правовой норме, закрепленной в части 2 статьи 68 Конституции Российской Федерации.

Обеспечение принципа языка уголовного судопроизводства осуществляется посредством предоставления вовлеченному в орбиту уголовного процесса лицу, не владеющему или недостаточно владеющему языком, на котором он ведется, помощи переводчика бесплатно, то есть, в соответствии с частью 1 статьи 59 УПК РФ, помощи лица, свободно владеющего языком, знание которого необходимо для перевода. При этом на лице, осуществляющем предварительное расследование (далее, если не оговорено иное, – следователь), лежит обязанность установить объективные сведения о невладении или недостаточности владения языком, на котором ведется производство по уголовному делу. Полученная следователем информация в обязательном порядке должна быть отражена в процессуальных документах. Например, можно установить и указать, что лицо является гражданином или подданным иного государства, не понимает содержание вопросов, задаваемых ему, постоянно проживает на территории ино-

*** За исключением производства по уголовным делам в Верховном Суде Российской Федерации и военных судах.

странного государства, а на территории Российской Федерации является временно пребывающим, что подтверждается документами (паспорт гражданина иностранного государства, проездные документы с датой въезда (выезда) на территорию России и др.).

В отечественной уголовной правоприменительной практике предоставление помощи переводчика следователем обеспечивается по большинству уголовных дел (за исключением отдельных случаев), в рамках производства по которым со стороны защиты подавались соответствующие ходатайства, что, в частности, подтверждается результатами проведенного в Тюменском институте повышения квалификации сотрудников МВД России интервьюирования сотрудников органов предварительного расследования*.

В ходе производства предварительных проверок сообщений (заявлений) о преступлениях и предварительного расследования по уголовным делам 85,8 % респондентов (205 сотрудников) отметили, что обеспечивали права участников уголовного процесса на использование помощи переводчика. Следует подчеркнуть, что 76 % интервьюируемых со стажем работы от 10 до 15 лет отметили ситуации заявления подозреваемыми и обвиняемыми (далее, если не оговорено иное, — подозреваемый), нередко в совершенстве владеющими языком, на котором ведется производство по уголовному делу, ходатайств о предоставлении им помощи переводчика, чем явно злоупотребляли данным им правом. В подавляющем большинстве интервьюируемые отметили, что при поступлении подобных ходатайств они удовлетворяли их в полном объеме.

Кроме того, 35 % респондентов также указали на то, что в отдельных случаях при предоставлении подозреваемому по-

мощи переводчика он (подозреваемый) заявлял о том, что не понимает его перевод и ему нужен другой специалист, владеющий, например, редким диалектом. При этом интервьюируемые высказали субъективное мнение, что в большинстве таких случаев подозреваемые умышленно затягивали срок производства по уголовному делу. В данной ситуации перед следователем вставали дополнительные затруднения по организации предварительного расследования, заключающиеся в необходимости осуществить подыскание соответствующего специалиста и соблюсти срок производства по уголовному делу.

Более детальное изучение описываемых ситуаций позволило констатировать наличие большого количества случаев явного противодействия со стороны защиты производству по уголовному делу и решению задач правосудия в разумные сроки, а также защите прав и свобод других участников уголовного судопроизводства. Безусловно, данные обстоятельства противоречат положению части 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации, определяющей, что осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц.

Таким образом, органы предварительного расследования, прокурор и суд своими мотивированными решениями вправе отклонить ходатайство о предоставлении тому или иному участнику судопроизводства помощи переводчика бесплатно, если материалами дела будет подтверждаться, что такое ходатайство явилось результатом злоупотребления правом**.

В продолжение обозначенных проблем, возникающих при обеспечении права подозреваемого на помощь переводчика бесплатно, 89,7 % респондентов отметили серьезные затруднения в привлечении переводчика вне областного центра субъекта Российской Федерации, отвечающего положениям части 1 статьи 59 УПК РФ, а

* Интервьюирование проводилось в период с 2012 по 2017 г. в Тюменском институте повышения квалификации сотрудников МВД России. Всего было опрошено 235 сотрудников органов предварительного расследования, из них 34 начальника отделов (отделений) дознания территориальных органов МВД России на районном уровне, 104 старших дознавателя (дознавателя) и 97 следователей органов внутренних дел Российской Федерации.

** См., например: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина М.В. Череповского на нарушение его конституционных прав ч. 2 ст. 18 УПК РФ: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 мая 2006 г. N 243-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

именно: свободное владение языком, знание которого необходимо для перевода. При этом необходимо учитывать, что переводчик должен свободно владеть языком, на котором ведется производство по уголовному делу.

Обращаясь к понятию свободного владения языком, следует признать, что это достаточно субъективный оценочный показатель, и в науке до настоящего времени не выработан единый подход к требованиям, предъявляемым к переводчику. В связи с этим ряд авторов настаивает на том, что помимо основополагающих требований, предъявляемых к переводчику, он еще должен хорошо владеть юридической терминологией, обладать большим словарным запасом, знать синтаксический строй языка, а также при осуществлении своих обязанностей переводчику необходимо учитывать и то обстоятельство, что в законодательных актах используются свои синтаксис, своя особенность построения и связи предложений [1, с. 19].

Представляется, что данная рекомендация в настоящее время невыполнима во многих областных центрах субъектов Российской Федерации, поскольку предполагает наличие у переводчика дополнительных специальных знаний в области юриспруденции. При этом необходимо учитывать, что национальный состав Российской Федерации объединяет более 200 этнических групп, представители которых владеют и говорят более чем на 170 различных языках*. Кроме того, на территории России временно проживают иностранные граждане, прибывшие в качестве туристов или мигрировавшие и осуществляющие в нашей стране временно или постоянно свою трудовую деятельность, которые могут стать субъектами уголовного процесса.

Относительно юридической терминологии следует отметить, что подозреваемый и переводчик по общему правилу не обязаны оперировать различными юридическими дефинициями. С целью обеспечения прав участников уголовного судопроизводства на получение квалифицированной

юридической помощи в уголовном процессе закреплено право на использование помощи адвоката, в случае с подозреваемым — защитника, в обязанности которых входит разъяснение нюансов юридических вопросов. В соответствии с пунктом 4 части 1 статьи 51 УПК РФ при установлении сведений о невладении или недостаточном владении подозреваемым языком, на котором ведется производство по уголовному делу, ему в обязательном порядке должен быть предоставлен защитник.

У следователей возникают затруднения в случаях необходимости установления степени достаточности владения подозреваемым языком, на котором ведется производство по уголовному делу.

Однако возникает вопрос о содержании понятия «достаточность» и критериях оценки достаточности владения языком судопроизводства, исключающих субъективность в подходе к данному вопросу со стороны следователя.

Слово «достаточный» определяется как удовлетворяющий потребностям, необходимым условиям [2, с. 177]. Исходя из данного толкования и применительно к уголовному судопроизводству, представляется, что участник уголовного судопроизводства должен полностью понимать значение происходящих событий в рамках производства по уголовному делу с возможностью своевременного использования своих прав. С этой целью следователь должен установить коммуникативные умения у подозреваемого, обеспечивающие такой уровень владения языком, на котором ведется производство по уголовному делу, при котором он способен обеспечить свои права самостоятельно, без помощи переводчика.

Как отмечает Т.В. Жеребило, владение языком — это способность человека понимать и синтезировать высказывания, что связано со следующими умениями:

- 1) отличать правильные высказывания от неправильных;
- 2) дифференцировать сходные по форме, но различные по смыслу высказывания;
- 3) выбирать из конкурирующих средств наиболее адекватные данной коммуникативной ситуации выражения (способность к перифразированию) [3, с. 61].

* Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612

Указанный перечень умений в проекции на уголовное судопроизводство, по нашему мнению, не подразумевает того, что лицо должно обладать знаниями в области юриспруденции, в частности, ее терминологии, а также большим словарным запасом и уметь использовать сложные лексические обороты, аллегории и т.д. Представляется, что данные критерии оценки должны быть положены в основу определения следователем степени достаточности владения подозреваемым языком, на котором ведется производство по уголовному делу.

В связи с этим нельзя согласиться с позицией Г.П. Саркисянца, по утверждению которого, владеть языком судопроизводства — значит свободно понимать данный язык во всех его нюансах и бегло, без всяких затруднений изъясняться на нем по любым вопросам, возникающим в ходе процесса [4, с. 24]. По нашему мнению, данные критерии в большей степени относятся к определению лица как носителя языка — представителя языковой общности, владеющего нормами языка, активно использующего его в различных сферах общения, усвоившего язык в раннем детстве и способного легко и неконтролируемо понимать не обращенную к нему речь. На практике встречаются лица, чьим родным языком является иной, отличный от языка, на котором ведется производство по уголовному делу. При этом данные лица могут осуществлять в достаточной степени коммуникацию на языке судопроизводства, но, возможно, не бегло, и не разбираются во всех его нюансах, в том числе в юридической терминологии.

Сложно согласиться и с рядом авторов, указывающих, что одним из критериев, определяющих степень владения языком судопроизводства, является мнение самого участника уголовного процесса [5, с. 16; 6, с. 42]. Представляется более верной точка зрения, согласно которой обязанность установления степени владения подозреваемым языком, на котором ведется производство по уголовному делу, всецело лежит на следователе, а не на самом участнике уголовного процесса. Не углубляясь в полемику о руководящей роли следователя при производстве по уголовному делу, необходимо отметить,

что данное решение может привести к двум наиболее вероятным отрицательным последствиям:

1. Участник уголовного судопроизводства в суде заявит ходатайство о признании полученных доказательств недопустимыми по причине его заблуждения в правильности высказываний следователя и, соответственно, недостаточной степени понимания сути задаваемых ему вопросов. Данная ситуация субъективно может быть обусловлена со стороны подозреваемого созданием заранее ложного заявления о достаточной степени владения им языком, на котором ведется производство по уголовному делу, без объективного его подтверждения следователем.

2. Участник уголовного судопроизводства с целью затягивания срока по уголовному делу будет заявлять ходатайства о предоставлении ему переводчика, а в последующем, вероятно, о его замене по различным основаниям, в действительности в достаточной степени владея языком, на котором ведется производство по уголовному делу. В данном случае речь идет не только о подозреваемом, но и об иных лицах, заинтересованных в противодействии производству по уголовному делу.

С целью исключения возможности возникновения подобных ситуаций следователь должен в полной мере установить объективные сведения о степени владения участником уголовного судопроизводства языком, на котором ведется производство по уголовному делу, и принять обоснованное решение об обеспечении его прав на помощь переводчика бесплатно. При этом алгоритм действий следователя будет во многом зависеть от складывающихся следственных ситуаций, линия поведения стороны защиты в которых характеризует следующие ее виды:

1) лицо не отвечает на поставленные следователем вопросы, указывая на невладевание языком, на котором ведется производство по уголовному делу. Биографические данные лица не установлены;

2) лицо отвечает на поставленные следователем вопросы, но в последующем, с целью противодействия производству предварительного расследования, заявляет ходатайство о предоставлении ему переводчика;

3) лицо не отвечает на поставленные следователем вопросы, не заявляет ходатайств — молчит. Биографические данные лица не установлены.

В первой ситуации целесообразно рекомендовать следователю перед началом первого процессуального действия с участием лица, которое, вероятно, может заявить ходатайство о предоставлении ему переводчика, предварительно изучить его личность: навести справки о месте рождения, проживания, получения образования, круге общения, сфере трудовой деятельности, увлечениях и т.д.

В случаях отсутствия такой возможности тактически верным будет выбор стратегии первого общения с лицами, противодействующими предварительному расследованию, в рамках которой беседа целесообразно начать с отстраненных тем, не связанных с событием преступления. При этом необходимо учитывать, что не рекомендуется задавать вопросы, на которые могут быть даны отрицательные ответы, а также вопросы, которые могут вызвать спорную или конфликтную ситуацию. Соблюдение данного правила позволяет быстрее и глубже на подсознательном уровне сблизить подозреваемого со следователем.

Кроме того, если следователь достаточно эрудирован, то он может расспросить лицо о корнях происхождения его фамилии, рода, значении имени, увлечениях. На наш взгляд, в этом направлении достаточно эффективно использование методики контактного взаимодействия, предложенной Л.Б. Филоновым [7].

Изучение личности на данном этапе позволит следователю определить степень владения подозреваемым языком, на котором ведется производство по уголовному делу. При этом рекомендуется предварительно подготовить аудио- и видеоаппаратуру для фиксации манеры общения и степени владения подозреваемым языком.

Аудио- и видеозаписи в последующем могут быть использованы в ходе производства лингвистической экспертизы, заключение которой даст ответ на вопрос о смысловом понимании устного высказывания и, как следствие, подтвердит умысел подозреваемого на активное противодействие предварительному расследованию,

злоупотребление данным ему правом, а также нарушение прав иных участников уголовного судопроизводства. Кроме того, аудио- видеозаписи могут стать неопровержимым доказательством законности и обоснованности принятого следователем решения об отказе в удовлетворении ходатайства о предоставлении переводчика.

В случае невозможности установления на данном этапе степени владения подозреваемым языком, на котором ведется производство по уголовному делу, следователю рекомендуется принять меры по предоставлению ему помощи переводчика бесплатно. В последующем рекомендуется провести работу по установлению объективных данных о владении подозреваемым языком, на котором ведется производство по уголовному делу, получив соответствующие сведения из иных источников:

— характеристика с места работы подозреваемого, учебы, военной службы, с отдельным акцентированием внимания на указание степени владения языком, на котором ведется производство по уголовному делу;

— документы об образовании;

— водительское удостоверение;

— показания соседей, знакомых, родственников, сослуживцев о степени владения языком, на котором ведется производство по уголовному делу;

— наличие у подозреваемого судимостей (в случаях их наличия истребовать приговоры суда, а также характеристику из мест отбывания наказания).

В случае установления факта злоупотребления подозреваемым правом на использование помощи переводчика бесплатно и, как следствие, оказания противодействия предварительному расследованию и затягивания сроков его производства, данные сведения в рамках изучения его личности позволят в последующем дать ему объективную характеристику в суде.

Вторая ситуация характеризуется наличием у следователя сведений о достаточной степени владения подозреваемым языком, на котором ведется производство по уголовному делу, осложняется возникновением противодействия уголовному судопроизводству посредством открытого злоупотребления правом на использование помощи переводчика.

В данной ситуации, кроме использования приведенных выше рекомендаций, следователь может предложить подозреваемому собственноручно записать свои заявления, жалобы, ходатайства, показания или дополнения к ним. Однако необходимо отметить, что отказ от выполнения данных записей или отсутствие у него соответствующих умений письменной речи не могут свидетельствовать о недостаточной степени владения им (подозреваемым) языком, на котором ведется производство по уголовному делу. В правоприменительной практике нередки случаи, когда участники уголовного судопроизводства, по их заявлению являющиеся русскими, не владеют навыками письма даже своей фамилии, при этом достаточно владеют устной речью.

В последующем, при подтверждении сведений о достаточной степени владения подозреваемым языком, на котором ведется производство по уголовному делу, следователю необходимо принять мотивированное решение по поступившему ходатайству, в рамках которого отказать в его удовлетворении.

Отметим, что следователь ответственен не только за необоснованный отказ в удовлетворении ходатайства о предоставлении помощи переводчика лицу, не владеющему или недостаточно владеющему языком, на котором ведется производство по уголовному делу, но и за необоснованное увеличение процессуальных издержек, выразившихся в предоставлении помощи переводчика подозреваемому, злоупотребляющему таким правом, а также за нарушение такого принципа уголовного судопроизводства, как разумный срок его осуществления (статья 6.1 УПК РФ).

Законность таких мотивированных решений к настоящему времени уже неоднократно подтверждалась решениями высших судебных инстанций. Например, обвиняемой в совершении преступления гражданке Ю.С. Цой, желавшей воспользоваться правом изъясняться на родном для нее корейском языке, отказано в удовлетворении соответствующего ходатайства в связи с установлением факта злоупотребления этим правом, поскольку она родилась на территории Российской Федерации, является гражданином Российской Федерации, имеет высшее образование,

давала показания в уголовном деле на русском языке. Конституционный Суд Российской Федерации отказал в принятии жалобы Ю.С. Цой к рассмотрению, определив, что оспариваемое законоположение, а именно пункт 6 (давать показания и объясняться на родном языке, которым он (обвиняемый) владеет) части 4 статьи 47 УПК РФ, не может расцениваться как нарушающее конституционные права заявительницы в указанном ею аспекте*.

Другим примером может послужить признание судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации ходатайства осужденного Р.А. Болтаева и его защитника о назначении ему переводчика результатом злоупотребления своим процессуальным правом в связи с установлением следующего: Р.А. Болтаев в школе изучал русский язык, проживает на территории Российской Федерации более 10 лет, где работал, в том числе в государственном учреждении; он трижды был судим на территории Российской Федерации, в ходе расследования уголовных дел и их судебного разбирательства в присутствии защитников неоднократно заявлял, что полностью владеет русским языком и в переводчике не нуждается**.

Приведенные примеры в правоприменительной практике не единичны***, что

* См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ю.С. Цой на нарушение ее конституционных прав п. 6 ч. 4 ст. 47 УПК РФ: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 апр. 2016 г. N 710-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** См.: Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 сент. 2013 г. N 85-АПУ13-12СП. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** См., например: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Республики Армения А.А. Халатяна на нарушение его конституционных прав ч. 3 ст. 18 УПК РФ: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 апр. 2015 г. N 836-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина М.Г. Цицхвая на нарушение его конституционных прав ч. 2 ст. 18 УПК РФ: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 апр. 2013 г. N 545-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

является подтверждением множественных фактов злоупотребления участниками уголовного судопроизводства, в частности подозреваемыми, правами на использование помощи переводчика, а также необходимости тщательного изучения их личности с целью принятия следователем мотивированного решения по поступающим ходатайствам.

Наиболее сложной является третья ситуация, при которой биографические данные личности подозреваемого на момент первого общения со следователем не установлены, и подозреваемый не отвечает ни на один вопрос, не заявляет ходатайств – молчит. В данном случае рекомендуется реализовывать комплекс мер, направленных на установление его личности посредством обращения к различным учетам, направления соответствующих от-

дельных поручений оперативным уполномоченным полиции и др.

Приведенный в статье анализ нормативного правового регулирования обеспечения права подозреваемого (обвиняемого) на использование помощи переводчика, а также сложившейся по данному вопросу правоприменительной практики уголовного судопроизводства, в проекции на криминалистические рекомендации, позволили описать алгоритм действий по недопущению злоупотребления подозреваемым соответствующим правом. Представляется, что использование следователями высказанных предложений будет способствовать всестороннему и полному изучению обоснованности поступающих ходатайств о предоставлении помощи переводчика подозреваемому и принятию законных решений.

Список литературы

1. Бунова И.И. Участие переводчика в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2013. 23 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Технологии, 2003. 944 с.
3. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
4. Саркисянц Г.П. Переводчик в советском уголовном процессе. Ташкент, 1974. 90 с.
5. Бунова И.И. Критерии, определяющие степень владения участником процесса языком судопроизводства // Российский судья. 2010. N 7. С. 14-17.
6. Александрова О.И. Уголовно-процессуальные и криминалистические особенности возбуждения и расследования уголовных дел с участием иностранных граждан: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 201 с.
7. Филонов Л.Б. Психологические способы изучения личности обвиняемого. М., 1983. 80 с.

References

1. Bunova I.I. Uchastie perevodchika v ugovolnom sudoproizvodstve. Avtoref. Kand. Diss. [Participation of an interpreter in criminal proceedings. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2013. 23 p.
2. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy [Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions]. Moscow, Tekhnologii Publ., 2003. 944 p.
3. Zherebilo T.V. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. Nazran, Piligrim Publ., 2010. 486 p.
4. Sarkisyants G.P. Perevodchik v sovetskom ugovolnom protsesse [Translator in the Soviet criminal trial]. Tashkent, 1974. 90 p.
5. Bunova I.I. Kriterii, opredelyayushchie stepen' vladeniya uchastnikom protsessa yazykom sudoproizvodstva [Criteria that determine the degree of ownership of the participant in the process of the language of legal proceedings]. Rossiyskiy sud'ya – Russian judge, 2010, no. 7, pp. 14-17.
6. Aleksandrova O.I. Ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie osobennosti vzbuzhdeniya i rassledovaniya ugovolnykh del s uchastiem inostrannykh grazhdan. Kand. Diss. [Criminal-procedural and criminalistic features of the initiation and investigation of criminal cases involving foreign citizens. Cand. Diss.]. Moscow, 2001. 201 p.
7. Filonov L.B. Psikhologicheskie sposoby izucheniya lichnosti obvinyaemogo [Psychological methods of studying the identity of the accused]. Moscow, 1983. 80 p.

Раздел 3. Административная деликтология

МОТРОВИЧ И.Д.,
кандидат юридических наук,
midivan@rambler.ru
Кафедра административного права
и административно-служебной
деятельности
органов внутренних дел;
Дальневосточный юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
680020, г. Хабаровск,
пер. Казарменный, 15

MOTROVICH I.D.,
Candidate of Legal Sciences,
midivan@rambler.ru
Chair of administrative law
and administrative and service activities
of the internal affairs bodies;
Far East Law Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Kazarmenny Lane 15, Khabarovsk, 680020,
Russian Federation

ВАСИЛЬЕВА Н.Л.,
кандидат юридических наук,
nadya422@rambler.ru
Кафедра уголовного процесса;
Дальневосточный юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
680020, г. Хабаровск,
пер. Казарменный, 15

VASILYEVA N.L.,
Candidate of Legal Sciences,
nadya422@rambler.ru
Chair of criminal procedure;
Far East Law Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Kazarmenny Lane 15, Khabarovsk, 680020,
Russian Federation

МЕЛКОЕ ХИЩЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье анализируется административное, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, определяются и рассматриваются проблемы в области реализации юридической ответственности за мелкое хищение. Констатируется отсутствие системного подхода законодателя к переводу уголовно наказуемых деяний в разряд административных правонарушений, которое состоит в том, что при определении составов правонарушений, в частности в статье 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, не были учтены различные подходы к установлению возраста привлечения к ответственности за совершение противоправного деяния в административно-деликтном и уголовном законодательстве; уголовная ответственность за мелкое хищение предусмотрена только за деяния, связанные с хищением имущества стоимостью более одной тысячи рублей, но не более двух тысяч пятисот рублей; не были учтены особенности административно-юрисдикционного производства, которые отличны от уголовного судопроизводства; при внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях применительно к мелкому хищению оставлен общий срок давности привлечения к административной ответственности в случае его совершения – три месяца. Авторами сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования в области реализации административной ответственности за мелкое хищение.

Ключевые слова: мелкое хищение; уголовно наказуемое деяние; административное правонарушение; административная ответственность; административное расследование; административный процесс.

PETTY THEFT: PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE LEGAL RESPONSIBILITY

Annotation. The authors of the article analyze administrative, criminal and criminal procedure legislation. The problems concerning the issues of implementing the legal responsibility for petty theft are identified and considered. The absence of a system approach of the legislator to the transfer of criminal offences into the category of administrative violations is stated. It is confirmed by the following facts: when determining the elements of offences, in particular in Article 7.27 of the Code

of Administrative Offences of the Russian Federation, various approaches to determining the age of bringing to responsibility for committing an unlawful act provided by administrative, tort and criminal legislation were not taken into account; criminal liability for petty theft is provided only for the acts involving the theft of property worth more than one thousand rubles, but not more than two thousand five hundred rubles; the peculiarities of administrative proceedings that are different from criminal proceedings were not taken into account; when introducing the amendments concerning the petty theft to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, the general limitation period of three months for bringing to administrative responsibility in case of its commission is left unchanged. The proposals for improving the legal regulation in the field of implementing the administrative responsibility for petty theft are formulated by the authors.

Keywords: petty theft; criminal offence; administrative offence; administrative responsibility; administrative investigation; administrative process.

В последние годы в России наметилась тенденция декриминализации деяний, предусмотренных УК РФ, и перевода преступлений, не представляющих большой общественной опасности, в разряд административных правонарушений с возвращением института административной преюдиции.

В связи с принятием 3 июля 2016 г. Федерального закона N 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»* и Федерального закона N 326-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности"»** произошли существенные изменения в административно-деликтном и уголовном законодательстве, среди которых: введение административной преюдиции за мелкое хищение (ст. 158.1 УК РФ), неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ), побои (ст. 116.1 КоАП РФ). Однако анализ законодательных новелл позволяет выявить ряд недостатков.

1. При определении составов правонарушений, в частности ст. 7.27 КоАП РФ,

не были учтены различные подходы к установлению возраста привлечения к ответственности за совершение противоправного деяния в административно-деликтном и уголовном законодательстве.

Согласно ст. 2.3 КоАП РФ административной ответственности подлежит лицо, достигшее к моменту совершения административного правонарушения возраста шестнадцати лет.

В уголовном законодательстве по общему правилу возраст привлечения к уголовной ответственности также составляет шестнадцать лет. Однако, в отличие от административно-деликтного законодательства, за совершение отдельных видов преступлений делинквент может подлежать уголовной ответственности по достижении четырнадцатилетнего возраста. К ним согласно ч. 2 ст. 20 УК РФ относится кража (ст. 158 УК РФ), то есть тайное хищение чужого имущества. При этом уголовная ответственность по ч. 1 ст. 158 УК РФ наступает, если сумма причиненного ущерба составляет не менее двух тысяч пятисот рублей.

В связи с этим обращает на себя внимание то, что в диспозиции чч. 1 и 2 ст. 7.27 КоАП РФ среди способов совершения мелкого хищения указаны кража, мошенничество и присвоение или растрата. Возраст привлечения к уголовной ответственности за мошенничество, присвоение или растрату, а также за мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию, составляет шестнадцать лет.

Подобная юридическая техника приводит к нивелированию предупредительного потенциала административной преюдиции за мелкое хищение в части предупреждения уголовно наказуемых деяний в виде кражи.

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 27 (ч. II). Ст. 4256.

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 27 (ч. II). Ст. 4259.

2. Установление административной преюдиции за мелкое хищение предусматривает уголовную ответственность только за деяния, связанные с хищением имущества стоимостью более одной тысячи рублей, но не более двух тысяч пятисот рублей. Учитывая первое, подобный подход приводит к тому, что определяется граница «допустимого» противоправного поведения и создается механизм ухода от уголовной ответственности. В итоге складываются предпосылки для перехода противоправного деяния в наиболее опасный его вид – преступление, то есть неэффективность мер профилактики, особенно в отношении несовершеннолетних.

3. Не учтены особенности административно-юрисдикционного производства, которые отличны от уголовного судопроизводства. Первое отличие проявляется применительно к стадии возбуждения дела.

Уголовное дело публичного обвинения согласно ст. 146 УПК РФ может быть возбуждено при наличии двух условий: повода и основания для возбуждения уголовного дела. Уголовное дело может быть возбуждено и тогда, когда лицо, которое совершило преступление, не установлено.

В свою очередь, дело об административном правонарушении может быть возбуждено только при наличии трех обязательных условий: повода и основания для возбуждения дела об административном правонарушении, а также данных об административном делинквенте. Данный вывод следует из анализа ст.ст. 27.2, 27.4, 27.7, 27.8-27.10, 27.12-27.14.1, 27.16, 27.18, 28.1-28.2, 28.4, 28.6, 28.7, 28.9, 29.10 КоАП РФ. Обращает внимание порядок установления предписания о необходимости указания последнего из названных условий.

Указание сведений о лице, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, прямо установлено законодателем в ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ в качестве обязательного требования к содержанию протокола об административном правонарушении. Игнорирование данного требования является существенным недостатком протокола об административном правонарушении и может повлечь принятие решения о его возвращении с другими материалами дела в

орган или должностному лицу, которыми он был составлен*.

Иная ситуация складывается с определением о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования.

Анализ ч. 2 ст. 28.7 КоАП РФ показывает, что при установлении требований к содержанию определения о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования прямо не закрепляется в качестве обязательного требование об указании сведений об административном делинквенте. Тем не менее обязательность указания таких сведений в названном определении следует из содержания предписания, которое получило закрепление во втором предложении ч. 2 ст. 28.7 КоАП РФ. Согласно настоящему положению при вынесении определения о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования физическому лицу или законному представителю юридического лица, в отношении которых оно вынесено, а также иным участникам производства по делу об административном правонарушении разъясняются их права и обязанности, предусмотренные КоАП РФ, о чем делается запись в определении.

Кроме того, в ч. 3.1 ст. 28.7 КоАП РФ содержится предписание, согласно которому копия определения о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования в течение суток вручается под расписку либо высылается физическому лицу или законному представителю юридического лица, в отношении которых оно вынесено, а также потерпевшему.

Обращение внимания на эти обстоятельства связано с тем, что специфика кражи и мошенничества обусловлена отсутствием в ряде случаев сведений о личности административного делинквента. Особенно это касается краж, совершаемых путем общедоступного доступа, например,

* О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. N 5; ред. от 19 дек. 2013 г. // Рос. газ. 2005. 19 апр.; 2013. 31 дек.

в магазине, спортивном зале и т.п. Иногда требуется значительное время для установления личности административного делинквента.

По общему правилу, сформулированному в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, проведение проверки по сообщению о преступлении должно быть осуществлено уполномоченным должностным лицом, органом в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения, по результатам которой должно быть принято одно из следующих решений:

- 1) о возбуждении уголовного дела;
- 2) об отказе в возбуждении уголовного дела;
- 3) о передаче сообщения по подследственности в соответствии со ст. 151 УПК РФ, а по уголовным делам частного обвинения – в суд в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ.

В исключительных случаях вышеуказанный срок проведения проверки сообщения о преступлении может быть продлен:

- 1) руководителем следственного органа, начальником органа дознания по мотивированному ходатайству соответственно следователя, дознавателя до 10 суток;
- 2) руководителем следственного органа по ходатайству следователя, прокурором по ходатайству дознавателя при необходимости производства документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов, трупов, а также проведения оперативно-розыскных мероприятий до 30 суток с обязательным указанием на конкретные фактические обстоятельства, послужившие основанием для такого продления.

В свою очередь, дело об административном правонарушении возбуждается немедленно после выявления административного правонарушения при составлении любого из процессуальных документов, указанных в ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ, общее число которых более двадцати [1, с. 54]. Единственное исключение из этого правила – возбуждение дела об административном правонарушении путем составления протокола об административном правонарушении. Согласно ч. 2 ст. 28.5 КоАП РФ протокол об административном правонарушении может быть составлен в течение 2 суток с

момента выявления административного правонарушения в случае, если требуется дополнительное выяснение обстоятельств дела либо данных о физическом лице или сведений о юридическом лице, в отношении которых возбуждается дело об административном правонарушении.

Следующая отличительная особенность уголовного судопроизводства состоит в том, что до возбуждения уголовного дела может быть произведен ряд следственных действий, одно из которых – осмотр места происшествия. Данное следственное действие является ключевым, а иногда и одним из первых действий, осуществляемых при проверке сообщения о преступлении.

Значение осмотра места происшествия состоит в том, что в процессе его производства выясняются, фиксируются и исследуются обстановка места происшествия, следы преступления, изымаемые в случае необходимости, а также другие фактические данные, которые позволяют сделать вывод о механизме происшествия и действительных обстоятельствах произошедшего события, его характера и участников.

В административно-юрисдикционном производстве есть аналогичное процессуальное действие – осмотр места совершения административного правонарушения. Однако для данного процессуального действия характерен ряд отличительных особенностей, которые неоднократно были предметом дискуссий в правовой науке [1, с. 119; 2, с. 119; 3, с. 112; 4]:

- 1) осмотр места совершения административного правонарушения не относится к мерам обеспечения производства по делам об административных правонарушениях;
- 2) в протоколе осмотра места совершения административного правонарушения должны быть указаны сведения об административном делинквенте;
- 3) протокол осмотра места совершения административного правонарушения относится к числу процессуальных документов, с момента составления которых возбуждается дело об административном правонарушении;
- 4) осмотр места совершения административного правонарушения может осуществляться только в случае соверше-

ния административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.24 или ч. 2 ст. 12.30 КоАП РФ*.

Можно заметить, что вышеуказанное процессуальное действие невозможно осуществить при выявлении административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.27 КоАП РФ. Однако очевидно, что производство осмотра места совершения административного правонарушения является неотъемлемой частью первоначальных действий при осуществлении проверки сообщения о хищении, особенно, когда лицо неизвестно или отрицает свою причастность к совершению этого правонарушения.

Второе отличие административно-юрисдикционного производства от уголовного судопроизводства проявляется на стадии, связанной с проведением комплекса процессуальных действий, направленных на выяснение всех обстоятельств правонарушения, их фиксирование, юридическую квалификацию и процессуальное оформление. Указанная стадия в уголовном судопроизводстве называется предварительным расследованием и является обязательной, а в административно-юрисдикционном производстве – административным расследованием и является факультативной.

Предварительное расследование производится в форме предварительного следствия и дознания. Отличие данных форм заключается в сроках и субъектах проведения предварительного расследования, а также в порядке его окончания.

Административное расследование, в отличие от предварительного расследования, в административно-юрисдикционном производстве допускается только при выявлении административных правонарушений в отраслях законодательства, перечисленных в ч. 1 ст. 28.7 КоАП РФ и, в частности, предусмотренных ст. 7.27 КоАП РФ.

По общему правилу, сформулированному в ч. 5 ст. 28.7 КоАП РФ, срок административного расследования не может превышать 1 месяц с момента возбуждения дела об административном правонарушении. В исключительных случаях указанный срок по письменному ходатайству

должностного лица, в производстве которого находится дело, может быть продлен решением соответствующего руководителя органа, в производстве которого находится дело об административном правонарушении, или его заместителя – на срок не более 1 месяца или 6 месяцев (в зависимости от субъекта).

По окончании административного расследования составляется протокол об административном правонарушении либо выносится постановление о прекращении дела об административном правонарушении.

Таким образом, максимальный срок административного расследования по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 7.27 КоАП РФ, может составлять до 2 месяцев. Иначе говоря, сроки административного расследования совпадают со сроками предварительного расследования, осуществляемого в форме дознания в общем порядке. Однако есть ряд различий.

Во-первых, в уголовном судопроизводстве предусмотрен институт приостановления предварительного расследования, независимо от формы его осуществления (гл. 28; ч. 1 ст. 223 УПК РФ). Согласно ч. 1 ст. 209 УПК РФ предварительное расследование может быть приостановлено при наличии одного из следующих оснований:

- 1) лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено;
- 2) подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам;
- 3) место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует;
- 4) временное тяжелое заболевание подозреваемого или обвиняемого, удостоверенное медицинским заключением, препятствует его участию в следственных и иных процессуальных действиях.

Обращает на себя внимание то, что время, в течение которого предварительное следствие было приостановлено, по вышеуказанным основаниям не включается в срок предварительного расследования, так же как и время на обжалование следователем (дознанием) решения прокурора о возвращении уголовного

* См.: пункт 1 ч. 4 ст. 28.1, ст. 28.1.1 КоАП РФ.

дела для производства дополнительного следствия (дознания), изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения (обвинительного акта, обвинительного постановления) и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями (ч. 4 ст. 226, ч. 2 ст. 226.6, ч. 4 ст. 226.8 УПК РФ).

Административно-юрисдикционное производство не предусматривает институт приостановления на стадии административного расследования. Он возможен на стадиях рассмотрения дела об административном правонарушении применительно к сроку давности привлечения к административной ответственности, а также исполнения постановления по делу об административном правонарушении.

Во-вторых, в уголовном судопроизводстве следователь (дознатель) вправе инициировать розыск лица, причастного к совершению преступления. Установление этого лица осуществляется в ходе оперативно-розыскной деятельности, которая согласно Федеральному закону от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности») осуществляется оперативными подразделениями уполномоченных на то государственных органов посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств*.

В свою очередь, производство оперативно-розыскных мероприятий по административным и иным правонарушениям, не являющимся уголовно наказуемыми деяниями, исходя из системного толкования ст.ст. 1, 2, 8 и 10 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», определяющих цели, задачи, основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий, в том числе связанных с ограничениями конститу-

ционных прав граждан, законодателем запрещено. Более того, если в ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия обнаруживается, что речь идет не о преступлении, а об иных видах правонарушений, то в силу ст. 2 и ч. 4 ст. 10 указанного закона дело оперативного учета подлежит прекращению**.

4. При внесении изменений в КоАП РФ применительно к мелкому хищению оставлен общий срок давности привлечения к административной ответственности в случае его совершения – 3 месяца, в то время как этот срок за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 5.35.1 (неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей) и ст. 6.1.1 (побои) КоАП РФ, составляет 2 года со дня совершения административного правонарушения.

Согласно ч. 4 ст. 4.5 КоАП РФ в случае отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела, но при наличии в действиях лица признаков административного правонарушения сроки, предусмотренные частью 1 указанной статьи, начинают исчисляться со дня совершения административного правонарушения (при делящемся административном правонарушении – со дня его обнаружения).

Учитывая то, что административное правонарушение, предусмотренное ст. 7.27 КоАП РФ, не является делящимся, а процессуальные действия, совершенные в соответствии с нормами УПК РФ в рамках предварительного расследования по уголовному делу, возбужденному в отношении лица, привлекаемого к административной ответственности, и впоследствии прекращенному, административным расследованием не являются***, подобная

** По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой: определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. N 86-О // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. N 34. Ст. 4368.

*** О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. N 5: ред. от 19 дек. 2013 г. // Рос. газ. 2005. 19 апр.

* Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 авг. 1995 г. N 144-ФЗ: ред. от 6 июля 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 33. Ст. 3349; 2016. N 28. Ст. 4558.

юридическая техника, по сути, создает механизм ухода от административной ответственности, поскольку очевидно, что мотивация правового поведения правонарушителя в случае совершения недлящегося административного правонарушения диаметрально противоположна в случае совершения окончательного административного правонарушения.

Особенно это касается мелкого хищения, поскольку не вызывает сомнения отсутствие у лица, совершившего данное правонарушение, намерения явиться с повинной и содействовать в установлении всех обстоятельств совершенного правонарушения. Длительное уклонение от данных действий влечет невозможность его привлечения к административной ответственности в связи с истечением срока давности.

Здесь очевидна направленность правоприменительной практики на формирование у субъектов психологической установки на выбор пассивного варианта правового поведения, который обеспечит высокую степень вероятности избежания применения санкции за нарушение требований правовых норм. Как следствие, это способствует дальнейшему формированию противоправного поведения [5; 6, с. 143].

Таким образом, анализ вышеуказанных обстоятельств позволяет сделать вывод об отсутствии системного подхода при внесении изменений в уголовное и административно-деликтное законодательство. При декриминализации уголовно наказуемых деяний, воссоздании института административной преюдиции не были учтены особенности административно-юрисдикционного производства. В частности, то, что данное производство находится на стадии, когда оно возможно только в отношении известных лиц. Во многом это обусловлено тем, что изначально при становлении и формировании института административно-юрисдикционного производства в его основу был заложен принцип оперативности.

На сегодняшний день декриминализация уголовно наказуемых деяний, изменения КоАП РФ приводят к «стиранию» границ между уголовным судопроизводством и административно-юрисдикционным производством.

Появление в последнее время новых составов административных правонарушений, изменение объективной стороны существующих, в частности мелкого хищения, обнажили проблему возбуждения, рассмотрения и принятия решений по делам об административных правонарушениях, когда отсутствуют данные об административном делинквенте либо данное лицо не установлено. Правоприменитель, по сути, ставится перед неразрешимой дилеммой «возбудить нельзя отказать», когда любое из предпринимаемых действий сопряжено с невозможностью их совершения или с нарушением действующих административно-процессуальных норм.

Для восполнения существующего пробела, совершенствования правового регулирования в области реализации административной ответственности за мелкое хищение, на наш взгляд, необходимо внесение следующих изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

Во-первых, увеличить срок давности привлечения к административной ответственности по ст. 7.27 КоАП РФ до двух лет с момента его совершения.

Во-вторых, в рамках отдельной главы предусмотреть институт приостановления производства по делу об административном правонарушении как на стадии административного расследования, так и на стадии рассмотрения дела об административном правонарушении, указав среди оснований его применения такие, как:

1) лицо, подлежащее привлечению к административной ответственности, не установлено;

2) лицо, в отношении которого осуществляется производство по делу об административном правонарушении, скрылось от органов, должностных лиц, уполномоченных осуществлять производство по делу об административном правонарушении, либо место его нахождения не установлено по иным причинам;

3) место нахождения лица, в отношении которого осуществляется производство по делу об административном правонарушении, известно, однако реальная возможность его участия в производстве по делу об административном правонарушении отсутствует;

4) удостоверенное медицинским заключением временное тяжелое заболевание лица, в отношении которого осуществляется производство по делу об административном правонарушении, препятствующее его участию в процессуальных действиях.

В-третьих, ст. 4.5 дополнить частью 5.2, предусматривающей, что срок давности привлечения к административной ответственности приостанавливается в случае обжалования постановления по делу об административном правонарушении на срок рассмотрения и принятия решения по жалобе.

В-четвертых, перевести нормы, регламентирующие процедуру проведения осмотра места совершения административного правонарушения, в главу 27 путем дополнения ее статьей 27.20. При этом:

1) установить, что осмотр места совершения административного правонарушения может проводиться в случае совершения любого административного правонарушения в целях обнаружения следов административного правонарушения, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для дела об административном правонарушении;

2) исключить в качестве обязательного требования к протоколу осмотра места совершения административного правонарушения указание сведений об административном делинквенте.

В-пятых, в ч. 4 ст. 28.2 пункты 1 и 2 признать утратившими силу.

В-шестых, ч. 4 ст. 25.5 изложить в следующей редакции:

«4. Защитник и представитель допускаются к участию в производстве по делу об административном правонарушении:

1) с момента возбуждения дела об административном правонарушении;

2) момента вручения уведомления о подозрении в совершении административного правонарушения в порядке, установленном ст. 28.7.1 настоящего Кодекса;

3) момента начала осуществления мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении».

В-седьмых, в статье 28.7:

1) второе предложение части 3 признать утратившим силу;

2) дополнить частью 3.1 следующего содержания:

«3.1. При вынесении определения о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования физическому лицу или законному представителю юридического лица, в отношении которых оно вынесено, а также иным участникам производства по делу об административном правонарушении разъясняются их права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом, о чем делается запись в определении»;

3) часть 3.1 преобразовать в часть 3.2.

В-восьмых, дополнить главу 28 статьей 28.7.1 в следующей редакции:

«Статья 28.7.1. Уведомление о подозрении в совершении административного правонарушения

1. В случае, если дело об административном правонарушении было возбуждено по факту совершения административного правонарушения и в ходе административного расследования получены достаточные данные, дающие основание подозревать лицо в совершении административного правонарушения, должностное лицо, производящее административное расследование, составляет письменное уведомление о подозрении в совершении административного правонарушения, копию которого вручает подозреваемому и разъясняет ему права, предусмотренные статьей 25.1 настоящего Кодекса, о чем составляется протокол с отметкой о вручении копии уведомления.

2. В уведомлении о подозрении в совершении административного правонарушения должны быть указаны:

1) дата и место его составления;

2) должность, фамилия и инициалы лица, его составившего;

3) фамилия, имя и отчество подозреваемого, число, месяц, год и место его рождения;

4) описание административного правонарушения с указанием места, времени его совершения, а также других обстоятельств, подлежащих выяснению по делу об административном правонарушении в соответствии с пунктами 1, 2 и 5 части первой статьи 26.1 настоящего Кодекса;

5) пункт, часть, статья настоящего Кодекса либо закона субъекта Российской Федерации, предусматривающая админи-

стративную ответственность за данное административное правонарушение.

3. При установлении по одному делу об административном правонарушении нескольких подозреваемых уведомление о подозрении в совершении административного правонарушения вручается каждому из них».

В-девятых, исключить в качестве обязательного требования к постановлению о прекращении производства по делу об административном правонарушении

указание сведений об административном делинквенте путем разграничения требований к содержанию постановлений о назначении административного наказания и о прекращении производства по делу об административном правонарушении.

Предложенные изменения, на наш взгляд, будут способствовать реализации юридической ответственности за мелкое хищение, а также предупредительного потенциала института административной ответственности.

Список литературы

1. Пятикова Е.А. Административное расследование по делам о нарушениях таможенных правил: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 220 с.
2. Ребец К.В. Документы как источники доказательств по делу об административном правонарушении: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. 186 с.
3. Филиппов О.Ю. Производство милиции по делам о мелком хищении: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. 220 с.
4. Техов Д.Н. Правовые проблемы осмотра места совершения административного правонарушения // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. N 2. С. 41-45.
5. Мотрович И.Д. Механизм административно-деликтного поведения // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2011. N 1. С. 23-40.
6. Васильева Н.Л., Мотрович И.Д. Проблемы реализации административной ответственности за нарушение сроков регистрации (перерегистрации) оружия // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. N 2. С. 135-145.

References

1. Pyatikova E.A. Administrativnoe rassledovanie po delam o narusheniyakh tamozhennykh pravil. Kand. Diss. [Administrative investigation of cases of violations of customs regulations. Administrative investigation of cases of violations of customs regulations. Cand. Diss.]. Moscow, 2009. 220 p.
2. Rebets K.V. Dokumenty kak istochniki dokazatel'stv po delu ob administrativnom pravonarushenii. Kand. Diss. [Documents as sources of evidence in the case of an administrative violation. Cand. Diss.]. Omsk, 2009. 186 p.
3. Filippov O.Yu. Proizvodstvo militsii po delam o melkom khishchenii. Kand. Diss. [Production of militia in cases of petty theft. Cand. Diss.]. Omsk, 2008. 220 p.
4. Tekhov D.N. Pravovye problemy osmotra mesta soversheniya administrativnogo pravonarusheniya [Legal problems of inspection of the place of committing an administrative offense]. Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013, no. 2, pp. 41-45.
5. Motrovich I.D. Mekhanizm administrativno-deliktnogo povedeniya [Mekhanizm administrativno-deliktnogo povedeniya]. Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011, no. 1, pp. 23-40.
6. Vasil'eva N.L., Motrovich I.D. Problemy realizatsii administrativnoy otvetstvennosti za narushenie srokov registratsii (pereregistratsii) oruzhiya [Problems of implementation of administrative responsibility for violation of the terms of registration (re-registration) of weapons]. Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016, no. 2, pp. 135-145.

ЛЕЩИНА Э.Л., LESHCHINA E.L.,
кандидат юридических наук, Candidate of Legal Sciences,
leshina74@mail.ru leshina74@mail.ru
Кафедра государственно-правовых дисциплин; Chair of state and legal disciplines;
Уральский филиал State University of Justice,
Российского государственного Pobedy Avenue 160, Chelyabinsk, 454084,
университета правосудия, Russian Federation
454084, г. Челябинск, просп. Победы, 160

МЕРЫ ДИСЦИПЛИНАРНО-ПРАВОВОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ РОССИИ

Аннотация. В статье дана общая характеристика понятия дисциплинарно-правового принуждения, приведены имеющиеся в юридической литературе мнения относительно его структуры. На основе принципа отраслевой аналогии обосновывается выделение мер обеспечения производства по дисциплинарным делам в самостоятельную группу средств дисциплинарного принуждения. Автор предполагает, что система мер дисциплинарного принуждения включает в себя меры дисциплинарного предупреждения, меры дисциплинарного пресечения, меры обеспечения производства по дисциплинарным делам и дисциплинарные взыскания. В системе мер дисциплинарного принуждения выделены меры психического воздействия, меры организационного и меры непосредственного принуждения. Обращаясь к предусмотренным законодательством мерам обеспечения производства по дисциплинарным делам, автор определяет их систему, в которую включает: доставление; задержание; личный досмотр, досмотр вещей, досмотр транспортного средства; изъятие вещей и документов; временное отстранение от исполнения должностных и (или) специальных обязанностей; отстранение от управления транспортным средством; медицинское освидетельствование. Далее дается характеристика имеющихся в административно-служебном законодательстве Российской Федерации мер дисциплинарно-правового принуждения, указываются цели и основания, анализируется порядок применения. Приводятся предложения по совершенствованию правового регулирования административно-процессуального и дисциплинарного законодательства.

Ключевые слова: дисциплинарное принуждение; дисциплинарно-правовое принуждение; дисциплинарные меры воздействия; меры дисциплинарного предупреждения; меры дисциплинарного пресечения; дисциплинарное дело; меры обеспечения производства.

MEASURES OF DISCIPLINARY AND LEGAL COERCION IN THE SYSTEM OF THE PUBLIC SERVICE OF RUSSIA

Annotation. The article gives a general description of the concept of disciplinary and legal coercion, as well as the opinions on its structure available in the legal literature. Basing on the principle of branch analogy, the allocation of measures of ensuring disciplinary proceedings as a separate group of means of disciplinary coercion is substantiated. The author suggests that the system of measures of disciplinary coercion includes the measures of disciplinary coercion, measures of disciplinary restraint, measures of ensuring disciplinary proceedings and disciplinary sanctions. The measures of mental impact, organizational measures and measures of direct coercion are singled out in the system of measures of disciplinary coercion. Turning to the measures of ensuring disciplinary proceedings provided by the legislation, the author determines their system, which includes: delivery; detention; personal inspection, inspection of things, vehicle inspection; seizure of things and documents; temporary suspension from the performance of official and (or) special duties; suspension from driving; medical examination. Further, the characteristics of the measures of disciplinary and legal coercion available in the existing administrative and disciplinary legislation of the Russian Federation are given, their goals and grounds are described, the procedure for their application is analyzed. Proposals for improving the legal regulation of administrative procedural and disciplinary legislation are made.

Keywords: disciplinary coercion; disciplinary and legal coercion; disciplinary measures; disciplinary prevention measures; measures of disciplinary restraint; disciplinary case; measures of ensuring proceedings.

Одним из видов административно-правового принуждения, применяемого в порядке подчиненности к государственным служащим, является дисциплинарно-правовое принуждение. Дисциплинарное принуждение как один из видов легального государственного принуждения применяется за нарушение требований законодательства и дисциплины к лицам, находящимся в организационном подчинении у линейного или функционального руководителя.

Анализ научных публикаций позволяет сделать вывод о том, что среди специалистов в области административного и служебного права нет единого подхода к определению дисциплинарного принуждения как отраслевого вида государственного принуждения и как метода административно-правового воздействия. Имеющиеся в литературе определения дисциплинарного принуждения содержат родовые признаки, присущие как государственному принуждению, так и правовому принуждению в целом, а также видовые черты, определяемые особенностью функционирования исполнительной власти [1, с. 21; 2, с. 88; 3, с. 192]. Налицо расхождение по вопросам определения субъектов дисциплинарного принуждения, основаниям, целям применения, структуре и содержанию.

Кроме того, у авторов нет единого подхода к структуре дисциплинарного принуждения, существующим видам его мер, порядку их реализации, возможности выделения в отдельную группу принудительных мер обеспечения производства по дисциплинарным делам. В связи с этим считаем необходимым выделить основные виды мер дисциплинарного принуждения, критически осмыслить их содержание и порядок применения в системе государственной службы Российской Федерации.

Специалисты в структуре дисциплинарного принуждения выделяют меры дисциплинарного предупреждения, пресечения, дисциплинарные взыскания и восстановительные меры [1, с. 18; 3, с. 239; 4, с. 24-26; 5, с. 14]. Вместе с тем здесь необходимо также выделять и регламентированные нормами административно-процессуального права меры обеспечения производства по дисциплинарным делам. Такая точка зрения основывается на том,

что нормами административно-процессуального законодательства сформирована система государственно-принудительных мер для решения соответствующих процессуальных задач. В этом вопросе следует также исходить из того, что реализация отношений дисциплинарного принуждения и дисциплинарной ответственности осуществляется как в процессуальной, так и непроцессуальной форме. Процессуальные нормы определяют порядок осуществления субъективных прав и исполнения юридических обязанностей в рамках процессуальных отношений, имеют свою собственную систему и правовую регламентацию, применяются управомоченными субъектами процессуальных отношений. Дисциплинарно-предупредительные и дисциплинарно-пресекательные меры и дисциплинарные взыскания обеспечивают реализацию материальных норм права.

В механизме дисциплинарной ответственности военнослужащих закреплены меры обеспечения производства по материалам о дисциплинарном проступке, применяемые в целях пресечения дисциплинарного проступка, установления личности нарушителя, подготовки материалов о дисциплинарном проступке и обеспечения своевременного и правильного их рассмотрения (ст. 28.7 Федерального закона от 27 мая 1998 г. N 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»)* (далее — Федеральный закон «О статусе военнослужащих»). Эти меры выступают также гарантией обеспечения законных прав военнослужащего, привлекаемого к дисциплинарной ответственности. А легитимный термин будет использоваться далее для наименования разновидности мер дисциплинарного принуждения по административному праву.

Ниже представлена характеристика имеющихся мер дисциплинарно-правового принуждения.

Меры дисциплинарного предупреждения (дисциплинарно-предупредительные). Как следует из их названия, они направлены на предупреждение (предотвращение) нарушений дисциплины. Следует поддержать И.Д. Фиалковскую, которая к предупредительным относит «меры, направленные на

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. N 22. Ст. 2331.

предотвращение в системе государственной службы нарушений дисциплины и обстоятельств, способных привести к конфликту интересов» [3, с. 194].

Предупреждение означает «...сделать что-нибудь ранее, чем что-нибудь произошло» [6, с. 580]. Профилактика, как и предупреждение правонарушений, также является частью их предотвращения. Предотвращать — значит «...отвести заранее, устранять» [6, с. 579]. Под предотвращением дисциплинарных проступков предлагается понимать деятельность государственных органов, должностных лиц, общественных объединений, отдельных граждан, цель которой — побудить государственных служащих к недопущению совершения нарушений законности и дисциплины. При этом конкретные предупредительные меры весьма разнообразны, как и цели и основания применения.

Так, целями применения мер дисциплинарного предупреждения выступают:

- общее предотвращение нарушений дисциплины, законности, установленных запретов и ограничений, а также наступления конфликта интересов (общая профилактика);
- оказание позитивного влияния на государственных служащих как участников правовых и дисциплинарных отношений;
- недопущение наступления возможных вредных последствий дисциплинарного проступка;
- обеспечение отсутствия отклонений служебного поведения служащего от требований дисциплины и законности (индивидуальная профилактика).

Основаниями применения мер дисциплинарного предупреждения выступают:

- угрозы нарушения законности и дисциплины, установленных запретов и ограничений;
- предположения (сведения) о возможности совершения правонарушений;
- поведение, отклоняющееся от установленного;
- низкие результаты служебной деятельности, недостаточное «усердие», «нелояльность»* государственного служащего.

* «Нелояльный — выходящий за пределы законности, нарушающий принятые положения, законы и т.п.» [7].

К предупредительным мерам можно отнести:

- аттестование госслужащего;
- напоминание о служебном долге;
- беседы воспитательного характера;
- критику.

Под аттестацией следует понимать соответствующий официальный документ, а под аттестованием — собственно процедуру аттестации, принятие решения аттестационной комиссией и его утверждение соответствующим руководителем.

Аттестация гражданского служащего проводится в целях определения его соответствия замещаемой должности гражданской службы (ч. 1 ст. 48 Федерального закона от 27 июля 2004 г. N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»** (далее — Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации»). Аналогичное определение содержит ч. 1 ст. 38 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. N 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»*** (далее — Федеральный закон «О службе в ОВД»). Аттестация прокурорских работников проводится для определения их соответствия занимаемой должности, укрепления служебной дисциплины (ч. 1 ст. 41 Федерального закона от 17 января 1992 г. N 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»). В целях всесторонней и объективной оценки военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, определения их соответствия занимаемой воинской должности и перспектив дальнейшего служебного использования проводится аттестация (п. 1 ст. 26 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. N 1237****).

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. N 31. Ст. 3215; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/>

*** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 49 (ч. I). Ст. 7020; URL: <http://pravo.gov.ru/>

**** Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. N 38. Ст. 4534.

Аттестация может быть очередной и внеочередной. По общему правилу служебная деятельность госслужащего оценивается на основе определения соответствия требованиям должностной инструкции (регламента), участия в решении поставленных задач, эффективности и результативности выполняемой работы, наличия поощрений и неснятых дисциплинарных взысканий.

Аттестационная комиссия по итогам аттестации принимает решение о соответствии или несоответствии аттестуемого замещаемой должности, дает необходимые советы и рекомендации по устранению недостатков аттестуемого, должному выполнению им служебных и должностных обязанностей. Кроме того, комиссия может ходатайствовать перед соответствующим руководителем о применении мер дисциплинарного воздействия, о досрочном расторжении служебного контракта и увольнении со службы, о понижении в должности, применении иных средств воздействия, предусмотренных законодательством. Названные обстоятельства характеризуют аттестование как правовое средство предупреждения нарушения законности и дисциплины в системе государственной службы.

Напоминание о служебном долге, воспитательные беседы, критика служащего носят ярко выраженный профилактический и воспитательный характер, а в некоторых случаях выступают средствами убеждения. Важно также отметить, что содержание этих мер определяется их названием.

При совершении военнослужащим дисциплинарного проступка командир (начальник) может ограничиться напоминанием военнослужащему о его обязанностях и воинском долге (п. 52 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации*). Однако напоми-

нение о служебном долге военнослужащему, нарушающему требования воинской дисциплины, начальником гарнизонного патруля (подп. «г» п. 78.6 Устава гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил РФ – далее также УГКС ВС России) может выступать и мерой пресечения.

Меры дисциплинарного пресечения. Дисциплинарное пресечение является средством предотвращения дисциплинарных проступков, а в ряде случаев и деяний, носящих одновременно и признаки административных правонарушений, осуществляется путем реализации пресекательных мер в целях принудительного прекращения начавшегося правонарушения, полного исключения его завершения. Следует заметить, что эти меры носят ярко выраженный принудительный характер. Относительно видов, оснований и порядка применения мер дисциплинарного пресечения следует признать, что наибольшее число легитимных принудительных средств дисциплинарного воздействия содержит военно-служебное законодательство в силу специфики отношений военной службы.

Целями применения мер дисциплинарного пресечения выступают:

- пресечение деяния, имеющего признаки дисциплинарного проступка, и невозможность его продолжения (совершения) в дальнейшем;

- понуждение субъектов дисциплинарных правоотношений к надлежащему поведению, исполнению служебных и должностных общих и специальных обязанностей, соблюдению социальных норм;

- обеспечение восстановления нарушенного порядка (управления, функционирования государственного органа, прохождения государственной службы, реализации должностных обязанностей и др.);

- прекращение дальнейшего нарушения дисциплинарным проступком прав и законных интересов физических и юридических лиц.

Основаниями применения мер дисциплинарного пресечения выступают:

- противоправные действия (бездействие), носящие признаки дисциплинарных проступков, а в некоторых случаях – и административных правонарушений;

- покушение на совершение дисциплинарного проступка;

* Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации»): указ Президента РФ от 10 нояб. 2007 г. N 1495; ред. от 27 дек. 2017 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. N 47 (ч. I). Ст. 5749; URL: <http://pravo.gov.ru/>

- упущения по службе;
- нарушения (угрозы нарушения) прав и законных интересов физических и юридических лиц;
- причинение дисциплинарным проступком вреда имуществу государственного органа, лиц и организаций.

Арсенал легальных средств дисциплинарного пресечения весьма разнообразен и включает в себя:

1. Меры психического воздействия:
 - требование (напоминание, просьба) прекратить противоправное поведение (действия);
 - предупреждение о возможности привлечения к ответственности и наступления неблагоприятных последствий;
 - указание на ненадлежащее исполнение служебных (должностных) обязанностей (выражение порицания);
 - заслушивание на служебном совещании или соответствующим руководителем;
 - обсуждение государственного служащего (его проступка) на общем собрании коллектива в целях общественного осуждения.

Требование должностных лиц, пресекающих правонарушение (например, сотрудников полиции в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»*, военной полиции – согласно п. 1 ст. 21 Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации**), прекратить противоправные (и иные) действия. Требование – выраженная в решительной, категорической форме просьба, распоряжение [6, с. 806]. В системе публичного управления требование может предъявляться в письменной форме, с установлением срока его выполнения. Что касается дисциплинарных правоотношений, то здесь письменная форма требования не предусмотрена, как нет и необходимости издания специ-

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900; URL: <http://pravo.gov.ru/>

** Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации: указ Президента РФ от 25 марта 2015 г. N 161: ред. от 17 июня 2017 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. N 13. Ст. 1909; URL: <http://pravo.gov.ru/>

ального акта управления, а следствием невыполнения требования выступает возможность применения различных видов воздействия, в том числе непосредственного принуждения (например, задержания, применения физической силы, специальных (технических) средств, оружия).

Так, согласно подп. «г» п. 78.6 УГиКС ВС России начальник гарнизонного патруля обязан делать напоминание равным себе и младшим по воинскому званию военнослужащим, нарушающим воинскую дисциплину.

Основанием указания на ненадлежащее исполнение служебных (должностных) обязанностей является получение соответствующим руководителем сведений, в том числе в виде докладных, служебных записок, рапортов, письменных и устных обращений, характеризующих отношение конкретного служащего к исполнению возложенных на него обязанностей и предполагающих необходимость реагирования на такое поведение, действия (бездействие).

Порядок проведения служебных совещаний и заслушиваний определяется соответствующими регламентами государственных органов***, а их результаты фиксируются в соответствующих протоколах. Заслушивание должностных лиц может проводиться планоно или внепланово по широкому кругу вопросов: о проделанной работе, о совершенном проступке, о несвоевременном или неполном выполнении поручений и т.д.

Суды офицерской чести рассматривают вопросы о нарушении государственными служащими, имеющими воинские или специальные звания, правил профессиональной этики, предупреждают и разрешают межличностные конфликты в повседневной деятельности. По итогам рассмотрения вопросов о нарушении сотрудником Следственного комитета Российской Федерации норм профессиональной этики суд чести может либо

*** Об утверждении Регламента Министерства обороны Российской Федерации: приказ министра обороны РФ от 10 янв. 2015 г. N 1: ред. от 22 янв. 2016 г.; Об утверждении Регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 17 окт. 2013 г. N 850. URL: <http://pravo.gov.ru>

предупредить об ответственности, либо ходатайствовать перед председателем Следственного комитета Российской Федерации о привлечении сотрудника к ответственности [8]. Аналогичные вопросы могут решаться и на общих собраниях.

2. Меры организационного принуждения (воздействия). Это ограничительные мероприятия, препятствующие повторному совершению правонарушения, в ряде случаев сопряженные с дисциплинарными взысканиями, предотвращающие наступление возможных вредных последствий. К ним относятся:

- освобождение от замещаемой должности;
- досрочное расторжение служебного контракта, досрочное увольнение со службы;
- понижение в должности (звании, квалификационном классе);
- задержка в присвоении (приостановление присвоения) очередного воинского или специального звания (квалификационного класса; классного чина) и др.

Так, в системе государственной службы ст. 37 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» предусмотрено право нанимателя уволить государственного служащего в случае предоставления им представителю нанимателя подложных документов или заведомо ложных сведений при заключении служебного контракта.

Общими основаниями прекращения служебного контракта, освобождения от замещаемой должности или увольнения с гражданской службы являются, например, выход гражданского служащего из гражданства Российской Федерации; несоблюдение установленных ограничений и невыполнение обязательств; нарушение запретов, связанных с гражданской службой (ст. 33 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»). Однако не всегда освобождение от замещаемой должности заканчивается увольнением гражданского служащего.

Присвоение сотруднику органов внутренних дел очередного специального звания приостанавливается в случае наложения на сотрудника дисциплинарного взыскания (кроме замечания) — до его снятия

(ст. 45 Федерального закона «О службе в ОВД»). Аналогичные положения содержит ст. 47 Федерального закона от 28 марта 1998 г. N 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»*.

Очередной классный чин не присваивается федеральным гражданским служащим, имеющим дисциплинарные взыскания, а также федеральным гражданским служащим, в отношении которых проводится служебная проверка или возбуждено уголовное дело (п. 23 Положения о порядке присвоения и сохранения классных чинов государственной гражданской службы Российской Федерации федеральным государственным гражданским служащим)**.

Аналогичные правила установлены для прокурорских работников (п. 17 Положения о порядке присвоения классных чинов прокурорским работникам органов и организаций прокуратуры Российской Федерации)***.

3. Меры физического (непосредственного) принуждения:

- доставление;
- задержание;
- применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Доставление и задержание могут выступать и средствами принудительного воздействия, и мерами обеспечения производства по дисциплинарным делам.

Так, согласно подп. «г» п. 78.6 УГиКС ВС РФ начальник гарнизонного патруля обязан в целях пресечения дисциплинар-

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. N 13. Ст. 1475.

** О порядке присвоения и сохранения классных чинов государственной гражданской службы Российской Федерации федеральным государственным гражданским служащим: указ Президента РФ от 1 февр. 2005 г. N 113: ред. от 30 сент. 2013 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. N 6. Ст. 440; 2013. N 40 (ч. III). Ст. 5045.

*** О классных чинах прокурорских работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации» (вместе с «Положением о порядке присвоения классных чинов прокурорским работникам органов и организаций прокуратуры Российской Федерации»): указ Президента РФ от 21 нояб. 2012 г. N 1563: ред. от 18 дек. 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N 48. Ст. 6662; 2016. N 52 (ч. V). Ст. 7603.

ного проступка, установления личности нарушителей доставлять их в воинскую часть или военную комендатуру. У доставляемых военнослужащих изымаются оружие, боеприпасы и удостоверяющие личность документы, которые начальник гарнизонного патруля сдает дежурному по воинской части (военной комендатуре).

Военная полиция наделена правомочием задерживать и (или) доставлять в военную полицию военнослужащих: в связи с совершением ими административного правонарушения или грубого дисциплинарного проступка; оказавших неповиновение законным требованиям военнослужащего военной полиции; при отсутствии у них документов, удостоверяющих личность; если имеются основания для их задержания в иных случаях, предусмотренных Уставом военной полиции (подп. 4 п. 21 Устава военной полиции).

Меры обеспечения производства по дисциплинарным делам. В нашем понимании меры обеспечения производства по дисциплинарным делам — это вид мер дисциплинарно-правового принуждения, установленных нормами административно-процессуального законодательства, направленных на принудительную реализацию норм административного (служебного), военного и административно-процессуального права в целях обеспечения производства по конкретному дисциплинарному делу (на подготовку материалов дела о дисциплинарном проступке и обеспечение своевременного, полного и правильного его рассмотрения).

От других дисциплинарных мер принуждения они отличаются тем, что применяются полномочными органами и должностными лицами в процессуальной форме к лицу, совершившему дисциплинарный проступок, имеют конкретные цели, особое содержание и характер. Необходимость в применении таких мер определяется целями и задачами дисциплинарного производства.

Меры обеспечения производства по дисциплинарным делам применяются в целях:

- установления личности нарушителя;
- обнаружения и закрепления доказательств по делу о дисциплинарном проступке;

- формирования материалов дела о дисциплинарном проступке;

- обеспечения своевременного, полного и правильного рассмотрения материалов дела о дисциплинарном проступке;

- обеспечения процессуальных гарантий участников производства по дисциплинарным делам;

- возмещения причиненного ущерба.

К этим мерам относятся:

- 1) доставление;

- 2) задержание;

- 3) личный досмотр, досмотр вещей, досмотр транспортного средства;

- 4) изъятие вещей и документов;

- 5) временное отстранение от исполнения должностных и (или) специальных обязанностей;

- 6) отстранение от управления транспортным средством;

- 7) медицинское освидетельствование.

Доставление, то есть принудительное препровождение военнослужащего, осуществляется в служебное помещение воинской части или военной полиции (ч. 2 ст. 28.7 Федерального закона «О статусе военнослужащих»^{*}). Доставление должно быть осуществлено в возможно короткий срок, а перечень мест, куда может осуществляться доставление, нам видится более широким (например, к непосредственному руководителю, в государственный орган и т.д.).

Военное законодательство в отличие от КоАП РФ не определяет процессуальных целей доставления. Полагаем, что целями доставления выступают: оформление материалов дисциплинарного проступка, обеспечение своевременного, полного и правильного разбирательства по дисциплинарному делу. Приложением N 2 к Уставу военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации предусмотрена возможность применения к доставляемому военнослужащему физической силы и специальных средств.

Кроме того, считаем необходимым отметить, что согласно ч. 1 ст. 27.2 КоАП РФ возможно доставление судна и других орудий совершения административного

^{*} Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. N 22. Ст. 2331; URL: <http://www.pravo.gov.ru>

правонарушения. Аналогичное положение может быть предусмотрено и для дисциплинарного производства.

Задержание, то есть кратковременное ограничение свободы, может быть применено к военнослужащему в исключительных случаях, если это необходимо для установления личности нарушителя, подготовки материалов о грубом дисциплинарном проступке и обеспечения своевременного и правильного их рассмотрения (ч. 3 ст. 28.7 Федерального закона «О статусе военнослужащих»). Военнослужащий может быть задержан своим командиром либо должностными лицами, наделенными специальными полномочиями (например, должностным лицом военной полиции), и содержится в изолированном помещении воинской части, либо в комнате (камере) органа, воинской части или подразделения военной полиции для задержанных военнослужащих, либо на гауптвахте.

В целом процессуальный порядок дисциплинарного задержания во многом аналогичен административному задержанию в порядке ст.ст. 27.3-27.5 КоАП РФ. Задержание отличается от доставления по целям, основаниям, механизму реализации. Следует отметить недостаточную разработанность порядка дисциплинарного задержания в вопросах определения точного времени начала и окончания, закрепления гарантий для задержанного.

Личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при военнослужащем, и досмотр транспортного средства, то есть обследование вещей (транспортного средства), проводимое без нарушения конструктивной целостности вещей (транспортного средства), осуществляются в случае необходимости в целях обнаружения предметов дисциплинарного проступка или предметов, использованных при его совершении, либо предметов, сохранивших на себе следы дисциплинарного проступка (ч. 4 ст. 28.7 Федерального закона «О статусе военнослужащих»). Абзац 2 п. 3 Приложения N 6 к Дисциплинарному уставу Вооруженных Сил Российской Федерации определяет, что личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при военнослужащем, и досмотр транспортного средства производятся должностными

лицами воинской части (гарнизона), органа военной полиции в помещении (на территории) воинской части или органа военной полиции в присутствии не менее двух понятых. Следует отметить, что данная мера во многом сходна со ст.ст. 27.7 и 27.9 КоАП РФ.

Ни в КоАП РФ, ни в Федеральном законе «О статусе военнослужащих» не раскрываются понятия личного досмотра, досмотра транспортного средства, его отличия от наружного (визуального) осмотра (досмотра), не определяется круг проверочных действий и порядок проведения. Полагаем, что досмотр представляет собой принудительные проверочные действия по обследованию одежды, вещей, транспортного средства в целях обнаружения орудий или предметов правонарушения.

Возможность проведения досмотра военнослужащего вне воинской части (органа военной полиции) не предусмотрена, однако дисциплинарные проступки могут совершаться и не по месту службы, и в ряде случаев проведение досмотра на месте совершения проступка (задержания) необходимо. Законодательство не устанавливает ведомственную принадлежность транспортного средства, подлежащего досмотру, но, как представляется, совершение дисциплинарного проступка возможно и на личном транспорте (например, нарушение пропускного режима, совершение хищения).

Изъятие вещей, явившихся предметами дисциплинарного проступка или предметами, использованными при его совершении, либо предметами, сохранившими на себе следы дисциплинарного проступка и (или) документов, имеющих значение доказательств при привлечении военнослужащего к дисциплинарной ответственности и обнаруженных на месте совершения дисциплинарного проступка или при осуществлении личного досмотра, досмотра вещей, находящихся при военнослужащем, и (или) досмотра транспортного средства, осуществляется в присутствии понятых (ч. 5 ст. 28.7 Федерального закона «О статусе военнослужащих»). У задержанного также изымаются документы и вещи, которые не должны находиться при нем, возможность их дальнейшего использования исключается.

Временное отстранение от исполнения должностных и (или) специальных обязанностей. Может быть применено к военнослужащему в случаях, когда совершенный им дисциплинарный проступок препятствует исполнению его должностных и (или) специальных обязанностей или исполнению обязанностей военной службы другими военнослужащими, либо когда исполнение военнослужащим должностных и (или) специальных обязанностей препятствует (может препятствовать) всестороннему, полному, объективному и своевременному выяснению обстоятельств совершения им дисциплинарного проступка, выявлению причин и условий, способствовавших его совершению.

Отстранять — это «не допускать к исполнению каких-либо обязанностей» [9]. Словосочетание «временное отстранение» означает временный недопуск к исполнению определенных обязанностей лица, совершившего дисциплинарный проступок, для проведения служебной проверки либо при урегулировании конфликта интересов. Временное отстранение от исполнения обязанностей оформляется приказом ответственного руководителя.

Гражданский служащий, в отношении которого проводится служебная проверка, может быть временно отстранен от замещаемой должности гражданской службы на время проведения служебной проверки (ч. 7 ст. 59 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»). Аналогичные правила предусмотрены и в отношении других видов государственных служащих.

Сотрудник органов внутренних дел может быть отстранен от выполнения служебных обязанностей в случае возникновения конфликта интереса до его урегулирования (п. 3 ч. 2 ст. 73 Федерального закона «О службе в ОВД»). В случае, если сотрудник органов внутренних дел не прошел проверку на профессиональную пригодность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, до вынесения решения о соответствии замещаемой должности в органах внутренних дел он отстраняется от выполнения обязанностей, связанных с возможным применением физической силы, спе-

циальных средств и огнестрельного оружия (п. 4 ч. 4 ст. 33 Федерального закона «О службе в ОВД»).

Отстранение от управления транспортным средством применяется к военнослужащему, если имеются достаточные основания полагать, что он находится в состоянии опьянения либо совершил иной грубый дисциплинарный проступок, связанный с управлением транспортным средством или его эксплуатацией (ч. 7 ст. 28.7 Федерального закона «О статусе военнослужащих»). Признаки иного грубого дисциплинарного проступка — причинение вреда здоровью человека, повреждение военного имущества либо иные вредные последствия, иные неправомерные действия, сопряженные с использованием транспортных средств. Отстранение от управления применяется до устранения причины отстранения (например, до вытрезвления военнослужащего, неподтверждения состояния опьянения, передачи управления иному водителю, прекращения дисциплинарного проступка), в целях проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения и задержания транспортного средства.

Рассматриваемая мера выражается в объявлении физическому лицу запрета осуществлять действия, которыми служебное транспортное средство приводится в движение, а в случае невыполнения такого требования — совершении действий, делающих дальнейшее управление невозможным — блокирование транспортного средства, остановка двигателя, принудительное удаление (извлечение) из транспортного средства, изъятие ключей и т.п. Транспортным средством может быть автомобиль, специальная техника, трактор, автобус, водное судно и т.д.

В отличие от КоАП РФ (ч. 2 ст. 27.12) военное законодательство не требует наличия понятий при отстранении военнослужащего от управления транспортным средством. Также не предполагается отстранение в случаях управления заведомо неисправным служебным транспортным средством. Правом отстранения военнослужащего от управления наделены должностные лица воинской части, гарнизона, военной автомобильной инспекции или органа военной полиции.

Должностное лицо, отстранившее военнотранспортное средство от управления транспортным средством, обязано обеспечить сохранность этого транспортного средства до окончания отстранения. Для размещения, хранения и возврата задержанных транспортных средств воинских частей организуется специализированная стоянка (гарнизонный сборный пункт задержанных машин).

Медицинское освидетельствование осуществляется в целях обнаружения на теле военнотранспортного лица особых примет, следов правонарушения, телесных повреждений и (или) выявления состояния опьянения (ч. 8 ст. 28.7 Федерального закона «О статусе военнотранспортных»^{*}). Военнотранспортный, который отстранен от управления транспортным средством и в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что он находится в состоянии опьянения, подлежит направлению на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, которое проводится в порядке, определенном нормативными правовыми актами Российской Федерации^{*}.

Применительно к сфере медицинской деятельности понятие, цели и виды медицинского освидетельствования определены в ст. 65 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах здоровья граждан в Российской Федерации» (далее также – Федеральный закон «Об основах здоровья граждан в Россий-

ской Федерации»)^{**}. Медицинское освидетельствование лица представляет собой совокупность методов медицинского осмотра и медицинских исследований, направленных на подтверждение такого состояния здоровья человека, которое влечет за собой наступление юридически значимых последствий (ч. 1 ст. 65 Федерального закона «Об основах здоровья граждан в Российской Федерации»). Медицинское освидетельствование проводится в медицинских организациях любой организационно-правовой формы в порядке, установленном уполномоченным федеральным органом исполнительной власти (ч. 4 ст. 65 Федерального закона «Об основах здоровья граждан в Российской Федерации»).

Видами медицинского освидетельствования (ч. 2 ст. 65 Федерального закона «Об основах здоровья граждан в Российской Федерации») являются:

- 1) освидетельствование на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического);
- 2) психиатрическое освидетельствование;
- 3) освидетельствование на наличие медицинских противопоказаний к управлению транспортным средством;
- 4) освидетельствование на наличие медицинских противопоказаний к владению оружием;
- 5) иные виды медицинского освидетельствования, установленные законодательством Российской Федерации.

Таким образом, рассматриваемая норма ч. 8 ст. 28.7 Федерального закона «О статусе военнотранспортных» понятием «медицинское освидетельствование» объединяет совокупность разнопорядковых процедур медицинского осмотра и медицинских исследований, а именно:

1. Осмотр тела военнотранспортного лица в целях выявления особых примет, следов правонарушения, телесных повреждений.

Наличие телесных повреждений может быть зафиксировано в любом медицинском учреждении при осмотре медицинским работником, однако в ана-

^{*} Об утверждении Правил освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, медицинского освидетельствования этого лица на состояние опьянения и оформления его результатов и правил определения наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека при проведении медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством: постановление Правительства РФ от 26 июня 2008 г. N 475; ред. от 10 сент. 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. N 27. Ст. 3280; URL: <http://www.pravo.gov.ru>

^{**} Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 48. Ст. 6724; URL: <http://www.pravo.gov.ru>

лизируемых законоположениях это не усматривается.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что ст. 179 УПК РФ предусмотрена возможность проведения следователем (а не воинским должностным лицом) освидетельствования до возбуждения уголовного дела — для обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производство судебной экспертизы.

2. Медицинское освидетельствование на состояние опьянения.

Регулируется статьями 27.12 и 27.12.1 КоАП РФ, Постановлением Правительства РФ от 26 июня 2008 г. N 475. Определение состояния опьянения проводится в соответствии с нормативными правовыми актами Министерства здравоохранения Российской Федерации*.

Следует констатировать, что КоАП РФ предусматривает такие процедуры, как освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и медицинское освидетельствование на состояние опьянения, причем в первую очередь проводится именно освидетельствование на состояние алкогольного опьянения. Однако военное законодательство не предполагает проведения в рамках дисциплинарного производства освидетельствования на состояние алкогольного опьянения.

Состояние опьянения также может быть зафиксировано следователем при процессуальном освидетельствовании либо установлено при помощи иных средств (например, показаниями свидетелей)**.

* О медицинском освидетельствовании на состояние опьянения: приказ Минздрава России от 14 июля 2003 г. N 308: ред. от 18 дек. 2015 г. // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2003. N 48; URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** Пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 октября 2006 г. N 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. N 12).

са о лишении права управления необходимо именно медицинское освидетельствование.

Таким образом, усматриваются различия в регулировании медицинского освидетельствования военнослужащего положениями федеральных законов и отсутствие его надлежущей правовой регламентации уполномоченными органами. В связи с этим ч. 8 ст. 28.7 Федерального закона «О статусе военнослужащих» может быть сформулирована следующим образом: «Медицинское освидетельствование осуществляется в медицинской организации в целях обнаружения на теле военнослужащего особых примет, следов правонарушения, телесных повреждений. Освидетельствование на состояние алкогольного опьянения и медицинское освидетельствование на состояние опьянения в отношении военнослужащего и оформление их результатов осуществляются в порядке, установленном нормативными правовыми актами Российской Федерации».

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам:

1. Система мер дисциплинарного принуждения включает в себя меры дисциплинарного предупреждения, меры дисциплинарного пресечения, меры обеспечения производства по дисциплинарным делам и дисциплинарные взыскания.

2. Выделение в самостоятельную группу средств дисциплинарного принуждения — мер обеспечения производства по дисциплинарным делам — основывается на том, что эти меры выступают самостоятельной формой государственного принуждения, а в рамках административно-процессуального законодательства сформирована система государственно-принудительных мер для решения соответствующих процессуальных задач дисциплинарного производства.

3. Рассмотренные в статье меры процессуального обеспечения по дисциплинарным делам в полном объеме могут применяться к военнослужащим и лицам, проходящим государственную службу иных видов (сотрудники органов внутренних дел, Федеральной службы исполнения наказаний, прокуратуры и др.). Возможность применения указанных мер к

гражданским государственным служащим ограничена спецификой их службы, но к некоторым федеральным государственным гражданским служащим они могут применяться в полном объеме (например, к судебным приставам).

4. Вопросы правового регулирования процессуальных мер обеспечения производства по дисциплинарным делам в системе государственной службы требуют дальнейшей проработки и соответствующего нормативного закрепления.

Список литературы

1. Бахрах Д.Н. Дисциплинарное принуждение // Правоведение. 1985. N 3. С. 17-25.
2. Гавриленко Д.А. Дисциплина труда и средства ее обеспечения. Мн.: Наука и техника, 1985. 120 с.
3. Фиалковская И.Д. Меры дисциплинарного принуждения в системе методов государственного управления // Народ и власть: взаимодействие в истории и современности. Научный ежегодник факультета права Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». 2016. N 3. С. 189-203.
4. Колосков А.М. Дисциплинарно-правовое принуждение и дисциплинарная ответственность сотрудников уголовно-исполнительной системы: содержание и соотношение // Вестник Владимирского юридического института. 2008. N 4 (9). С. 42-45.
5. Чаннов С.Е. Дисциплинарное принуждение как средство обеспечения служебных правоотношений: современное состояние и перспективы // Административное право и процесс. 2012. N 7. С. 13-18.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 22-е изд.. М.: Рус. яз., 1990. 921 с.
7. Толковый словарь Т.Ф. Ефремовой. URL: <http://efremova-online.ru/slovar-efremovoy/neloyalnyj/54004/> (дата обращения: 11 окт. 2017 г.).
8. В Следственном комитете образован суд офицерской чести // Следственный комитет Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://sledcom.ru/news/item/1011174/?pdf=1> (дата обращения: 11 окт. 2017 г.).
9. Толковый словарь. URL: <http://www.rulib.info/word/otstranjat.html> (дата обращения: 11 окт. 2017 г.).

References

1. Bakhrah D.N. Distsiplinarnoe prinuzhdenie [Disciplinary coercion]. Pravovedenie – Jurisprudence, 1985, no. 3, pp. 17-25.
2. Gavrilenko D.A. Distsiplina truda i sredstva ee obespecheniya [Discipline of labor and means of its maintenance]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1985. 120 p.
3. Fialkovskaya I.D. Mery distsiplinarnogo prinuzhdeniya v sisteme metodov gosudarstvennogo upravleniya [Measures of disciplinary coercion in the system of methods of public administration]. Narod i vlast': vzaimodeystvie v istorii i sovremennosti. Nauchnyy ezhegodnik fakul'teta prava Nizhegorodskogo filiala Natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta "Vysshaya shkola ekonomiki" – People and Power: Interaction in History and Modernity. Scientific Yearbook of the Faculty of Law of Nizhny Novgorod Branch of the National Research University "Higher School of Economics", 2016, no. 3, pp. 189-203.
4. Koloskov A.M. Distsiplinarno-pravovoe prinuzhdenie i distsiplinarnaya otvetstvennost' sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noy sistemy: soderzhanie i sootnoshenie [Disciplinary and legal coercion and disciplinary responsibility of the staff of the penitentiary system: content and correlation]. Vestnik Vladimirsikogo yuridicheskogo instituta – Bulletin of the Vladimir Law Institute, 2008, no. 4 (9), pp. 42-45.
5. Channov S.E. Distsiplinarnoe prinuzhdenie kak sredstvo obespecheniya sluzhebnykh pravootnosheniy: sovremennoe sostoyanie i perspektivy [Disciplinary coercion as a means of securing official legal relations: current state and prospects]. Administrativnoe pravo i protsess – Administrative law and process, 2012, no. 7, pp. 13-18.
6. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka [Russian dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1990. 921 p.
7. Tolkovyy slovar' T.F. Efremovoy [Explanatory Dictionary of T.F. Efremova]. Available at: <http://efremova-online.ru/slovar-efremovoy/neloyalnyj/54004/> (Accessed October 11, 2017).
8. V Sledstvennom komitete obrazovan sud ofiterskoy chesti [In the Investigative Committee, a court of officer honor was formed]. Sledstvennyy komitet Rossiyskoy Federatsii – The Investigative Committee of the Russian Federation. Available at: <http://sledcom.ru/news/item/1011174/?pdf=1> (Accessed October 11, 2017).
9. Tolkovyy slovar' [Dictionary]. Available at: <http://www.rulib.info/word/otstranjat.html> (Accessed October 11, 2017).

Раздел 4. Уголовный закон

СМИРНОВ И.О., SMIRNOV I.O.,
кандидат юридических наук, Candidate of Legal Sciences,
smir.io@mail.ru smir.io@mail.ru
Кафедра уголовного права; Chair of criminal law;
Курганский государственный университет, Kurgan State University,
640014, г. Курган, ул. Советская, 64 Sovetskaya St. 64, Kurgan, 640014,
Russian Federation

ИВАНОВ Р.С., IVANOV R.S.,
кандидат юридических наук, Candidate of Legal Sciences,
ivanov_.rs@mail.ru ivanov_.rs@mail.ru
Кафедра уголовного права; Chair of criminal law;
Курганский государственный университет, Kurgan State University,
640014, г. Курган, ул. Советская, 64 Sovetskaya St. 64, Kurgan, 640014,
Russian Federation

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ

Аннотация. Масштабные террористические действия вынуждают по-новому взглянуть на проблему терроризма. Он превратился в реальную, серьезную угрозу стабильности и безопасности социального мира. Изменяются установки терроризма, организационная структура террористических организаций, расширяется использование ими новейших технологий, приобретает новое вооружение, позволяющее проводить операции, сопоставимые с военными, реальной становится перспектива применения самых страшных видов оружия, а также средств воздействия на информационное пространство и психику человека. В статье рассматриваются особенности уголовно-правового противодействия террористическим организациям. Раскрывается основной алгоритм признания организации террористической. Общими критериями признания организации террористической являются вероятность совершения ее членами терактов против российских учреждений, предприятий и отдельных граждан для дестабилизации внутривосточной ситуации, а также создание угрозы безопасности Российской Федерации и ее союзников. Акцентируется внимание на различии между терроризмом и экстремизмом. Анализируется теория и судебная практика отграничения смежных составов преступлений, предусматривающих ответственность за организованные формы террористической и экстремистской деятельности, обозначена проблема, связанная с наличием конкуренции общей и специальной норм об ответственности за преступления террористической направленности.

Ключевые слова: террористическая организация; экстремистская организация; незаконное вооруженное формирование; «Исламское государство»; конкуренция.

PECULIARITIES OF CRIMINAL LEGAL COUNTERACTION TO TERRORIST ORGANIZATIONS

Annotation. Large-scale terrorist actions require a fresh look at the problem of terrorism. Terrorism has become a real, serious threat to the stability and security of the social world. Terrorist attitudes and the organizational structure of terrorist organizations are changing, the use of new technologies is expanding, new weapons allowing to carry out the operations comparable to the military ones are being acquired. The prospect of using the most terrible types of weapons, as well as the means of influencing the information space and the human psyche, becomes real. The peculiarities of criminal legal counteraction to terrorist organizations are considered in the article. The main algorithm for recognizing the organization as a terrorist organization is revealed. The general criteria for recognizing a terrorist organization are: the possibility of committing terrorist acts against Russian institutions, enterprises and individuals by its members in order to destabilize the domestic political situation, as well as creating a threat to the security of Russia and its allies. The distinction between terrorism and extremism is underlined. The theory and judicial practice of the delineation of related criminal offences

providing the liability for organized forms of terrorist and extremist activities are analyzed. The problem connected with the existence of competition of general and special rules concerning the liability for terrorist crimes is identified.

Keywords: terrorist organization; extremist organization; illegal armed formation; Islamic state; competition.

В настоящее время Федеральная служба безопасности Российской Федерации занимает ключевое место в развитии общегосударственной системы противодействия терроризму. На XV Сессии руководителей специальных служб, органов безопасности и правоохранительных органов иностранных государств-партнеров директором Федеральной службы безопасности Российской Федерации А.В. Бортниковым отмечено: «Для России, равно как и для большинства государств мира, опасность всплеска террористической активности в результате массового возвращения боевиков-террористов стоит в ряду наиболее острых проблем. Растут масштабы совместного использования бандитами каналов незаконной миграции из ряда центральноазиатских государств с оседанием в Приволжском, Уральском и Сибирском федеральных округах»*.

Национальным антитеррористическим комитетом отмечается высокая активность ряда международных террористических организаций, их стремление к расширению географии терроризма, а также достижению конечной цели – формированию единого «исламского халифата», территория которого должна, по замыслу идеологов ИГИЛ, распространяться далеко за пределы Ближнего Востока, захватывая Африку, Южную Европу, Центральную Азию, российский Северный Кавказ и Поволжье. Деятельность таких организаций фиксируется и во многих регионах России. Так, в 2015-2016 гг. в городах Москве, Санкт-Петербурге, Рязани, Самаре, а также в Московской, Орловской, Кировской областях и некоторых других регионах страны органами безопасности ликвидированы

подпольные ячейки таких международных террористических организаций, как «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», «Ат Такфир Валь-Хиджра», «Исламская партия Туркестана». Пресечена преступная деятельность ряда лиц, осуществлявших вербовку террористов-смертников и планировавших организацию серии террористических актов, в том числе в Москве в период проведения майских праздничных мероприятий и Чемпионата мира по хоккею 2016 года, предотвращено 35 преступлений террористической направленности. Изъято более тысячи единиц огнестрельного оружия, свыше трех с половиной тонн взрывчатых веществ; обезврежено 189 самодельных взрывных устройств. При оказании вооруженного сопротивления уничтожено 170 боевиков, в том числе 39 главарей. В 2016-2017 гг. выявлено более 1140 граждан России, выехавших в Сирию, Ирак и другие страны для участия в деятельности международно-террористических организаций [1, с. 21-22].

Уголовно-правовое противодействие терроризму остается в числе самых эффективных мер по снижению и ликвидации террористической угрозы. В связи с этим принятие новых и совершенствование существующих уголовно-правовых норм служит эффективным инструментом противодействия терроризму.

Федеральным законом от 2 ноября 2013 г. N 302-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации дополнен ст. 205.5 «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации»**. Согласно пояснительной записке к проекту федерального закона внесение в российское уголовное законодательство подобных изменений было обусловлено правоприменительной практикой по вопросам правового обе-

* Вступительное слово директора ФСБ России, председателя Национального антитеррористического комитета А.В. Бортникова на XV Сессии руководителей специальных служб, органов безопасности и правоохранительных органов иностранных государств – партнеров ФСБ России // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2016. N 2 (15). С. 9.

** О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 2 нояб. 2013 г. N 302-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 44. Ст. 5641.

спечения противодействия терроризму. В официальных отзывах Верховного Суда Российской Федерации и Правительства Российской Федерации законопроект в целом был поддержан.

Однако Федеральным законом от 5 мая 2014 г. N 130-ФЗ в санкцию ч. 1 ст. 205.5 УК РФ были внесены изменения в виде основного наказания — пожизненного лишения свободы*, а Федеральным законом от 6 июля 2016 г. N 375-ФЗ в два раза увеличена санкция ч. 2 ст. 205.5 УК РФ, с 5 и 10 лет до 10 и 20 лет соответственно. Кроме того, примечание дополнительно еще одним условием освобождения от уголовной ответственности (совершение преступления предусмотренного настоящей статьей, впервые)**.

Статья 205.5 УК РФ в действующей редакции предусматривает уголовную ответственность за организацию деятельности террористической организации, состоящую в действиях организационного характера, направленных на продолжение или возобновление противоправной деятельности запрещенной организации (например, восстановление или продолжение существования террористической организации, поддержание видимости ее существования, побуждение других лиц присоединиться к такой организации или продолжать в ней участвовать), а также за участие в деятельности террористической организации в виде продолжения или возобновления деятельности данной организации (например, проведение бесед в целях пропаганды деятельности запрещенной организации, поиск старых членов запрещенной организации, вербовка новых участников, непосредственное участие в проводимых мероприятиях, распространение идеологии организации).

* О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 5 мая 2014 г. N 130-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 19. Ст. 2335.

** О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федер. закон от 6 июля 2016 г. N 375-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 28. Ст. 4559.

Первый вопрос, который требует детального рассмотрения, — это особенности признания организации террористической.

В соответствии с ч. 2 ст. 24 Федерального закона от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму»*** (далее — Федеральный закон «О противодействии терроризму») организация признается террористической и подлежит ликвидации, а ее деятельность — запрещению по решению суда на основании заявления Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему прокурора в случае, если от имени или в интересах организации осуществляются организация, подготовка и совершение преступлений, предусмотренных статьями 205-206, 208, 211, 220, 221, 277-280, 282.1-282.3, 360 и 361 УК РФ. Кроме того, террористической организацией признается и террористическое сообщество в случае вступления в законную силу обвинительного приговора по уголовному делу в отношении лица за создание сообщества, предусмотренного статьей 205.4 УК РФ, за руководство этим сообществом или участие в нем.

По нашему мнению, общими критериями признания организации террористической являются вероятность совершения ее членами терактов против российских учреждений, предприятий и отдельных граждан для дестабилизации внутривосточной ситуации, а также создание угрозы безопасности России и ее союзников [2, с. 43]. Необходимо отметить, что такая позиция не противоречит и судебной практике.

Так, в решении Верховного Суда Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. N АКПИ 14-1424С основной причиной признания международных организаций «Исламское государство» и «Джебхат ан-Нусра» (Фронт победы) террористическими и запрете их деятельности на территории Российской Федерации послужила исходящая от данных организаций угроза безопасности Российской Федерации, которая выразилась в совершении действий, устрашающих население и создающих

*** О противодействии терроризму: федер. закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 11. Ст. 1146.

опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти Российской Федерации либо воздействия на принятие ими решений, а также в использовании диверсионно-террористических и военных методов*.

В соответствии с п. 5 ст. 24 Федерального закона «О противодействии терроризму» федеральный орган исполнительной власти в области обеспечения безопасности ведет единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими, в связи с чем копия вступившего в законную силу судебного решения по делу о признании организации террористической или копия приговора по уголовному делу о преступлениях, предусмотренных ст. 205.4 УК РФ, направляется судом в ФСБ России. Далее указанный список подлежит опубликованию в официальных периодических изданиях, определенных Правительством Российской Федерации.

В пункте 22.6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. N 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» разъясняется следующее: «Лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 205.5 УК РФ, если они совершены после официального опубликования сведений о признании соответствующей организации террористической и запрете ее деятельности на территории Российской Федерации по решению суда»**.

В правовой доктрине преобладает позиция, согласно которой терроризм является крайней формой проявления экстремизма. Например, Ю.М. Антонян считает, что «терроризм является наиболее опасной формой экстремизма» [3, с. 401]. По мнению А.И. Долговой, терроризм яв-

ляется одним из специфических видов насилия, используемых в том числе в процессе экстремистской деятельности [4, с. 80], в то время как «экстремизм — это мышление, а терроризм — это действие»***.

С 2002 по 2013 г. лица, организовавшие деятельность организаций, признанных террористическими, либо участвовавшие в деятельности этих организаций, несли ответственность по ст. 282.2 УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации».

Например, Г., зная о запрете деятельности партии «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» (решением Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. признана террористической организацией) на территории Российской Федерации, осознавая ее общественную опасность, с конца 2009 года, действуя умышленно в интересах данной организации, осуществлял скрытую антироссийскую, антиконституционную пропаганду среди населения, склоняя жителей к участию в деятельности данной организации, воздействуя на их религиозные чувства, организовывал и руководил занятиями по изучению работ «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», распространял литературу и листовки данной террористической организации. Признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282.2 УК РФ****.

Введение со 2 ноября 2013 г. уголовной ответственности за организацию террористической организации и участие в ее деятельности и одновременное дополнение диспозиции ст. 282.2 УК РФ фразой «за исключением организаций, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации признаны террористическими» позволило частично снять проблему разграничения террористических и экстремистских объединений.

*** См.: Алексеева А., Цупило А., Пфау Д. Чего хочет в Москве экстремист и о чем мечтает террорист: интервью М. Киреева // Федеральное агентство новостей. 2016. 9 нояб. URL: <https://riafan.ru/572632-chego-hochet-v-moskve-ekstremist-i-o-chem-mechtaet-terrorist-fan-tv>

**** Приговор мирового судьи судебного участка N 2 по Бирскому району Республики Башкортостан от 3 нояб. 2011 г. N 1-26/2011 // Архив судебного участка N 2 по Бирскому району Республики Башкортостан.

* Решение Верховного Суда Российской Федерации от 29 дек. 2014 г. N АКПИ 14-1424С. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Рос. газ. 2012. 17 февр.

Дискуссионным остается вопрос о том, экстремистской или террористической должна быть признана организация, от имени или в интересах которой осуществляются организация, подготовка и совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 280, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ [5, с. 100-105]. Согласно примечанию к ст. 282.1 УК РФ данные преступления относятся к преступлениям экстремистской направленности, при этом их организация, подготовка и совершение являются основанием для признания организации террористической (ч. 2 ст. 24 Федерального закона «О противодействии терроризму»).

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности») к экстремистской деятельности относится «публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность»*. Подобная непоследовательность двух основных нормативных правовых актов, действующих в области противодействия терроризму и экстремизму, способствует противоречивости в судебной практике.

Например, решением Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2014 г. украинская организация «Правый сектор» была признана экстремистской и включена в перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых принято решение о ликвидации или запрете ее деятельности**. Далее, по сути, эта же организация, но решением Московского городского суда (вступившего в силу 30 декабря 2014 г.) признается террористической – «Террористическое сообщество – структурное подразделение организации “Правый сектор” на территории Республики Крым»***.

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. N 30. Ст. 3031.

** Решение Верховного Суда РФ от 17 нояб. 2014 г. по делу N АКПИ 14-1292С. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Решение Московского городского суда от 17 дек. 2014 г., б/н // Московский городской суд: официальный сайт. URL: <https://www.mosgorsud.ru/mgs/search>

Результаты проводимых в России криминологических и социально-правовых исследований показывают, что если не определен содержательный отличительный признак терроризма от иных социально негативных явлений, с высокой степенью неопределенности описываются и конкретные преступления, характеризуемые в правовых актах как преступления террористического характера [6, с. 234].

Представляется правильной позиция, в соответствии с которой общей целью всех преступлений террористической направленности является устрашение населения или дестабилизация деятельности органов власти (международных организаций) либо воздействие на принятие ими решений. Указанная цель становится главным критерием разграничения преступлений террористической направленности и преступлений экстремистской направленности, совершенных по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной (религиозной) ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Таким образом, терроризм и экстремизм по своей природе являются разными асоциальными явлениями. Иная террористическая деятельность (указанная в ч. 2 ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму») может проявляться как своеобразное пособничество в осуществлении непосредственно террористического акта и при этом носить исключительно корыстный характер (например, вербовка, вооружение, обучение и использование террористов). Более того, лица, участвующие в указанной деятельности, могут вообще не разделять экстремистских идей лиц, непосредственно осуществляющих террористический акт [7, с. 113].

Для выхода из противоречивой ситуации А.А. Можегова в своем исследовании верно предлагает, во-первых, исключить из ч. 2 ст. 24 Федерального закона «О противодействии терроризму» ссылки на ст.ст. 280, 282-282.3 УК РФ; во-вторых, из ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» исключить положение, согласно которому публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность относятся к экстремистской деятельности [8, с. 70].

Кроме того, анализ глав УК РФ в части составов, предусматривающих уголовную ответственность за совершение преступлений террористической направленности (ст.ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361), показал, что нормы (ссылки), касающиеся ответственности за преступления экстремистской направленности, в указанных статьях отсутствуют.

В контексте исследования особенностей противодействия террористической деятельности отдельное внимание заслуживает вопрос разграничения террористической организации и незаконного вооруженного формирования.

В.С. Соловьев справедливо заметил, что до установления ответственности за организацию террористического сообщества и участие в нем (ст. 205.4 УК РФ) и за организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ) организованные формы террористической деятельности квалифицировались как организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208 УК РФ) [9, с. 192-194].

Современная правоприменительная практика по обозначенным нормам имеет свои особенности. Также следует отметить, что судебно-следственные органы по-разному оценивают организованную преступную деятельность участников военизированных джамаатов.

Например, ситуации, связанные с выездами граждан России в Сирийскую Арабскую Республику для участия в боевых действиях в составе организаций «Исламское государство», «Джебхат-ан-Нусра», признанных Верховным Судом Российской Федерации террористическими, квалифицируются по ст. 205.5 УК РФ. Однако осуществление террористической деятельности в составе устойчивых групп, не признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими, квалифицируется по ч. 2 ст. 208 УК РФ, которая устанавливает ответственность за участие на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации.

Указанные незаконные вооруженные формирования не предусмотрены законодательством Сирии, а их деятельность и участие в них российских граждан противоречат интересам Российской Федерации в части, касающейся мирного разрешения и урегулирования сирийского вооруженного конфликта.

Кроме того, участие граждан Российской Федерации в вооруженных формированиях, действующих на территории Сирии, не отвечает интересам Российской Федерации, указанным в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации*.

Таким образом, участие в вооруженном конфликте в Сирии на стороне «вооруженной оппозиции», состоящей из различных террористических групп и вооруженных формирований, не предусмотренных законодательством Сирии и, главное, не признанных террористическими по законодательству Российской Федерации, но противоречащих ее интересам, подлежит квалификации по ч. 2 ст. 208 УК РФ. Следует отметить, что практически все существующие в настоящее время в мире террористические организации, по сути, являются незаконными вооруженными формированиями, но таковыми они признаются только в случае, если невозможно установить у них исключительно террористические цели.

Законодательством Российской Федерации предусмотрен общегосударственный комплекс организационно-правовых мер, связанных с недопущением проникновения на территорию Российской Федерации членов международно-террористических организаций и вовлечением российских граждан в террористическую деятельность за рубежом. Если получена информация о состоявшемся выезде гражданина в зону вооруженного конфликта для участия в террористической деятельности, проводятся оперативно-розыскные мероприятия по установлению местонахождения объекта заинтересованности и документированию его участия в боевых

* О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. N 683 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 1 (ч. II). Ст. 212.

действиях. В целях недопущения неконтролируемого возвращения боевика в Российскую Федерацию он объявляется в розыск. После возбуждения уголовного дела по признакам состава, предусмотренного ч. 2 ст. 208 УК РФ, фигурант объявляется в международный розыск и заочно арестовывается [10, с. 178-185].

Некоторые ученые высказывают мысль о снижении количества зарегистрированных преступлений по ст. 208 УК РФ при одновременном росте деяний, ответственность за которые предусмотрена ст.ст. 205.4 и 205.5 УК РФ, по той причине, что незаконные вооруженные формирования преследуют преимущественно террористические цели, а квалифицировать действия организаторов и участников незаконных вооруженных формирований, носящие террористический характер, по ст. 208 УК РФ в условиях действующего законодательства является неверным.

Данное суждение следует считать дискуссионным, так как цели незаконных вооруженных формирований могут быть различными (например, совершение общеуголовных преступлений).

Кроме того, общественную опасность этому формированию придает не столько цель его создания (как, например, при бандитизме), сколько суть самого формирования, состоящая в том, что незаконные вооруженные формирования как деструктивная альтернатива законным воинским формированиям и правоохранительным органам составляет основу для терроризма, экстремизма, массовых беспорядков, насильственного захвата власти, вооруженного мятежа и иных преступлений [11, с. 110].

Следует констатировать, что избыточность криминализации действий, образующих терроризм, породила сложности при квалификации данных составов преступлений. Речь идет о такой разновидности конкуренции, как конкуренция общей и специальной норм.

При конкуренции общей и специальной норм квалификация осуществляется по специальной норме. Специальные нормы принимаются законодателем для регулирования конкретизированных, специально определенных отношений [12, с. 56].

Применительно к рассматриваемой ситуации это означает, что норма, закреп-

ленная в ст. 208 УК РФ, будет общей по отношению к ст. 205.5 УК РФ, предусматривающей другую разновидность устойчивых преступных групп в тех случаях, когда члены террористической организации будут вооружены оружием и другими предметами вооружения, предназначенными для ведения боевых действий, а также если деятельность этой запрещенной организации направлена на продолжение (или возобновление) противоправной деятельности с террористическими целями, что естественно, исходя из описанного в ст. 205.5 УК РФ предмета ее деятельности. В соответствии с правилами конкуренции общей и специальной норм в указанных ситуациях применяются нормы, предусматривающие или предполагающие создание устойчивых преступных групп с определенными целями (т.е. ст. 205.5 УК РФ, а не ст. 208 УК РФ).

Таким образом, уголовно-правовое противодействие террористическим организациям имеет ряд особенностей, к числу которых относится следующее:

- высокая степень общественной опасности террористических организаций, что находит свое отражение в санкции ст. 205.5 УК РФ;

- деятельность террористических организаций на современном этапе выступает одним из долгосрочных факторов дестабилизации социально-политической обстановки в ряде регионов нашей страны, а также в странах ближнего и дальнего зарубежья (Иран, Ирак, Сирия, Турция и др.);

- ст. 205.5 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за организацию деятельности террористической организации, состоящую в действиях организационного характера, направленных на продолжение или возобновление противоправной деятельности запрещенной организации, а также за участие в деятельности террористической организации в виде продолжения или возобновления деятельности данной организации;

- лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 205.5 УК РФ, если они совершены после официального опубликования сведений о признании соответствующей организации террористи-

ческой и запрете ее деятельности на территории Российской Федерации по решению суда;

— общими критериями признания организации террористической являются вероятность совершения ее членами те-

рактов против российских учреждений, предприятий и отдельных граждан для дестабилизации внутривнутриполитической ситуации, а также создание угрозы безопасности Российской Федерации и ее союзников.

Список литературы

1. Ильин Е.П. Характеристика новых вызовов и угроз терроризма на современном этапе // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2016. N 2 (15). С. 21-31.
2. Иванов Р.С. Противодействие терроризму в пограничной сфере Российской Федерации: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 167 с.
3. Антонян Ю.М. Криминология: учебник для бакалавров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012. 523 с.
4. Долгова А.И., Гуськов А.Я., Чуганов Е.Г. Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики. М.: Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2010. 244 с.
5. Ульянова В.В. Террористическое сообщество и террористическая организация: проблемы квалификации // Уголовное право. 2015. N 1. С. 100-105.
6. Долгова А.И. Организованный терроризм и организованная преступность. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2002. 304 с.
7. Скудин А.С. Соотношение понятий «экстремизм» и «терроризм» в российском праве // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2016. N 2 (15). С. 113-115.
8. Можегова А.А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 169 с.
9. Соловьев В.С. Проблемы квалификации отдельных форм организованной террористической деятельности // 20 лет Уголовному кодексу РФ: итоги, проблемы, перспективы: материалы всерос. науч.-практ. конф. (5-6 октября 2016 г.). Рязань, 2016. С. 192-194.
10. Керимов А.Д., Халипова Е.В., Красинский В.В. Об общегосударственном комплексе мер по противодействию проникновению на территорию Российской Федерации участников международных террористических организаций и вовлечению российских граждан в террористическую деятельность за рубежом // Российский журнал правовых исследований. 2016. N 2 (7). С. 178-185.
11. Шеслер А.В., Смирнов И.О. Уголовно-правовая характеристика организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем. М.: Юрлитинформ, 2016. 192 с.
12. Горелик А.С. Конкуренция уголовно-правовых норм: учеб. пособие. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1998. 167 с.

References

1. Il'in E.P. Kharakteristika novykh vyzovov i ugroz terrorizma na sovremennom etape [Characteristics of New Challenges and Threats of Terrorism at the Present Stage]. Vestnik Natsional'nogo antiterroristicheskogo komiteta – Bulletin of the National Antiterrorist Committee, 2016, no. 2 (15), pp. 21-31.
2. Ivanov R.S. Protivodeystvie terrorizmu v pogranchnoy sfere Rossiyskoy Federatsii: ugovovno-pravovyye i kriminologicheskie aspekty. Kand. Diss. [Counteraction to terrorism in the border area of the Russian Federation: criminal law and criminological aspects. Cand. Diss.]. Moscow, 2016. 167 p.
3. Antonyan Yu.M. Kriminologiya [Criminology]. Moscow, Yurayt Publ., 2012. 523 p.
4. Dolgova A.I., Gus'kov A.Ya., Chuganov E.G. Problemy pravovogo regulirovaniya bor'by s ekstremizmom i pravoprimeritel'noy praktiki [Problems of legal regulation of combating extremism and law enforcement practice]. Moscow, Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2010. 244 p.
5. Ul'yanova V.V. Terroristicheskoe soobshchestvo i terroristicheskaya organizatsiya: problemy kvalifikatsii [Terrorist community and terrorist organization: problems of qualification]. Uголовное право – Criminal law, 2015, no. 1, pp. 100-105.
6. Dolgova A.I. Organizovannyi terrorizm i organizovannaya prestupnost' [Organized terrorism and organized crime]. Moscow, Russian Criminological Association, 2002. 304 p.
7. Skudin A.S. Sootnoshenie ponyatiy "ekstremizm" i "terrorizm" v rossiyskom prave [The correlation between the concepts of "extremism" and "terrorism" in Russian law]. Vestnik Natsional'nogo antiterroristicheskogo komiteta – Bulletin of the National Antiterrorist Committee, 2016, no. 2 (15), pp. 113-115.
8. Mozhegova A.A. Ekstremistskie prestupleniya i prestupleniya ekstremistskoy napravlenosti po ugovovnomu pravu Rossiyskoy Federatsii. Kand. Diss. [Extremist crimes and extremist crimes under the criminal law of the Russian Federation. Cand. Diss.]. Moscow, 2015. 169 p.

9. Solov'ev V.S. Problemy kvalifikatsii otdel'nykh form organizovannoy terroristicheskoy deyatelnosti [Problems of qualification of separate forms of organized terrorist activity]. 20 let Ugolovnomu kodeksu RF: itogi, problemy, perspektivy [20 years of the Criminal Code of the Russian Federation: results, problems, prospects]. Ryazan, 2016. Pp. 192-194.

10. Kerimov A.D., Khalipova E.V., Krasinskiy V.V. Ob obshchegosudarstvennom komplekse mer po protivodeystviyu proniknoveniyu na territoriyu Rossiyskoy Federatsii uchastnikov mezhdunarodnykh terroristicheskikh organizatsiy i vovlecheniyu rossiyskikh grazhdan v terroristicheskuyu deyatelnost' za rubezhom [On the state-wide complex of measures to counter the penetration of participants of international terrorist organizations into the territory of the Russian Federation and the involvement of Russian citizens in terrorist activities abroad]. Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy – Russian Journal of Legal Studies, 2016, no. 2 (7), pp. 178-185.

11. Shesler A.V., Smirnov I.O. Ugolovno-pravovaya kharakteristika organizatsii nezakonnogo vooruzhennogo formirovaniya ili uchastiya v nem [Criminally-legal characteristic of the organization of an illegal armed formation or participation in it]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 192 p.

12. Gorelik A.S. Konkurentsia ugolovno-pravovykh norm [Competition of Criminal Law]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University, 1998. 167 p.

Раздел 5. Криминологическая наука

ДУМАНСКАЯ Е.И., кандидат юридических наук, dumanskaya.e@yandex.ru Кафедра уголовного права, Уральский государственный юридический университет, 620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21	DUMANSKAYA E.I., Candidate of Legal Sciences, dumanskaya.e@yandex.ru Chair of criminal law; Ural State Law University, Komsomolskaya St. 21, Yekaterinburg, 620137, Russian Federation
--	---

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕФОРМАЦИИ КАК КРИМИНОГЕННАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу природы преступной мотивации. Автор излагает свои предположения относительно мотивации преступного поведения и использования данных знаний при оценке личности преступника применительно к целям уголовного наказания. Исходя из того, что знание и объяснение поведенческой мотивации лиц, совершивших преступления, необходимо для проведения оперативно-розыскных мероприятий, следственных действий, квалификации деяния, индивидуализации наказания, предотвращения возможных преступлений, в статье исследуются процессы, приводящие к преступному поведению, причины которых в значительной степени можно отнести к сфере неосознаваемой психической деятельности. Подчеркивается необходимость отойти от традиционных способов определения мотивов преступлений и не ограничиваться их обозначением в рамках содержащегося в уголовном законе перечня. Обосновывается актуальность изучения именно многофакторной обусловленности отдельного индивидуального преступного поведения. Предпринята попытка подойти к мотивации преступления комплексно, с позиций взаимодействия осознаваемых и неосознаваемых, рациональных и эмоциональных компонентов. Именно на знании мотивационных закономерностей преступного поведения основывается разработка мер профилактики, выбор эффективных средств воздействия на личность в целях предупреждения противоправного поведения.

Ключевые слова: мотивация; мотив преступления; неосознаваемые мотивы; личность преступника; цели уголовного наказания.

PERSONAL DEFORMATIONS AS A CRIMINOGENIC BACKGROUND FOR CRIMINAL BEHAVIOR

Annotation. The article is devoted to the analysis of the nature of criminal motivation. The author presents his assumptions regarding the motivation of criminal behavior and the use of this knowledge when assessing the personality of the offender in relation to the purposes of criminal punishment. Basing on the fact that the knowledge and explanation of the behavioral motivation of the persons who had committed crimes is necessary for carrying out the crime detection activities, investigative actions, qualification of the act, individualization of punishment, prevention of possible crimes, the author of the article analyzes the processes leading to criminal behavior, the causes of which can largely be attributed to the sphere of unconscious mental activity. The need to depart from the traditional methods of determining the motives of crimes and not be limited by their description within the framework of the list contained in the criminal law is emphasized. The relevance of studying the multifactorial conditioning of a separate individual criminal behavior is substantiated. An attempt to use the comprehensive approach when analyzing the motivation of crime, from the standpoint of the interaction of conscious and unconscious, rational and emotional components, is made. The development of preventive measures and the choice of effective means of influencing the individual in order to prevent illegal behavior are based exactly on the knowledge of the motivational patterns of criminal behavior.

Keywords: motivation; motive of crime; unconscious motives; personality of the criminal; purposes of criminal punishment.

Проблема понимания мотивов преступления была и остается до сих пор актуальной. Мотив и мотивация преступника всегда находились в поле зрения исследователей не только в области права, но и в социологии, психологии и других отраслях научных знаний.

Одной из научных задач является стремление понять, что движет человеком, совершающим преступления. К сожалению, преступная личность и ее мотивационная сфера по-прежнему описываются такими аморфными понятиями, как жестокость, агрессивность, склонность к садизму и т.п. Судебная практика полагается на мнение преступников о причинах совершения преступлений. Однако мотивы преступников, например маньяков, находятся за пределами понимания.

Анализ уголовного закона показывает, что он ограничивается узким кругом формализованных мотивов: корыстные побуждения, хулиганские побуждения, политическая, идеологическая, расовая, национальная, религиозная ненависть или вражда, ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы, кровная месть, иная личная заинтересованность (включающая кумовство, ложно понимаемое стремление к карьере, ложно понимаемое стремление оказать помощь близким или родственникам, ложно понимаемый служебный долг и др.).

В уголовно-правовой теории используется понятие «личные неприязненные отношения», включающее гнев, месть, ненависть, ревность, зависть и т.д. Вместе с тем на практике при установлении цели и мотива приходится сталкиваться с необъяснимыми и непонятными действиями преступников. Следует возразить относительно ограничения обозначения мотивов рамками содержащегося в уголовном законе перечня.

Психологический подход к анализу лиц, совершивших преступления, причины которых в значительной степени можно отнести к сфере неосознаваемой психической деятельности, не получил развития. В судебной и пенитенциарной практике попытки проникновения в неосознаваемую сферу преступников, раскрытия глубинных личностных образований, как правило, не предпринимаются.

Действительно, можно понять тех авторов, которые отстаивают сугубо утилитарный подход к установлению мотива, предлагая «...вместо термина “мотив преступного деяния”, включенного в перечень субъективной стороны преступления и имплицитно связанного с понятием “сознание” (бессознательных мотивов не бывает)... использовать понятие “мотивация” (побуждение), которое позволяет констатировать наличие вины и при отсутствии в структуре деяния осознанных мотивов. Это освобождает следователей и судей от бесплодных поисков мотивов в тех импульсивных деяниях, которые сами по себе не содержат осознанных мотивов» [1, с. 28].

Однако с данной точкой зрения нельзя согласиться по следующим основаниям. Знание и объяснение поведенческой мотивации лиц, совершивших преступления, необходимо для проведения успешных оперативно-следственных мероприятий, для квалификации деяния, индивидуализации наказания и для предотвращения возможных преступлений. Это особенно актуально в контексте превенции преступлений. С преступностью идет постоянная борьба, преступников наказывают, но популяция преступной, антисоциальной личности все равно с неумолимой закономерностью сопровождает историю развития человеческой цивилизации.

На наш взгляд, в целях недопущения совершения новых преступлений необходимо устранение причины, а не следствия в виде преступного поведения.

Таким образом, проблема причин совершения преступления, мотивов, понимания особенностей криминальной личности продолжает оставаться актуальной. Наиболее острой она становится в случаях так называемых «серийных убийц», «маньяков», «безмотивных» преступлений и т.д. Традиционный взгляд не дает возможности понимания и объяснения причин данного преступного поведения.

Следует отметить, что характерной особенностью преступного поведения является его отличие от законопослушного поведения как по содержанию направленности, так и по психорегуляционным особенностям.

В криминологии постановка вопроса о социальных или биологических мотивах

человека к антисоциальным поступкам является традиционной.

Рассуждая о наследственной обусловленности преступного поведения, прежде всего следует упомянуть Ч. Ломброзо и его теорию «прирожденного преступника», а также утверждения о том, что в основе мотивации лежат биологические импульсы и передача преступных склонностей идет по наследству. Согласно воззрениям Ч. Ломброзо, «на многих индивидов воспитание не оказывает никакого влияния: они рождаются испорченными и остаются таковыми, несмотря на все отчаянные усилия родителей исправить их» [2, с. 125]. Последователь Ч. Ломброзо Э. Ферри, в дальнейшем к факторам детерминации поведения добавил не только биологические (антропологические) факторы, но и физические и социальные [3, с. 134-135].

Безусловно, гипотезы Ч. Ломброзо сомнительны, анатомио-физиологический тип преступника в природе не существует. Однако сама идея о передаче сценариев, паттернов преступного поведения в рамках семейной системы заслуживает внимания, поскольку «...при рождении и даже во чреве ребенок получает определенное количество посланий, ему передают... ожидания ролей, которые ему придется играть или же избегать... предписания, сценарии» [4, с. 196].

Гипотеза о роли наследственного, биологического фактора в правовой оценке преступного поведения воспринимается в науке крайне осторожно.

У тех поколений преступников, генеалогию которых анализировал Ч. Ломброзо, были сходные условия жизни, которые провоцировали склонности к асоциальному поведению. Дети уже на ранней стадии своего развития попадали под влияние преступных деяний или своих родителей, или ближайших родственников и быстро усваивали их нормы жизни, традиции, привычки, стандарты поведения. Известно, что на нижних уровнях социальной лестницы существует особая субкультура насилия.

Традиционно считается, что в формировании преступной личности и ее криминальной мотивации определяющее значение имеют приобретенные (социогенные) психологические свойства личности.

Эти социальные свойства личности могут выражаться в ориентациях, ценностях, психологических установках. Все данные характеристики формируются в результате процесса социализации, то есть усвоения индивидом социального опыта, традиций, правил поведения.

Необходимо также остановиться на таком аспекте детерминации, как условия социальной среды. Они могут выступать как фрустрирующие либо психотравмирующие события.

Здесь следует упомянуть таких ученых, как Н. Миллер и Д. Доллард. Основываясь на концепции З. Фрейда, гласящей, что поведение индивида является следствием первичных (врожденных) побуждений, а также вторичных побуждений (гнев, вина). Маленький ребенок может быть дезориентирован, расторможен, неспособен к высшим психическим процессам. Детские травмы, согласно воззрениям Н. Миллера и Д. Долларда, могут сыграть решающую роль в социализации, а следовательно, и в причинной обусловленности преступной мотивации [цит. по: 5, с. 39-43].

Исходя из вышеизложенного схема детерминации криминальной мотивации выглядит следующим образом:

Регулярное подкрепление специфических действий ведет к вторичным побуждениям, порождаемыми социальными влияниями. Большую роль здесь играют для ребенка родители. Они могут быть заботливыми и эмоционально открытыми либо враждебными и отвергающими. Все паттерны, сценарии, образцы их поведения влияют на формирование личности ребенка.

Выделяют три основных направления, посредством которых родители оказывают влияние на поведение своих детей:

1. Собственными действиями создают ситуации, которые обуславливают определенное поведение детей (например, фрустрация ведет к агрессии).

2. Служат ролевыми моделями для идентификации.

3. Выборочно вознаграждают, подкрепляют определенное поведение ребенка.

Ребенок становится личностью в результате длительного процесса социализации, то есть усвоения социального опыта, усвоения норм общественной жизни, норм морали, нравственности того общества, в котором он родился и живет.

Особое значение имеет семейно-бытовая микросреда, в которой ребенок воспринимает первичные установки, привычки, обычаи, традиции, стандарты поведения. Искаженное восприятие может быть характерным для всей семьи, например, когда ее низкий материальный уровень закономерно обуславливает озлобленность против мира, против богатых, удачливых. Особо следует выделить те «неблагополучные» семьи, в которых годами накапливается атмосфера враждебности неприятия социальных норм жизни. Формируется психологическая установка конфликта с другими. Эта антисоциальная установка становится жизненной позицией семьи, накладывает отпечаток на склонности, побуждения, мотивы, устремления каждого ее члена.

Безусловно, нельзя не отметить фактор социального научения при учете роли наследственных, биологических и мотивационных аспектов личности. Естественно, в качестве факторов, обуславливающих преступные формы поведения, могут выступать причины социального характера, где основное значение выполняет фактор семейного окружения.

Для формирования личности очень важен подростковый возраст — период, когда наиболее ярко возникают и проявляются криминальные склонности личности, период, в котором уже сформированы и являются достаточно стабильными свойства личности, обуславливающие такую форму поведения.

Целесообразно упомянуть концепцию Э. Фромма, который считает, что каждая конкретная форма насилия проявляется как результат установок, направленности личности, той социальной «программы», которая определяет внутренний, духовный мир конкретной личности. А сама направленность является следствием социализации этой личности, следствием сложных жизненных обстоятельств, вы-

павших на долю этой личности. Истоки и мотивы преступного поведения детерминируются единством социального и личностного, индивидуального. Преступное поведение порождается не самой по себе личностью, не самими по себе внешними обстоятельствами, а их взаимодействием [6, с. 20-26].

Подобная многофакторная обусловленность отдельного индивидуального преступного поведения в значительной степени затрудняет объяснение такого преступления. Тем более, что в регуляции поведения человека непрерывно взаимодействуют осознаваемые и неосознаваемые, рациональные и эмоциональные компоненты.

Основатель психоанализа З. Фрейд одним из базовых положений своей теории сделал учение о бессознательном и влечениях человека. С точки зрения ученого, врожденные инстинкты способствуют формированию влечения человека, сопровождающегося состоянием напряжения и требующим разрядки, которая может случиться в действиях, недопустимых с точки зрения социума, — агрессивное, половое поведение. Либо, вследствие защитных механизмов личности (сублимация), индивид может удовлетворять возникающие желания в тех формах деятельности, которые социально приемлемы. Предпосылкой и истоком криминального поведения может являться инстинкт агрессии. Инстинкт разрушения может стать основой, базой поведения некоторых индивидуумов [цит. по: 7, с. 117].

Его последователь А. Адлер, работая над раскрытием и объяснением мотивационной сферы, силами, которые являются движущими для индивида, объявил чувство неполноценности и необходимость компенсации дефекта, что проявляется в том, что власть и превосходство являются объектом желания человека. Специфическую форму проявления себя и мировосприятия некоторых людей можно определить как комплекс неполноценности. По мнению А. Адлера, «комплекс неполноценности — результат преувеличенного чувства неполноценности» [8, с. 153].

Плохая адаптация, отсутствие социальной приспособленности, отсутствие уверенности в себе, склонность обвинять

в своих бедах других — все это характерно для индивидуума, рассматриваемого А. Адлером: «преступники, например, всегда винят других и при этом оправдывают себя» [8, с. 156].

Данный феномен приводит к образованию бессознательных механизмов компенсации и сверхкомпенсации дефекта. «Комплекс неполноценности переходит в комплекс превосходства» [8, с. 155]. Протестное чувство, необходимость ликвидировать свою неполноценность, выйти из своего подчиненного положения со стороны окружения, — все это может толкнуть личность на девиантные и делинквентные поступки. А. Адлер отмечает, что в ходе этого процесса «установки и цели, бывшие социальными, превращаются в антисоциальные» [8, с. 156]. Социальная неприспособленность, неуверенность в себе трансформируется в искаженное стремление превосходства и самоутверждения.

Инстинкт превосходства, стремление возвыситься над другими становится определяющей внутренней силой индивида, главным источником его поведенческой мотивации. Комплекс превосходства А. Адлер трактовал как своеобразную компенсацию того чувства неполноценности, которое у индивида было подавляющим в его детские годы. И чем глубже было это ощущение неполноценности в прошлом, чем больше он был подавлен и унижен, тем сильнее его протест, его озлобленность против людей и всего общества [8, с. 157].

Если обратиться к практике судопроизводства, то можно обнаружить достаточно часто встречающийся аргумент о трудном детстве подсудимого и, следовательно, необходимости учесть это как смягчающее обстоятельство при назначении меры наказания. Однако, по нашему мнению, данное обстоятельство лишь свидетельствует об антисоциальной направленности и устойчивости таких ориентаций. Такой подсудимый, как правило, более социально опасен, возможно, даже не по своей вине.

Представляется, что было бы целесообразным осуществлять в отношении таких преступников психологическую коррекцию.

Ю. Антоняном высказан тезис о том, что для объяснения причин преступности-

крайне необходимо выходить за рамки чисто традиционного подхода к проблеме. По его мнению, в криминологии давно существует настоятельная потребность в выявлении роли бессознательных процессов, скрытых мотивов преступного поведения. Архетипические факторы проявляются даже в таких значимых масштабных процессах, как терроризм [9, с. 187, 283].

К. Юнг в отличие от З. Фрейда считал, что помимо личного индивидуального бессознательного, оказывающего влияние на поведение людей, существует еще и коллективное бессознательное в форме архетипов. Им были введены в научный оборот понятия коллективного бессознательного и архетипов, но в течение долгих лет они не имели четкой формулировки. Отмечалось, что бессознательное состоит из двух компонентов — инстинктов и архетипов, а также признавалось, что «...архетипы... не что иное, как формы проявления инстинктов» [10, с. 131].

Объясняя природу архетипа, К. Юнг указал на первобытность того периода, который он задумал понять: «Архетип есть символическая формула, которая начинает функционировать всюду там, где или еще не существует сознательных понятий, или же где таковые по внутренним или внешним основаниям вообще невозможны» [11, с. 459]. Кроме того, им бы раскрыт механизм формирования архетипов: «...архетипы, сокровенная сущность которых опыту недоступна, представляют собой осадок психического функционирования у целого ряда предков, то есть это суть опыта органического бытия вообще, накопленного миллионкратными повторениями и сгущенного в типы. Поэтому в этих архетипах представлены все опыты, которые издревле встречались на нашей планете. И чем чаще, и чем интенсивнее они бывали, тем явственнее они выступают в архетипе» [11, с. 487].

Следует признать, что осмысление неосознаваемой природы человеческой мотивации будет способствовать пониманию причин и мотивов преступлений.

Психология утверждает, что преступное поведение обусловлено не только рассудочным отношением к действительности, но и таким механизмом, как поведенческие стереотипы. Антиобществен-

ные привычки и навыки, антисоциальные установки рассматриваются как социально опасные полуавтоматизированные действия, как латентные тенденции к противоправному действию при определенных ситуативных обстоятельствах.

Хотя отдельными юристами некоторые преступления связываются с так называемой криминогенной ситуацией, когда обстоятельства сами по себе провоцируют преступление. С такой позицией сложно согласиться. Преступления совершаются не благодаря ситуативным обстоятельствам, а благодаря определенным устойчивым личностным качествам человека.

Кроме того, необходимо акцентировать внимание на такой проблеме (которая никогда не попадает в поле зрения суда), как неосознаваемые установки, сформированные семейной системой преступника. Подчеркнем, что «индивид является биологической и психологической целостностью.., и психосоциальной, реакции которой детерминированы как индивидуальной психологией, так и правилами семейной системы... Семейный миф выявляется через паттерн функционирования: некоторые люди действуют в жизни согласно паттернам... (убийство... нездоровую защиту "чести семьи"). Такие ритуалы образуют... гештальт отношений, бессознательно структурированный и вовлекающий всех членов семьи» [4, с. 35-36].

В настоящее время данная проблема остается предметом исследования психотерапевтов. Но на знании мотивационных закономерностей преступного поведения основаны разработка мер профилактики, выбор эффективных средств воздействия на личность в целях предупреждения противоправного поведения.

Ф. Рупперт приводит следующий пример: «Обвинители задокументировали на десяти страницах страдания Сильвии Б. (имя изменено), которая уже в 1986 году в возрасте трех лет подверглась сексуальному злоупотреблению со стороны отца. В течение последующих лет ситуация усугубилась — вплоть до ежедневного изнасилования, когда в 1997 году мать из-за депрессий на год попала в клинику. Сильвии Б. пришлось "занять роль" матери и терпеть извращенные сексуальные игры обвиняемого. Отец не отстал от Сильвии

даже после того, как она попала в больницу после попытки самоубийства. Впоследствии семнадцатилетняя девушка переехала жить в общежитие для психических больных, но продолжала навещать родителей, чем снова воспользовался отец. После оглашения приговора во всем сознавшийся отец не произнес ни слова сожаления» [12, с. 17]. Преступник не видит в потерпевшей своего ребенка, в его восприятии Сильвия лишь «занимает роль» его жены. Психотерапевтическая точка зрения позволяет анализировать, почему данная семейная система устроена таким образом, что маленькой девочке приходится «замещать» роль матери. Поняв это, существует возможность устранить источник неосознаваемой мотивации обвиняемого.

Таким образом, необходимо изучать не только психологию личности преступника, но и неосознаваемые семейные установки в тех пределах, которые позволяют обеспечить решение уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, криминалистических, криминологических и уголовно-исполнительных проблем по конкретному делу. Ведь «понимая, каким образом строилось взаимодействие субъекта в группе, откуда он произошел, можно сделать ценные выводы о том, как он будет вести себя в институциональной группе» [4, с. 124].

Не случайно в специальной литературе высказано мнение о том, что «в целях выявления доминирующего мотива необходимо собрать и проанализировать следующую информацию:

- о личности виновного (особое внимание обратить на семейное положение, образ жизни, интересы, состояние здоровья, профессиональный статус, род деятельности, сексуальную ориентацию, принадлежность к этнической группе и др.);
- поведении виновного до, во время и после совершения преступления;
- взаимоотношениях между виновным и потерпевшим;
- причинах и условиях преступного поведения;
- наличии или отсутствии обстоятельств, исключающих преступность деяния;
- наличии или отсутствии обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание» [13, с. 92].

Следует согласиться с данной позицией, а в сложных случаях судебной и пенитенциарной практике необходимо отходить от традиционных объяснений мотива в соответствии с принятыми в теории уголовного права и уголовном законе формулировками.

Безусловно, осознаваемые и неосознаваемые аспекты в мотивации преступного поведения определяются множеством причин, а не только семейными сценариями, паттернами поведения семейной системы. Однако данная проблема является возможным неосознаваемым источником мотивации криминального поведения.

Список литературы

1. Еникеев М.И. Структура и система категорий юридической психологии. М., 1996. 42 с.
2. Ломброзо Ч. Преступление. М.: СПАРК, 1994. 148 с.
3. Ферри Э. Уголовная социология. СПб.: Просвещение, 1910. 478 с.
4. Шутценбергер А. А. Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы. М.: Психотерапия, 2009. 256 с.
5. Бэррон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб.: Питер, 1997. 336 с.
6. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. 430 с.
7. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер, 1997. 608 с.
8. Адлер А. Наука жить. Киев: Port-Royal, 1997, 288 с.
9. Антонян Ю.М. Почему люди совершают преступления. Причины преступности. М., 2006. 304 с.
10. Юнг К.Г. Структура души // Юнг К. Проблемы души нашего времени. М., 1993. 280 с.
11. Юнг К. Психологические типы. М., 1995. 716 с.
12. Рупперт Ф. Травма, связь и семейные расстановки. М.: Институт консультирования и системных решений, 2010. 272 с.
13. Бражников Д.А., Шиян В.И. Выявление мотивов преступного поведения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3 (37). С. 89-94.

References

1. Enikeev M.I. Struktura i sistema kategoriy yuridicheskoy psikhologii [Structure and system of categories of legal psychology]. Moscow, 1996. 42 p.
2. Lombroso Ch. Prestuplenie [Crime]. Moscow, SPARK Publ., 1994. 148 p.
3. Ferri E. Ugolovnaya sotsiologiya [Criminal Sociology]. St. Petersburg, Prosveshchenie Publ., 1910. 478 p.
4. Shuttsenberger A. A. Sindrom predkov: Transgeneratsionnye svyazi, semeynye tayny, sindrom godovshchiny, peredacha travm i prakticheskoe ispol'zovanie genosotsiogrammy [Syndrome ancestors: Transgenerational relationships, family secrets, anniversary syndrome, transmission of trauma and the practical use of genealogically]. Moscow, Psikhoterapiya Publ., 2009. 256 p.
5. Baron R., Richardson D. Agressiya [Human Aggression]. St. Petersburg, Piter Publ., 1997. 336 p.
6. Fromm E. Dusha cheloveka [The Heart of Man, its genius for good and evil]. Moscow, Respublika Publ., 1992. 430 p.
7. Kh'ell L., Zigler D. Teorii lichnosti [Personality theories]. St. Petersburg, Piter Publ., 1997. 608 p.
8. Adler A. Nauka zhit' [What Life Could Mean to You]. Kiev, Port-Royal, 1997, 288 p.
9. Antonyan Yu.M. Pochemu lyudi sovershayut prestupleniya. Prichiny prestupnosti [Why people commit crimes. Causes of crime]. Moscow, 2006. 304 p.
10. Yung K.G. Struktura dushi [The structure of the soul]. Problemy dushi nashego vremeni [The problems of the soul of our time]. Moscow, 1993. 280 p.
11. Yung K. Psikhologicheskie tipy [Psychological Types]. Moscow, 1995. 716 p.
12. Ruppert F. Travma, svyaz' i semeynye rasstanovki [Trauma, communication and family arrangements]. Moscow, 2010. 272 p.
13. Brazhnikov D.A., Shiyon V.I. Vyyavlenie motivov prestupnogo povedeniya [Identification of motives of criminal behavior]. Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika – Legal science and law enforcement practice, 2016, no. 3 (37), pp. 89-94.

Раздел 6. Пенитенциарная система

БЕЛИК В.Н., кандидат юридических наук, доцент, почетный адвокат России, 7226905@mail.ru Институт проблем эффективного государства и гражданского общества; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 125993, г. Москва, Ленинградский просп., 49	BELIK V.N., Candidate of Legal Sciences, associate professor, honorary lawyer of Russia, 7226905@mail.ru Institute for Problems of Effective State and Civil Society; Financial University under the Government of the Russian Federation, Leningradsky Avenue 49, Moscow, 125993, Russian Federation
--	---

ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ВОПРОСЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Аннотация. Анализ законодательства и материалов правоприменительной деятельности в пенитенциарной сфере позволяет сделать вывод о негативных тенденциях в исследуемом вопросе, отрицательно влияющих на обеспечение правовой защиты осужденных к лишению свободы. Имеющиеся отдельные положительные тенденции направлены на устранение явных и давно существующих пробелов в правоприменительной деятельности. В статье анализируются решения судов общей юрисдикции по конкретным делам, практика Конституционного Суда Российской Федерации и новеллы законодательства, затрагивающие положение заключенных и их возможности по правовой защите. Автором уделено внимание некоторым теоретическим аспектам рассматриваемой проблематики, в том числе вопросу о значении судебного прецедента. Решение рассмотренных проблем возможно в результате принятия комплекса мер, к которым относятся: совершенствование нормативно-правовой базы, направленное на оптимизацию правовых процедур, преодоление бюрократизма, гуманизация норм и усиление ответственности. Следует обратить внимание на дальнейшее укрепление статуса адвоката. Необходимы меры, направленные на повышение правовой культуры и грамотности не только осужденных, но и сотрудников уголовно-исполнительной системы. Важна и конкретизация статуса судебного прецедента, от которого в итоге зависит состояние законности и правовой защищенности человека.

Ключевые слова: правоприменительная деятельность; законодательство; судебная практика; правовая защита; осужденные к лишению свободы; пенитенциарная сфера; адвокатская деятельность.

TRENDS OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES AND LEGISLATION IN ENSURING THE LEGAL PROTECTION OF THE PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT

Annotation. The analysis of the materials of law enforcement activities and legislation in the penitentiary sphere allows the author to conclude that the negative trends in the issue under study negatively affect the process of ensuring the legal protection for the persons sentenced to deprivation of liberty. The current certain positive trends are aimed at eliminating the obvious and long existing gaps in law enforcement activities. The decisions of the courts of general jurisdiction in specific cases, the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as the novel legislation affecting the situation of prisoners and their legal protection, are analyzed in the article. The author pays attention to some theoretical aspects of the considered issues, including the question of the significance of the judicial precedent. The solution of the considered problems is possible in case of taking a set of measures, which include: improving the legal and regulatory framework, aimed at optimizing the legal procedures, overcoming the bureaucracy, humanization of norms and increasing the responsibility. Special attention should be paid to the further strengthening of the status of an advocate. The measures aimed at increasing the legal culture and literacy of not only convicts, but also the officers of the penitentiary system, are necessary. It is also important to specify the status of the judicial precedent, which finally determines the state of legality and legal protection of a person.

Keywords: law enforcement activity; legislation; judicial practice; legal protection; persons sentenced to imprisonment; penitentiary sphere; advocacy.

Проблематика прав заключенных, в том числе в деле обеспечения их правовой защиты, является крайне актуальной для Российской Федерации, о чем свидетельствует значительный объем информации в сообщениях СМИ, в сети Интернет и заявлениях государственных и общественных деятелей. Следует согласиться с утверждением А.В. Карягиной о том, что лица, которые осуждены к наказанию в виде лишения свободы, нуждаются в особой защите, поскольку они не могут самостоятельно реализовать свои права. Именно поэтому они прибегают к помощи адвоката. Достижению цели уголовного наказания, в том числе исправлению осужденного, служит предупреждение нарушений прав осужденных [1, с. 82]. «Факты беззакония в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы имеют повышенную общественную опасность и способствуют росту рецидивной преступности» [2, с. 79].

Как отмечает Л.А. Трофимова, «стабильность и правовая определенность судебной практики, устранение в результате ее развития пробелов нормативно-правового регулирования общественных отношений, противоречий и коллизий в законодательстве являются важнейшими факторами развития и совершенствования современного права в России. Указанные аспекты весьма наглядно подтверждают актуальность исследования понятия и значения судебной практики как фундаментальной мировоззренческой основы, раскрывающей закономерности и устраняющей теоретико-правовые проблемы российской правовой действительности» [3, с. 7].

О.А. Адоевская справедливо указывает на то, что «уголовно-исполнительная политика не может быть результативной, когда в деятельности законодательных и правоприменительных органов происходит разрыв между декларируемыми принципами и реальным воплощением их в жизнь, что, в свою очередь, подрывает доверие граждан к государственным институтам» [4, с. 36].

Изучение материалов судебной практики в отечественной пенитенциарной

системе позволяет сделать вывод о неоднозначных тенденциях в данной сфере. Например, по делу о признании противоречащими закону действий, выразившихся в принятии решения об этапировании для отбывания наказания гражданина Г. в исправительную колонию за пределы субъекта Российской Федерации, являющегося местом его проживания, Магаданским городским судом 2 сентября 2016 года в удовлетворении исковых требований было отказано. В своем решении суд первой инстанции обоснованно исходил из того, что необходимость отдельного содержания лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, не может рассматриваться как юридическое последствие судимости. Погашение либо снятие судимости не означает, что лицо не отбывало ранее наказание в виде лишения свободы. Судебной коллегией по административным делам Магаданского областного суда по данному делу было отмечено, что решение об этапировании не изменяет вида колонии и вида наказания, указанного в приговоре суда, не меняет правовое положение Г. и не умаляет гарантированных ему уголовно-исполнительным законом прав. В связи с этим решение суда первой инстанции было оставлено без изменения, апелляционная жалоба гражданина – без удовлетворения*. Таким образом, суд истолковал нормы права не в пользу осужденного лица. И хотя формально суд действовал в рамках закона, не нарушая какие-либо права гражданина, в конечном итоге ситуация для осужденного сложилась хуже, чем он предполагал, исходя из своего понимания нормы права, на основании которой он обратился с соответствующим вопросом в суд.

Другой пример связан с отменой судебной коллегией Московского городского суда решения Зеленоградского районного суда об удовлетворении исковых требований прокурора по надзору за соблюдением законов в исправительных

* Апелляционное определение Магаданского областного суда от 6 нояб. 2016 г по делу N 33а-945/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

учреждениях о признании незаконным бездействия ФКУ КП-2 УФСИН России, порядка и условий, регламентирующих проведение отпусков осужденными, а также выделения и оборудования отдельных помещений для проведения осужденными отпусков*. В данном случае решение, основанное на толковании норм права, направленном на защиту интересов осужденных и улучшение их положения, было отменено, что демонстрирует общую негативную тенденцию в правоприменении.

Иллюстрацией также является решение судебной коллегии Нижегородского областного суда об оставлении без изменения решения суда первой инстанции о частичном взыскании компенсации морального вреда за содержание гражданина О. в следственном изоляторе в условиях, не отвечающих санитарным и гигиеническим нормам, непредоставление ему медицинской помощи, а также в условиях, ущемляющих его права и негативно отразившихся как на физическом, так и на моральном состоянии**. С одной стороны, можно отметить, что согласие суда с позицией истца о грубейшем нарушении его прав, безусловно, является позитивным, с другой стороны, суд не посчитал необходимым возмещение ущерба в полном объеме.

Рассуждая об общей тенденции толкования норм права не в пользу осужденных, следует упомянуть постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. N 24-П***, которое призвано внести положительный акцент в

* Апелляционное определение Московского городского суда от 20 дек. 2016 г. по делу N 33-48948/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 18 июля 2016 г. по делу N 33-8171/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** По делу о проверке конституционности пункта «б» части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н.В. Королева и В.В. Королевой: постановление Конституционного Суда РФ от 15 нояб. 2016 г. N 24-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 48 (ч. III). Ст. 6839.

исследование правоприменительной деятельности.

В соответствии с УИК РФ осужденные, которые отбывают наказание в исправительных колониях особого режима в строгих условиях, имеют право только на два краткосрочных свидания в год. Следует отметить, что все осужденные на пожизненный срок помещаются первоначально в строгие условия отбывания наказания по прибытии в исправительную колонию особого режима. При этом перевод из строгих условий в обычные условия возможен, но производится по отбытии не менее 10 лет в строгих условиях, причем только по специальным основаниям, которые указаны в части 6 статьи 124 УИК РФ. Например, в период пребывания в следственном изоляторе к осужденному не должна применяться мера взыскания в виде водворения в карцер. Вместе с этим срок нахождения осужденного в строгих условиях отбывания наказания исчисляется со дня заключения под стражу.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 15 ноября 2016 г. N 24-П вынес решение признать положения пункта «б» части 3 статьи 125 и части 3 статьи 127 УИК РФ неконституционными и противоречащими нормам международного права в той мере, в какой они не допускают предоставление длительных свиданий в течение первых 10 лет отбывания наказания осужденным к пожизненно-му лишению свободы.

Как отмечает Д.Я. Малешин, «именно фактическое использование судебного прецедента является эффективным в нашей стране. Официальное признание его в качестве источника права, наоборот, может негативно сказаться на уровне законотворчества. Учитывая некоторую хаотичность современного отечественного законотворческого процесса, наделение дополнительного органа законодательными полномочиями может негативно сказаться на качестве правового регулирования» [5]. Далее автор приводит следующие положительные последствия фактического использования судебного прецедента в практике правоприменения: восполнение пробелов в законодательстве и дополнительное гарантирование правильности рассмотрения дела. Вместе с тем некоторые авторы ука-

зывают на неизбежность формирования судебного правотворчества, основываясь на опыте других стран [6]. В любом случае данный вопрос остается открытым — дискуссия по нему сопровождает всю историю судебной системы России [7, с. 60].

За последний период времени в законотворческой деятельности наметились определенные положительные тенденции. Федеральным законом от 16 октября 2017 г. N 292-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации»* были учтены положения вышеуказанного постановления Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. N 24-П.

Исходя из анализа изменений, внесенных в законодательство Российской Федерации, обращают на себя внимание тенденции, связанные с расширением полномочий адвокатов и одновременно усилением их ответственности.

1. В соответствии с абзацем 1 пункта 3 статьи 15 Федерального закона от 31 мая 2002 г. N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в редакции от 2 июня 2016 г.)** адвокатам предоставлено право беспрепятственного доступа на основании удостоверения в здания районных судов, гарнизонных военных судов, арбитражных апелляционных судов, арбитражных судов субъектов Российской Федерации, в здания, в которых правосудие осуществляется мировыми судьями, в здания прокуратур городов и районов, приравненных к ним военных и иных специализированных прокуратур в связи с осуществлением профессиональной деятельности.

При этом нет ясности в вопросе о беспрепятственном доступе адвокатов в суды общей юрисдикции субъектов Российской Федерации. Чем же руководствовался законодатель, когда ограничивал возможности адвокатов?

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. N 43 (ч. II). Ст. 6226.

** О внесении изменений в статьи 5.39 и 13.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: федер. закон от 2 июня 2016 г. N 160-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 23. Ст. 3284.

2. В соответствии со статьей 5.39 КоАП РФ (в редакции от 1 июля 2017 г.)*** предусматривается ответственность в связи с неправомерным отказом в предоставлении адвокату информации, предоставление которой предусмотрено федеральными законами, несвоевременное ее предоставление либо предоставление заведомо недостоверной информации.

3. В соответствии со статьей 13.14 КоАП РФ (в редакции от 2 июня 2016 г.)**** предусмотрена административная ответственность за разглашение информации, полученной в результате исполнения профессиональных обязанностей. Адвокаты, совершившие данное административное правонарушение, несут административную ответственность как должностные лица.

Необходимо также отметить изменения, внесенные в УПК РФ. Например, статья 29 УПК РФ была дополнена пунктом 5.2, предусматривающим отнесение к исключительному полномочию суда производства обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката в соответствии со статьей 450.1 «Особенности производства обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката», которая, в свою очередь, была введена 17 апреля 2017 г.*****

Последняя устанавливает, что обыск, осмотр и выемка в отношении адвоката (в том числе в используемых адвокатом для осуществления адвокатской деятельности жилых и служебных помещениях), включая случаи, не терпящие отлагательства, предусмотренные частью 5 статьи 165 УПК РФ, производятся только после возбуждения уголовного дела в отношении адвоката или привлечения его в качестве обвиняемого (когда уголовное дело возбуждается в отношении иных лиц) или в

*** О внесении изменения в статью 5.39 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 1 июля 2017 г. N 146-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. N 27. Ст. 3943.

**** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 23. Ст. 3284.

***** О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 17 апр. 2017 г. N 73-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. N 17. Ст. 2455.

случае совершения деяния, содержащего признаки преступления, в порядке, определенном частью 1 статьи 448 УПК РФ, на основании постановления судьи о разрешении производства обыска, осмотра, выемки. При осуществлении данных действий необходимо присутствие члена совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации (на территории которого производятся следственные действия) или иного представителя, уполномоченного президентом данной адвокатской палаты. Присутствующее лицо призвано обеспечить неприкосновенность предметов и сведений, которые составляют адвокатскую тайну.

Значительным вкладом в правоприменительную деятельность следует признать изменение, внесенное в статью 75 УПК РФ, в соответствии с которым к недопустимым доказательствам отнесены предметы, документы или сведения, входящие в производство адвоката по делам его доверителей, которые получены в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий (за исключением тех предметов и документов, которые указаны в части 1 статьи 81 УПК РФ).

Следует отметить также новеллу, связанную с введением в статью 96 УПК РФ части 2.2, обязывающей уведомлять адвокатскую палату субъекта Российской Федерации при задержании подозреваемого, являющегося адвокатом*.

Приведенные примеры свидетельствуют об усилении гарантий независимости адвокатов, благоприятно сказывающейся на эффективности реализации права на квалифицированную юридическую помощь не только подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений, но и осужденным (в первую очередь к лишению свободы).

Открытым остается вопрос об отсутствии в законодательстве норм об ответственности за воспрепятствование законной профессиональной деятельности адвокатов. Представляется возможным ее установление по аналогии с воспрепят-

ствованием законной профессиональной деятельности журналистов, а также законной деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и других специализированных уполномоченных, которая предусмотрена действующим законодательством.

Исследование уголовно-исполнительного законодательства в целом свидетельствует об отсутствии значительных тенденций, направленных на обеспечение правовой защиты осужденных к лишению свободы. Изменения последних лет были направлены в основном на предоставление дополнительных длительных свиданий осужденным, имеющим ребенка в возрасте до 14 лет, с проживанием вне исправительного учреждения, в случае если осужденный является единственным родителем для такого ребенка, а также выездов за пределы исправительных учреждений для устройства детей у родственников или в детские дома.

Подводя итоги, следует отметить незначительные положительные тенденции, направленные в первую очередь на устранение явных пробелов в исследуемом вопросе. Хотя, как отмечает Д.Я. Малешин, «в России судебная практика имеет большое значение в правоприменительной деятельности. В то же время негативное влияние оказывает неурегулированность ее правового статуса. Ни доктрина, ни законодательство, несмотря на значительную роль судебного прецедента, не дают четкого ответа о его правовой природе и месте в отечественной правовой системе» [5].

Решение рассмотренных проблем возможно в результате принятия комплекса мер. К ним относятся следующие меры:

- 1) совершенствование нормативно-правовой базы, направленное на оптимизацию правовых процедур, снижение бюрократизации, гуманизацию норм и усиление ответственности при необходимости. Гуманизация законодательства может проявляться в улучшении правовой защищенности осужденных к лишению свободы, предоставлении им дополнительных гарантий, что в конечном итоге должно способствовать их исправлению и ресоциализации. Повышение ответственности, например, может относиться к нарушениям прав осужденных со стороны адми-

* О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 дек. 2015 г. N 437-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 1 (ч. I). Ст. 57.

нистрации уголовно-исполнительных учреждений, т.к. в данных правоотношениях очевидно, что более зависимой стороной является осужденный. Кроме того, в деле совершенствования нормативно-правовой базы также следует обратить внимание на дальнейшее укрепление статуса адвоката как основного правозащитника осужденных к лишению свободы;

2) воспитательная и просветительская работа, направленная на повышение правовой культуры и грамотности, которое может осуществляться государственными

структурами и институтами гражданского общества. Адресатами этой работы должны быть не только осужденные, но и сотрудники пенитенциарной системы;

3) конкретизация статуса судебного прецедента. В решении данного вопроса должны участвовать органы государственной власти и гражданское общество, поскольку от этого во многом зависят дальнейшие пути правоприменительной деятельности и в конечном итоге состояние законности и правовой защищенности человека в Российской Федерации.

Список литературы

1. Карягина А.В. Права и свободы осужденных в России: анализ законодательных инициатив // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2015. N 1. С. 82-84.
2. Артемьев Н.С., Розуван А.М., Семенов А.В. Соблюдение законности и соблюдение прав человека в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. N 4. С. 79-82.
3. Трофимова Л.А. Понятие и значение судебной практики в российской правовой системе // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. N 2. С. 7-12.
4. Адоевская О.А. Проблемы реализации принципов законности и гуманизма в российской уголовно-исполнительной политике // Юридический вестник Самарского государственного университета. 2015. Т. 1. N 1. С. 31-38.
5. Малешин Д.Я. Роль судебной практики в правоприменительной деятельности // Юридический мир. 2009. N 1.
6. Гребенников В.В., Грудцына Л.Ю. Будущее прецедентного права в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Юридические науки. 2016. N 4. С. 99-110.
7. Демиева А.Г. Судебная практика: Правотворчество или правоприменение? // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. N 2. С. 60-64.

References

1. Karyagina A.V. Prava i svobody osuzhdennykh v Rossii: analiz zakonodatel'nykh initsiativ [Rights and freedoms of convicts in Russia: analysis of legislative initiatives]. Vestnik Taganrogskego instituta upravleniya i ekonomiki – Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics, 2015, no. 1, pp. 82-84.
2. Artem'ev N.S., Rozuvan A.M., Semenov A.V. Soblyudenie zakonnosti i soblyudenie prav cheloveka v uchrezhdeniyakh i organakh ugovovno-ispolnitel'noy sistemy [Observance of the rule of law and observance of human rights in the institutions and bodies of the penal system]. Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University, 2014, no. 4, pp. 79-82.
3. Trofimova L.A. Ponyatie i znachenie sudebnoy praktiki v rossiyskoy pravovoy sisteme [Concept and significance of judicial practice in the Russian legal system]. Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess – Arbitration and civil process, 2016, no. 2, pp. 7-12.
4. Adoevskaya O.A. Problemy realizatsii printsipov zakonnosti i gumanizma v rossiyskoy ugovovno-ispolnitel'noy politike [Problems of the implementation of the principles of legality and humanism in the Russian criminal-executive policy]. Yuridicheskiy vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta – The Legal Bulletin of the Samara State University, 2015, volume 1, no. 1, pp. 31-38.
5. Maleshin D.Ya. Rol' sudebnoy praktiki v pravoprimenitel'noy deyatel'nosti [The Role of Judicial Practice in Law Enforcement Activities]. Yuridicheskiy mir – The Legal World, 2009, no. 1.
6. Grebennikov V.V., Grudtsyna L.Yu. Budushchee pretsedentnogo prava v Rossii [The Future of Case Law in Russia]. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Yuridicheskie nauki – Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Juridical sciences, 2016, no. 4, pp. 99-110.
7. Demieva A.G. Sudebnaya praktika: Pravotvorchestvo ili pravoprimeneniye? [Judicial practice: Lawmaking or law enforcement?]. Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya – Bulletin of the Volga Management Institute, 2017, volume 17, no. 2, pp. 60-64.

Раздел 7. Правоохранительная политика

ДЕРИШЕВ Ю.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист
Российской Федерации,
derishev.omsk@mail.ru
Кафедра уголовного процесса
и криминалистики;
Омская юридическая академия,
644010, г. Омск, ул. Короленко, 12

DERISHEV Yu.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honored lawyer of the Russian Federation,
derishev.omsk@mail.ru
Chair of criminal procedure
and criminalistics;
Omsk Law Academy,
Korolenko St. 12, Omsk, 644010,
Russian Federation

МОРОЗОВА О.С.,
olga283m@mail.ru
Кафедра уголовного процесса
и криминалистики;
Омская юридическая академия,
644010, г. Омск, ул. Короленко, 12

MOROZOVA O.S.,
olga283m@mail.ru
Chair of criminal procedure
and criminalistics;
Omsk Law Academy,
Korolenko St. 12, Omsk, 644010,
Russian Federation

ОЧЕРК КОНЦЕПЦИИ ОПТИМИЗАЦИИ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА УГОЛОВНОГО ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. Субъектный состав уголовного досудебного производства максимально ориентирован на достижение стоящих перед уголовным процессом целей — защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Авторами исследуются предпосылки и общая схема оптимизации субъектного состава уголовного досудебного производства, а также проблемы правового статуса его ключевых участников. В связи с этим рассмотрены следующие актуальные вопросы: проблема процессуального статуса следователя; правовая природа взаимоотношений органа предварительного следствия с прокурором, ведомственным процессуальным руководителем; особенности защиты лиц, пострадавших от преступления, и возможное реформирование соответствующего института с использованием законодательного опыта Республики Казахстан; внутреннее противоречие в статье 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и роль защитника в процессе сбора доказательств. Актуальность представленного материала связана не только с пристальным вниманием государства к усилению гарантий прав личности, вовлеченной в уголовный процесс, но и с дальнейшим развитием его состязательных начал, которые все больше проникают и в досудебное производство.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный кодекс; субъектный состав; состязательность; следователь; прокурор; потерпевший; защитник; обвиняемый; подозреваемый.

ESSAY ON THE CONCEPT OF OPTIMIZATION OF THE SUBJECT COMPOSITION OF CRIMINAL PRE-TRIAL PROCEEDINGS

Annotation. The composition of the subjects of criminal pre-trial proceedings is maximally focused on achieving the goals of the criminal procedure — protecting the rights and legitimate interests of the individuals and organizations affected by crime, as well as protecting the individual from illegal and unwarranted accusation, conviction and restriction of his or her rights and freedoms. The authors of the article investigate the prerequisites and the general scheme for optimizing the subject composition of criminal pre-trial proceedings, as well as the problems connected with the legal status of its key participants. In this regard, the following topical issues are considered: the problem of the investigator's procedural status; the legal nature of the relationship between the preliminary investigation body and the prosecutor, the departmental procedural head; peculiarities of the protection of the persons affected by crime and possible reform of this institution using the legislative experience of the Republic of Kazakhstan; the internal contradiction in Article 86 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and

the role of the defending counsel in the process of collecting evidence. The relevance of the material presented in the article is connected not only with the close attention of the state to strengthening the guarantees of the rights of the individual involved in the criminal process, but also with the further development of its adversarial principles, which are increasingly penetrating the pre-trial proceedings.

Keywords: Criminal Procedure Code; subject composition; adversarial principle; investigator; prosecutor; victim; defender; accused; suspect.

Применительно к уголовному досудебному производству оптимизация – это не просто процесс совершенствования досудебного производства, а приведение его системы в оптимальное для всех вовлеченных в уголовный процесс субъектов состояние, с рациональными и ресурсосберегающими процедурами, которое позволит наиболее эффективно решать стоящие перед органами, его осуществляющими, задачи, при неукоснительном обеспечении гарантий прав и интересов личности [1, с. 38].

Ключевой идеей концепции уголовного досудебного производства, как представляется, должно выступать синхронное приведение процедурных и функциональных составляющих его системы в наиболее эффективное состояние, адекватное потребностям противостояния современной криминальной угрозе и отвечающее демократическим началам уголовного судопроизводства*. В программу оптимизации включались следующие элементы: формулирование на основе историко-генетического подхода общих тенденций эволюции отечественного досудебного производства; практическая реализация выводов о судебном характере предварительного следствия; реорганизация функционально-правового построения досудебного производства в контексте действия принципа разделения властей; создание реального режима процессуальной самостоятельности следователя; нейтрализация противоречий действия отдельных принципов уголовного судопроизводства (презумпции невиновности, состязательности и др.) на предварительных стадиях [2, с. 15].

Главное место в этом процессе, безусловно, занимает оптимизация субъектного состава уголовного досудебного производства, т.е. совершенствование правового статуса участников, которые непосредственно обеспечивают это «целестремление» или активно способствуют достижению

искомого результата. Эти проблемы всегда актуальны как для законодателя, так и для отечественной процессуальной науки и правоприменительной практики.

В связи с перманентным развитием уголовно-процессуальных отношений процессуальный статус любого участника уголовного досудебного производства требует постоянной корректировки и модернизации. Вместе с тем в настоящей статье речь идет лишь о предпосылках и общей схеме оптимизации субъектного состава уголовного досудебного производства, а также об общих проблемах правового статуса его ключевых участников.

Безусловно, существенно изменилось положение современного следователя, превратившегося из «исследователя», которому согласно ст. 20 УПК РСФСР предписывалось объективно, полно и всесторонне осуществлять предварительное расследование, в «преследователя» по УПК РФ. Более того, из нормативно автономного субъекта досудебного производства (по УПК РСФСР) следователь трансформировался во второстепенного участника уголовного преследования, лишённого права на принятие самостоятельных решений по большинству узловых вопросов предварительного следствия.

Как известно, следователь отнесен в УПК РФ к числу участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения и де-юре потерял обязанность всесторонне исследовать обстоятельства совершенного преступления. Тем самым законодатель подчеркивает розыскной характер его деятельности. Вместе с тем еще в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. указывалось на недопущение в деятельности следователя обвинительного уклона, а именно: «при производстве следствия следователь обязан с полным беспристрастием приводить в известность как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и обстоятельства, его оправдывающие»**.

* Концепция была разработана Ю.В. Дерисевым [2].

** URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/>

Среди очевидных противоречий УПК РФ следует указать на обязанность следователя-обвинителя тем не менее исследовать обстоятельства, исключая или смягчающие уголовную ответственность (ст. 73 УПК РФ), т.е. не только обвинительные доказательства. Более того, анализ ряда норм действующего УПК РФ (например, ч. 1 ст. 33, ч. 4 ст. 152, ч. 2 ст. 154, ст. 239.1, ч. 2 ст. 325, ч. 6 ст. 340) позволяет сделать вывод о том, что законодатель так или иначе ставит перед следователем задачу быть объективным и при осуществлении уголовного преследования исследовать преступление полно и всесторонне.

Причинами и предпосылками данной ситуации, как представляется, явилось перерождение предварительного следствия в «прокурорское дознание», а процессуально самостоятельного следователя — в зависимого от прокурора «ведомственного дознавателя» (т.е. следователя только по наименованию), что, в свою очередь, стало результатом игнорирования правовой природы и предназначения предварительного следствия — предварительного, т.е. досудебного исследования обстоятельств совершенного преступления (чтобы создать в России крепкую судебную власть, нельзя ликвидировать власть следственную).

При этом объективность предварительного следствия и, соответственно, обеспечение доверия к его результатам, как представляется, достигаются лишь за счет деятельности принадлежащего судебной власти следователя-исследователя и отделения власти административной (производство дознания) от власти судебной (производство предварительного следствия). Именно предварительное исследование, а не преследование для русского уголовного процесса всегда рассматривалось как основная гарантия законного, объективного и справедливого приговора.

По своей гносеологической, правовой, аксиологической и историко-генетической природе следственная власть является производной от власти судебной при полном совпадении их назначения, в связи с чем предварительное следствие есть функция юстиции, а следователь, соответственно, должен рассматриваться как ее представитель и находиться при судебном

ведомстве. Любое иное построение следственного аппарата так или иначе ставит следователя в полную или частичную зависимость от интересов представляемой им ветви власти. Именно принадлежность к судебной власти, целеполагание которой (установление истины) полностью совпадает с назначением предварительного следствия, не только обеспечивает процессуальную самостоятельность следователя, но и является предпосылкой вынесения законного, объективного и справедливого приговора. Возвращение к институту судебного следователя носит как юридический, так и идеологический, социально-политический и организационно-технический характер в плане реформирования уголовного досудебного производства.

Таким образом, предложенный механизм уголовного досудебного производства уже сам по себе будет способен представлять достаточную гарантию законности и эффективности деятельности по исследованию обстоятельств совершенного преступления и подготовке уголовного дела для рассмотрения и разрешения в суде [2, с. 315].

Показателями состояния состязательности досудебного производства выступают не только процессуальный статус и положение органа предварительного расследования, но и, соответственно, правовая природа его взаимоотношений с прокурором, ведомственным процессуальным руководителем, а также оптимальность соотношения прокурорского надзора и судебного контроля за производством по уголовному делу.

Необходимо признать, что из практически ключевого участника уголовного преследования прокурор в современном уголовном процессе трансформировался в достаточно ординарного участника уголовного судопроизводства, хотя острейшая дискуссия о его месте и роли в уголовном процессе продолжается. Так, любые попытки прокуратуры посредством законопроектов расширить свои полномочия на досудебных стадиях встречаются оппонентами (в основном это представители Следственного комитета Российской Федерации) крайне агрессивно (иногда не очень корректно с научной точки зрения) и представляются в виде очередного по-

кушения на практически неограниченную власть [3, с. 14; 4, с. 11].

Авторы данных строк выступают против прокурорского надзора за законностью предварительного следствия, но лишь при условии судебной принадлежности следователя. Вместе с тем среди многочисленных нападков на современный прокурорский надзор отсутствует обоснованная аргументация преимущества в части эффективности и объективности внутреннего (ведомственного, «домашнего», «карманного») контроля перед внешним (прокурорским).

Представляется, что в основе построения уголовного судопроизводства как части (подсистемы) правоохранительной системы государства должен лежать принцип разделения властей, не допускающий возложения на один орган различных по характеру функций, а также осуществления одной функции органами различных ветвей власти. Это положение должно найти отражение в разграничении уголовно-процессуальных функций обвинения, защиты, расследования, контроля за ним и разрешения дела по существу, что, в свою очередь, при учете отдельных концептуальных положений обеспечит взвешенную инкорпорацию состязательности в уголовное досудебное производство.

В связи с этим прокурор в досудебном производстве должен выступать в разных ролях: при производстве предварительного следствия судебным следователем — исключительно как сторона обвинения, лишенная надзорных полномочий; в доследственном и сокращенном производствах — как процессуальный руководитель уголовного преследования, совмещающий функцию обвинения и надзора за законностью уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности.

Актуальным остается вопрос о совершенствовании правового статуса потерпевшего, который достаточно часто выступает инициатором в уголовном процессе, его права и интересы порой определяют движущую силу уголовного процесса. Потерпевший отнесен законодателем в состязательном процессе к участникам со стороны обвинения. Вместе с тем слабо исследован вопрос о защитительной деятельности потерпевшего и его представи-

телей (например, разрешение ходатайства о прекращении уголовного дела в отношении обвиняемого) [5, с. 112].

Как представляется, при реализации правозащитной и правотворческой функций современной уголовно-процессуальной политики возникла коллизия между положением ст. 52 Конституции РФ и реальной возможностью государства компенсировать потерпевшему причиненный преступлением вред (при отсутствии в УПК РФ закрепления положения публичности и неотвратимости ответственности; всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела; задачи раскрытия всех совершенных преступлений). В связи с этим декларированная п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, опирающаяся на ст. 52 Конституции РФ, остается без реального механизма правового обеспечения.

При этом имеются в виду не только нераскрытые преступления, когда ответчик не установлен. Даже в случае осуждения виновного лица возмещение вреда потерпевшему нередко реально не обеспечивается. Эта задача традиционно воспринимается органами уголовного преследования и правосудия как факультативная, поскольку преступление считается раскрытым независимо от ее решения. Гражданский иск в уголовном процессе как средство обеспечения (стимулирования) возмещения вреда связан со значительными сложностями. Правоприменитель видит в нем существенное препятствие и так основательно забюрократизированному движению по уголовному делу.

Обращаясь к позитивному зарубежному опыту в исследуемой области, необходимо отметить Закон Республики Казахстан от 10 января 2018 г. N 131-VI ЗПК «О Фонде компенсации вреда потерпевшим»*. Закон принят с целью регулирования общественных отношений, возникающих в области компенсации вреда потерпевшим от уголовных правонарушений, и установления правовых, социальных и организацион-

* Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1800000131#z13>

ных основ по ее выплате. Настоящий закон обеспечивает потерпевшему доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба в установленных случаях и порядке, а также регламентирует механизм выплат и источники пополнения фонда.

Следственный комитет Российской Федерации еще в 2012 году выступил с подобным предложением, предложив законопроект «О потерпевшем от преступлений»*. В пояснительной записке к проекту закона отмечается, в частности, следующее: «В целях обеспечения государственной поддержки потерпевших от преступлений, а также их близких настоящий Федеральный закон определяет принципы защиты и восстановления нарушенных прав, свобод и законных интересов потерпевших от преступлений, а также основы государственной политики в области их правовой, социальной защиты и порядок производства государством компенсационных выплат указанным лицам».

Очевиден акцент на обеспечении прав и интересов лиц, пострадавших от преступлений. Вместе с тем остаются вопросы, связанные с реальной возможностью государства экономически решать данные вопросы. Компаративный анализ свидетельствует о том, что даже благополучные с экономической точки зрения государства не могут эффективно решать задачу компенсации вреда, причиненного преступлением.

Как представляется, в предложенной выше схеме защитник должен вступать в уголовный процесс при открытии фактического уголовного преследования в отношении конкретного лица и имеет полномочия представлять органу расследования любые сведения с ходатайством о принятии их в качестве доказательств для приобщения к уголовному делу. Вместе с тем внутреннее противоречие в ст. 86 УПК РФ на законодательном уровне не устранено. Данная ситуация обусловливается действием принципа состязательности: де-юре защитник на стадии предварительного расследования приравнивается по процессуальным возможностям к следователю, однако де-факто согласно ч. 3 ст. 86

УПК РФ защитник вправе получать лишь доказательственную информацию, но не готовые доказательства.

Определенную тенденцию обозначил Федеральный закон от 17 апреля 2017 г. N 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»**, значительно укрепивший правовой статус защитника, а именно: установлена обязанность следователя приобщать по ходатайству стороны защиты к материалам уголовного дела доказательства, в том числе заключения специалистов, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами. В связи с этим в ст. 86 УПК РФ следует включить положение, согласно которому стороне защиты не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о приобщении к материалу уголовного дела собранных ей сведений (доказательственной информации).

Кроме того, недостаточно изученным представляется вопрос об обвинительной деятельности защитника. Защитник подозреваемого (обвиняемого) как участник уголовного процесса со стороны защиты в ряде ситуаций может выполнять и функцию обвинения. В частности, интересы его доверителя могут конкурировать с интересами иных обвиняемых по делу, в связи с чем защитник, защищая своего подзащитного, фактически обвиняет других (например, при защите несовершеннолетнего, вовлеченного в преступную деятельность взрослым обвиняемым). Защитник может выполнять обвинительную функцию и по отношению к потерпевшему, когда последний спровоцировал совершение преступления (например, доказывание необходимой обороны) [5, с. 111].

Безусловно, одними из самых одиозных остаются фигуры подозреваемого и так называемого заподозренного лица. Но если процессуальный статус подозреваемого лица хоть как-то определен, то в законодательстве не регламентирован вообще момент формирования и правовой статус «лица, в отношении которого проводится предварительная проверка», как,

* URL: <https://rg.ru/2012/02/24/poterpevshiesite-dok.html>

** Рос. газ. Федеральный выпуск. 2017. 19 апр. N 7249 (83).

впрочем, и иных участников стадии возбуждения уголовного дела.

Комментируя данную ситуацию, А.С. Лизунов отметил, что, расширив инструментарий доследственного производства за счет беспрецедентного увеличения количества возможно проводимых следственных действий, законодатель «... весьма поверхностно определил объем правомочий лиц, принимающих участие в данных следственных действиях. Отсутствие четко определенного статуса участников стадии возбуждения уголовного дела не только создает угрозу нарушения прав и законных интересов личности, но и формально блокирует возможность проведения некоторых следственных действий на этом этапе уголовно-процессуальной деятельности» [6, с. 5].

В связи с этим считаем, что любое лицо, подвергнутое уголовному преследованию, подлежит наделению статусом обвиняемого, а именно защищающейся от выдвинутого обвинения стороны, с наступления момента фактического уголовного

преследования, т.е. ограничения его прав и свобод любыми мерами уголовно-процессуального принуждения. «Подозрение» и тем более «предположение подозрения» представляются недопустимыми.

Регулятивная роль уголовного процесса наряду с определением порядка производства по уголовному делу заключается в точном определении правового статуса субъектов уголовно-процессуальных отношений, т.е. установлении пределов их должного и возможного поведения. Остаются дискуссионными многие теоретические положения, касающиеся законодательной регламентации уголовно-процессуального статуса отдельных участников судопроизводства.

В современных условиях, когда Российская Федерация стремится повысить качество осуществления правоохранительной деятельности, укрепить авторитет власти в обществе, создать крепкое правовое государство, наличие подобных недочетов в развитии законодательства недопустимо.

Список литературы

1. Никольюк В.В., Деришев Ю.В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе. Красноярск, 2003. 198 с.
2. Деришев Ю.В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2005. 436 с.
3. Цветков Ю.А. Кризис социально-правовой идентичности следователя и прокурора // Уголовное судопроизводство. 2014. N 1. С. 14-19.
4. Цветков Ю.А. Битва за место в «пищевой» цепочке // Уголовный процесс. 2016. N 1. С. 11.
5. Якимович Ю.К. Участники уголовного процесса и субъекты уголовно-процессуальной деятельности // Вестник ОмГУ. Сер.: Право. 2008. N 1. С. 110-118.
6. Лизунов А.С. Доследственная проверка как часть досудебного производства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2017. 33 с.

References

1. Nikolyuk V.V., Derishev Yu.V. Optimizatsiya dosudebnogo proizvodstva v ugovolvnom protsesse [Optimization of pre-trial proceedings in criminal proceedings]. Krasnoyarsk, 2003. 198 p.
2. Derishev Yu.V. Ugolovnoe dosudebnoe proizvodstvo: kontseptsiya protsedurnogo i funktsional'no-pravovogo postroeniya. Dokt. Diss. [Criminal pre-trial proceedings: the concept of procedural and functional-legal construction. Doct. Diss.]. Omsk, 2005. 436 p.
3. Tsvetkov Yu.A. Krizis sotsial'no-pravovoy identichnosti sledovatelya i prokurora [Crisis of social and legal identity of the investigator and the prosecutor]. Ugolovnoe sudoproizvodstvo – Criminal proceedings, 2014, no. 1, pp. 14-19.
4. Tsvetkov Yu.A. Bitvazamesto v "pishchevoy" tsepochke [Battle for a place in the "food" chain]. Ugolovnyy protsess – Criminal process, 2016, no. 1, pp. 11.
5. Yakimovich Yu.K. Uchastniki ugovolnogo protsessa i sub'ekty ugovolno-protsessual'noy deyatel'nosti [Participants in the criminal process and subjects of criminal procedure]. Vestnik OmGU. Ser.: Pravo – Bulletin of the Omsk State University. Series: Right, 2008, no. 1, pp. 110-118.
6. Lizunov A.S. Dosledstvennaya proverka kak chast' dosudebnogo proizvodstva. Avtoref. Kand. Diss. [Pre-investigation checks as part of pre-trial proceedings. Autoabstract Cand. Diss.]. Nizhny Novgorod, 2017. 33 p.

Раздел 8. Уголовно-процессуальное обозрение

СПИРИН А.В.,
кандидат юридических наук,
a_v_spirin@bk.ru
Кафедра уголовного процесса;
Уральский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66

SPIRIN A.V.,
Candidate of Legal Sciences,
a_v_spirin@bk.ru
Chair of criminal procedure;
Ural Law Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Korepina St. 66, Ekaterinburg, 620057,
Russian Federation

ЖУРАВЛЕВА Н.М.,
zhuravlevanm2016@yandex.ru
Кафедра уголовного процесса;
Уральский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66

ZHURAVLEVA N.M.,
zhuravlevanm2016@yandex.ru
Chair of criminal procedure;
Ural Law Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Korepina St. 66, Ekaterinburg, 620057,
Russian Federation

ОСОБЕННОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ДОЗНАНИЕМ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

Аннотация. Статья посвящена наиболее важным проблемам, возникающим в деятельности правоохранительных органов при производстве дознания в сокращенной форме. На основе проведенного анализа норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации авторы приходят к выводу о том, что указанные проблемы вызваны несовершенством законодательного регулирования исследуемого процессуального института. Одним из средств решения обозначенных проблем является прокурорский надзор, поскольку прокурор в отечественном уголовном процессе наделен полномочиями не только ведения уголовного преследования от имени государства, но и осуществления надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. В статье подвергаются анализу особенности прокурорского надзора за производством дознания в сокращенной форме. При этом авторы статьи основываются как на нормах действующего уголовно-процессуального законодательства, так и на положениях приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 26 января 2017 г. N 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания». Аргументируется необходимость изменения действующего уголовно-процессуального законодательства, а именно наделения прокурора правом самостоятельного составления итогового процессуального документа дознания в сокращенной форме – обвинительного постановления.

Ключевые слова: прокурор; дознаватель; уголовное судопроизводство; сокращенная форма дознания; прокурорский надзор.

PECULIARITIES OF THE PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE SUMMARY FORM OF INQUIRY

Annotation. The article is devoted to the most important problems that arise in the activities of law enforcement agencies when carrying out the summary form of inquiry. Basing on the analysis of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the authors come to the conclusion that these problems are caused by the imperfection of the legislative regulation of the considered procedural institution. One of the means of solving these problems is prosecutor's supervision, since in domestic criminal procedure the prosecutor is empowered not only to prosecute criminally on behalf of the state, but also to supervise the procedural activities of the bodies of inquiry and preliminary investigation. The peculiarities of the prosecutor's supervision over carrying out the inquiry in a reduced form are analyzed in the article. The authors of the article refer both to the norms of the current criminal procedure legislation and to the provisions of the order of the General Prosecutor's Office of the

Russian Federation of January 26, 2017 No 33 "On the organization of the prosecutor's supervision over the procedural activities of the inquiry bodies". The need for a significant change of the existing criminal procedure legislation is argued, namely, granting the prosecutor the right to independently draw up the final procedural document of the summary form of inquiry – the indictment.

Keywords: prosecutor; investigator; criminal proceedings; summary form of inquiry; prosecutor's supervision.

Дознание в сокращенной форме как результат продолжающегося процесса дифференциации форм предварительного расследования апробировано в российском уголовном процессе в марте 2013 г. Предшественником данной разновидности дознания можно считать протокольную форму досудебной подготовки материалов, предусмотренную УПК РСФСР в разделе IX. Протокольная форма – неоднозначный процессуальный институт, вызывавший многочисленные нарекания в связи с низким качеством «процессуального материала», поступавшего в суд.

К настоящему времени нарабатана большая практика расследования уголовных дел в сокращенном дознании, в связи с чем возможны некоторые выводы о жизнеспособности нового процессуального института. Выводы и предложения самого разного характера сформулированы в ряде публикаций на страницах юридической периодики. Институту дознания в сокращенной форме посвящены научные труды М.В. Зотовой [1], А.Д. Пестова [2], О.В. Качаловой [3] и других авторов. В первую очередь, необходимо рассмотреть проблемы, возникающие при производстве дознания в сокращенной форме, предложив возможные пути их решения. В качестве инструмента решения проблем следует проанализировать средства прокурорского надзора за исполнением процессуального законодательства.

Исследуя различные аспекты надзорной деятельности прокурора за исполнением закона при производстве дознания в сокращенной форме, необходимо исходить из следующего определения: дознание в сокращенной форме представляет собой осуществление дознавателем (следователем) отдельного вида предварительного расследования по уголовному делу, возбужденному в отношении конкретного лица, по преступлению или преступлениям, предусмотренным ч. 3 ст. 150 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК), на основании ходатай-

ства подозреваемого, признающего вину, характер и размер вреда, причиненного преступлением, не оспаривающего квалификацию деяния, содержащуюся в постановлении о возбуждении уголовного дела, о применении дознания в сокращенной форме при отсутствии обстоятельств, исключающих производство дознания в указанной форме [4, с. 39].

По нашему мнению, данное определение лаконично, и в то же время содержит основания и условия, необходимые для применения дознания в сокращенной форме, имеющие законодательное закрепление в соответствующих статьях УПК. Анализ требований норм главы 32.1, а также их практического применения свидетельствует о безоговорочности условий, позволяющих приступить к дознанию в указанной форме. В свою очередь, особенности производства дознания в сокращенной форме нередко влекут проблемы, решение которых невозможно без перехода к дознанию в общем порядке.

Условие о признании вины в инкриминируемом деянии в полном объеме, согласии подозреваемого с характером и размером вреда, причиненного преступлением, квалификацией действий, изложенной в постановлении о возбуждении уголовного дела, влечет необходимость фиксации указанных обстоятельств в соответствующем постановлении. На практике нередко имеют место случаи, когда лицо, подозреваемое в совершении преступления, отказывается от дачи каких-либо объяснений. В данном случае дознаватель при выборе формы дознания сталкивается с ситуацией неясности, вызванной неопределенностью отношения лица к совершенному преступному деянию. Отсюда возникает вопрос о необходимости разъяснения подозреваемому права на заявление ходатайства о производстве дознания по уголовному делу в сокращенной форме. В связи с этим появляется необходимость определения стадии уголовного судопроизводства, в ходе которой целесообразно

разъяснить лицу, причастному к совершению общественно опасного, запрещенного уголовным законом под угрозой наказания уголовного деяния, право на заявление соответствующего ходатайства о расследовании уголовного дела с применением сокращенной формы дознания. В данном случае речь идет о стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Описание преступления и его квалификации невозможно изменить и уточнить в дальнейшем без перехода к дознанию в общем порядке, что может быть объективно необходимо (например, по делам о причинении вреда здоровью при расширении перечня телесных повреждений, ставших последствием действий подозреваемого; по делам о хищениях при уточнении потерпевшим перечня похищенного имущества и т.д.). До настоящего времени в УПК не включено определение о форме продолжения производства по уголовному делу, расследуемому в сокращенной форме, в случае возникновения следующих ситуаций: в ходе дознания устанавливается, что преступление совершено в соучастии, или выясняется причастность иных лиц, неизвестных при вынесении постановления о возбуждении уголовного дела, выявляется новый эпизод преступной деятельности, не зафиксированный в уже указанном постановлении.

В отличие от других форм предварительного расследования, при применении дознания в сокращенной форме дознаватель находится в зависимости от волеизъявления участников уголовного судопроизводства. В частности, обязательное согласие потерпевшего с производством «сокращенного» дознания создает для дознавателя ситуацию зависимости от мнения пострадавшей стороны, которое может быть изменено безосновательно, например, под воздействием эмоционального порыва. Кроме того, изменить свое отношение к форме дознания могут также и участники со стороны защиты. Таким образом, создается конфликтная ситуация, в которой частное лицо, злоупотребляя своими правами, произвольно, вопреки интересам других участников уголовного процесса, воздействует на деятельность органа, осуществляющего расследование

уголовного дела с применением дознания в сокращенной форме и отстаивающего публичный интерес.

Не исключены случаи, когда в ходе расследования уголовного дела о желании приобрести статус потерпевшего могут заявить и иные лица, которые возражают против избранной ранее формы дознания. К проблемам подобного рода относится вопрос о возможной замене в ходе предварительного расследования потерпевшего.

По замыслу законодателя, для ускорения и упрощения процедуры расследования в действующем УПК закреплены особенности собирания и закрепления доказательств по уголовному делу, расследуемому с применением «сокращенного» дознания. Согласно ст. 226.5 УПК дознавателю предоставляется ряд правомочий, а именно: не проверять в ходе дознания доказательства, которые не оспариваются потерпевшим, подозреваемым и его защитником; исключая так называемый повторный допрос лиц, признавать в качестве доказательств их объяснения, отобранные в соответствующей форме в ходе проведения доследственной проверки, и другие. Однако сокращение процессуальной деятельности дознавателя по сбору доказательств при производстве дознания в сокращенной форме может как положительно, так и отрицательно сказаться на установлении истины по уголовному делу. В случае волеизъявления хотя бы одного из участников, перечисленных в ч. 3 ст. 226.3 УПК, об изменении формы предварительного расследования по уголовному делу и переходе к дознанию в общем порядке может быть затруднена или утрачена возможность полноценного доказывания по уголовному делу.

Вызывают некоторые опасения особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме, касающиеся прав дознавателя, а именно возможность не проводить следственные и иные процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств дела, если сведения о них содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении и в полном объеме отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. Другими словами, практически все доказательства причастности

лица к совершению преступления могут быть собраны до возбуждения уголовного дела, что в действительности может повлечь недостижение цели установления истины по уголовному делу. «Угрожающе» выглядит норма ч. 1.2 ст. 144 УПК в той части, в которой она предусматривает безусловную необходимость удовлетворения ходатайства стороны защиты или потерпевшего о проведении повторной или дополнительной экспертизы после возбуждения уголовного дела, если первичная экспертиза была проведена в ходе проверки сообщения о преступлении. Остается открытым вопрос о действиях дознавателя, если проведение повторной или дополнительной экспертизы невозможно по объективным причинам.

Процедура дознания в сокращенной форме не всегда позволяет сократить срок расследования. Анализ норм главы 32.1 УПК, а также практики их применения свидетельствует о том, что они редко отличаются от срока при производстве дознания в общем порядке. Кроме того, вопрос об удовлетворении соответствующего ходатайства и переходе на производство дознания в сокращенной форме не всегда решается в день возбуждения уголовного дела. Например, материалы уголовного дела по обвинению гр. Б. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ, свидетельствуют о том, что общий срок дознания по данному делу составил 29 суток. В свою очередь, ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме заявлено и удовлетворено лишь на 26-ой день предварительного расследования. Дознание в «сокращенной форме» производилось в течение 3 суток*.

Также действующим УПК предусмотрены случаи продления срока дознания в указанной форме до 20 суток.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что одним из факторов, препятствующих эффективному применению дознания в сокращенной форме, является отсутствие процессуальной гибкости в законодательно закрепленной конструкции дознания указанной формы.

Возможно ли «доработать» эту конструкцию, внося соответствующие изменения в статьи главы 32.1 УПК? Несмотря на то, что отмеченный перечень вопросов не является исчерпывающим, правовой институт дознания в сокращенной форме практически не подвергался изменениям. В 2015 г. предполагалось проблемные вопросы «сокращенного» дознания решить дополнением УПК новой главой (32.2 «Особый порядок досудебного производства»)**.

При рассмотрении вопроса о совершенствовании дознания в сокращенной форме представляет интерес приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 26 января 2017 г. N 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания»*** (далее – приказ Генеральной прокуратуры РФ N 33). Несмотря на то, что положения приказа адресованы работникам прокуратуры, его нормы имеют значение для иных участников уголовного судопроизводства, вовлеченных в дознание в сокращенной форме.

Согласно настоящему приказу к числу основных действий и решений дознавателя, принимаемых при производстве дознания в сокращенной форме, подлежащих проверке на законность и обоснованность, относятся:

1) постановление дознавателя о производстве дознания в сокращенной форме.

Это процессуальное решение является одним из ключевых в рассматриваемой форме дознания, оно признается незаконным и подлежит отмене прокурором в случаях:

а) когда решение принято на основании соответствующего ходатайства подозреваемого, в котором отсутствует подпись его защитника, что нарушает и процессуальный порядок, и право на защиту,

** Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства)» (подготовлен МВД России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 31 янв. 2015 г.). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=128356#0>

*** Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

* Уголовное дело N 150445006 // Архив суда Октябрьского района г. Екатеринбург.

так как участие защитника является обязательным согласно п. 8 ч. 1 ст. 51 УПК;

б) когда необоснованно «занижена» квалификация преступления, содержащегося в постановлении о возбуждении уголовного дела. Срок отмены данного постановления, предусмотренный действующим законодательством (ч. 4 ст. 146 УПК), истек, и прокурор уже не вправе отменить незаконное и необоснованное решение;

в) при выявлении обстоятельств, исключающих производство в такой форме, или несоблюдения условий его производства.

Получение ответа об определении момента досудебного производства, когда возможна отмена постановления дознавателя о производстве дознания в сокращенной форме, основано на анализе норм главы 32.1 УПК. Следует прийти к выводу о том, что отмена указанного постановления прокурором возможна в любой момент производства дознания по уголовному делу во временном интервале от даты вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме до поступления уголовного дела с обвинительным постановлением. После поступления уголовного дела с обвинительным постановлением прокурор вправе вернуть уголовное дело дознавателю для производства дознания в общем порядке, но не отменить постановление о производстве дознания в сокращенной форме.

Следует иметь в виду, что до поступления уголовного дела с обвинительным постановлением прокурор не в полной мере может осуществлять надзор за процессуальной деятельностью дознавателя, поскольку не располагает материалами уголовного дела в целом, получая согласно УПК копии соответствующих решений (так называемая проблема «информационного обеспечения» прокурорского надзора). Ограниченность срока дознания в сокращенной форме затрудняет для прокурора возможность затребовать уголовное дело и тщательно изучить его. Следовательно, не исключается возможность несвоевременного выявления органами надзора обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме;

2) постановление об отказе в удовлетворении ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме.

Прокуроры осуществляют проверку законности, обоснованности и решений дознавателя «противоположного характера» по отношению к ранее рассмотренному: постановления об отказе в удовлетворении ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме. В случаях установления фактов вынесения незаконных или необоснованных постановлений последние подлежат отмене прокурором. При этом дознавателю одновременно должны быть даны соответствующие письменные указания, касающиеся направления расследования и производства определенных процессуальных действий. Решая вопрос об отмене постановления об отказе в удовлетворении ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме, прокурор должен иметь в виду, что производство дознания в указанной форме возможно только при окончании дела в срок, предусмотренный ст. 226.6 УПК.

В случае, если восстановление нарушенного права подозреваемого на производство дознания в сокращенной форме в связи с истечением срока, предусмотренного законом для завершения дознания в указанной форме, невозможно, реакция прокурора, осуществляющего надзор за процессуальной деятельностью, должна быть следующей: он не отменяет постановление дознавателя, а инициирует предусмотренное законом привлечение к ответственности виновных должностных лиц (пп. 7, 9, 16, 21 приказа Генеральной прокуратуры РФ N 33). В данном случае прокурор, как представляется, вправе внести представление об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных сотрудниками органа дознания при производстве по уголовному делу. Генеральный прокурор РФ уточняет «общее» право прокурора на отмену незаконных или необоснованных постановлений дознавателя (п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК) в порядке, установленном УПК, при производстве по уголовному делу дознания в сокращенной форме, конкретизируя, какие постановления дознавателей и в каких случаях подлежат отмене;

3) постановление о возбуждении уголовного дела.

Следует отметить, что прокурор обязан своевременно проверять законность и

обоснованность постановлений о возбуждении уголовных дел. Принимая во внимание перечисленные особенности производства дознания в сокращенной форме, к постановлению о возбуждении уголовного дела предъявляются особые (повышенные) требования. Прогнозируя возможность производства по делу дознания в сокращенной форме, прокурор должен обратить внимание на то, чтобы в постановлении о возбуждении дела были с исчерпывающей полнотой описаны действия (бездействие) подозреваемого, отражены характер и размер вреда, причиненного преступлением, дана правильная квалификация действий подозреваемого. Если данные требования не выполнены, то прокурору следует своевременно отменить постановление, направить материал для дополнительной проверки и дать по нему письменные указания;

4) постановление о выделении материалов уголовного дела.

При реагировании на факты «искусственного создания оснований для производства дознания в сокращенной форме» на прокурора возлагается обязанность пресечения необоснованного выделения материалов уголовного дела в отношении конкретного лица в отдельное производство (п. 22 приказа Генеральной прокуратуры РФ N 33). Представляется, что реагирование должно быть облечено в форму постановления об отмене постановления дознавателя либо требования об устранении нарушений федерального законодательства (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК);

5) постановление о продлении срока дознания.

Несмотря на то, что дознание в сокращенной форме подразумевает проведение расследования в короткие сроки, действующим законодательством предусмотрена возможность продления срока производства по делу прокурором до 20 суток. Следует понимать, что одним из важных условий продления срока «сокращенного» дознания является своевременность вынесения и поступления соответствующего постановления прокурору. Согласно приказу Генеральной прокуратуры РФ N 33, если такое постановление поступает после 24 часов с момента истечения 15 суток, отведенных для производства дознания в

сокращенной форме, то прокурор должен принять решение об отказе в продлении срока и о продолжении производства по делу в общем порядке (пп. 25 и 27 приказа Генеральной прокуратуры РФ N 33). Необходимо обратить внимание на то, что в соответствии с приказом адресатом ходатайства, заявленного обвиняемым, его защитником, потерпевшим и (или) его представителем в порядке, предусмотренном ч. 6 ст. 226.7 УПК, является орган дознания, а не дознаватель, в производстве которого находится уголовное дело. Рассмотрение такого ходатайства также должно осуществляться органом дознания, то есть начальником органа дознания. Однако на законодательном уровне не закреплены виды решений прокурора в случае его несогласия с постановлением дознавателя о продлении срока дознания по уголовному делу. Например, вынесение прокурором в таком случае отдельного постановления, дача письменных указаний дознавателю либо указание в вводной части постановления дознавателя о своем несогласии с решением о продлении срока не будут противоречить закону;

б) обвинительное постановление.

Следует предположить, что согласно п. 32 приказа Генеральной прокуратуры РФ N 33 задаются основные направления («программа») проверки уголовных дел, оконченных с применением дознания в сокращенной форме и поступивших с обвинительным постановлением. Так, при изучении уголовного дела прокурорам необходимо установить соответствие выводов, сделанных при производстве дознания в сокращенной форме, обстоятельствам, содержащимся в материалах дела. Особо тщательно должны быть исследованы вопросы о наличии объективных данных, подтверждающих виновность и исключаящих самооговор обвиняемого, о соблюдении прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, в том числе права на защиту, о рассмотрении в полном объеме заявленных стороной защиты, потерпевшим и его представителем ходатайств.

Утверждая обвинительное постановление по уголовному делу, прокурор вправе принять решение об исключении отдельных доказательств, полученных с на-

рушением требований частей 2 и 3 ст. 88 УПК, признав их недопустимыми.

Кроме того, прокурор наделен полномочием возвращения уголовного дела для производства дознания в общем порядке. Сопоставление содержания п. 3 ч. 1 ст. 226.8 и ч. 6 ст. 226.7 УПК позволяет сделать вывод о том, что уголовное дело может быть возвращено прокурором для производства дознания в общем порядке в случаях:

- наличия по делу обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме;

- существенных нарушений требований УПК, допущенных при производстве по делу, повлекших ущемление прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также пробелы в доказательствах;

- если достоверность некоторых доказательств по делу вызывает сомнение, что может повлиять на законность и обоснованность итогового решения суда по уголовному делу, а следовательно, требует производства дополнительных следственных и иных процессуальных действий, направленных на проверку таких доказательств;

- если собранных доказательств в их совокупности по делу недостаточно для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере причиненного им вреда, а также виновности обвиняемого в совершении преступления;

- наличие достаточных оснований предполагать самооговор обвиняемого.

Таким образом, анализируя совокупность полномочий прокурора по надзору за исполнением законов при производстве дознания в сокращенной форме, следует прийти к выводу: в силу особенностей настоящей формы дознания (упрощение процедуры доказывания, скоротечность производства) прокурорский надзор максимально «приближен» к расследованию. Прокурор обязан немедленно оценивать все процессуальные действия и решения дознавателя. В связи с этим возможно утверждение, что прокурор при производстве дознания в сокращенной форме фактически осуществляет не только надзор, но и полноценное процессуальное руководство. Ограниченный срок произ-

водства дознания в сокращенной форме, помимо прочего, затрудняет для дознавателя возможность обжалования указаний прокурора в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 41 УПК.

Рассматривая вопрос совершенствования процессуальной конструкции дознания в сокращенной форме, представляется, что оно может осуществляться по следующим направлениям:

- установление возможности разъяснения права ходатайствовать о производстве дознания в сокращенной форме, порядке и правовых последствиях производства в этой форме лицу, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, еще на стадии возбуждения уголовного дела;

- закрепление частью 1 ст. 226.7 УПК возможности изменения в обвинительном постановлении правовой оценки деяния, характера и размера причиненного ущерба по сравнению с описанием преступления и его квалификацией, данными в постановлении о возбуждении уголовного дела. За обвиняемым в таком случае сохраняется право отказаться от продолжения дознания в сокращенной форме и ходатайствовать о продолжении дознания в общем порядке;

- отказ от закрепленного в п. 1 ч. 1 ст. 226 УПК условия возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица;

- ограничение возможности для потерпевшего отказаться от продолжения дознания в сокращенной форме. Потерпевший высказывает свою позицию по этому вопросу при разъяснении ему соответствующего права. Если потерпевший в этот момент возражает против производства дознания в сокращенной форме, то дознание производится в общем порядке. В случае, если потерпевший высказал свое согласие на производство дознания в сокращенной форме, то его последующий отказ в любой момент дальнейшего производства по делу не должен иметь определяющего значения. При этом ходатайства потерпевшего, содержащие такого рода отказ, должны быть рассмотрены и разрешены по существу дознавателем, прокурором или судом с оценкой приведенных в ходатайстве доводов;

- дополнение ч. 1.2 ст. 144 УПК указанием на то, что ходатайства стороны за-

щиты или потерпевшего о производстве повторной или дополнительной экспертизы должны быть мотивированы, а также замена слов «подлежит удовлетворению» словами «подлежит рассмотрению и разрешению в порядке, предусмотренном главой 15 настоящего Кодекса»;

– возложение на прокурора обязанности составления итогового процессуального документа дознания в сокращенной форме – обвинительного постановления.

Несмотря на то, что последнее предложение, как представляется, носит «революционный характер», оно не является новым, подобные изменения предлагались и ранее. Например, А.А. Сумин утверждает, что, поскольку только прокурор может выступать в качестве государственного обвинителя, то к его исключительной компетенции логично отнести решение вопроса о формулировке обвинения и предъявление обвинения перед судом (составление обвинительного заключения, обвинительного акта, обвинительного постановления) [5, с. 109-110].

Представляется, что передача прокурору права составления обвинительного постановления (обвинительного акта) позволила бы, во-первых, повысить требовательность прокурорского надзора в процессе расследования, а во-вторых, в условиях ограниченности сроков дознания обеспечила бы формулирование обвинения в точном соответствии с предъявляемыми к нему требованиями (законность, индивидуализация, справедливость, публичность, обоснованность и мотивированность). Это обеспечило бы при составлении итогового процессуального документа (формулируя обвинение) прокурору одновременную подготовку к отстаиванию обвинения в суде. Настоящее предложение может рассматриваться как «процессуальное разделение труда» при

формировании обвинения: дознаватель устанавливает фактические обстоятельства, образующие формулировку обвинения, а прокурор дает юридическую оценку этим обстоятельствам и формулирует обвинение, принимая соответствующее процессуальное решение.

Таким образом, следует сделать выводы:

1) анализ практики применения положений главы 32.1 УПК позволяет выявить многочисленные проблемы и трудности, препятствующие достижению целей, поставленных перед дознанием в сокращенной форме;

2) настоящие проблемы связаны с несовершенством правовой регламентации рассматриваемого процессуального института. Значительная роль в поиске решения отведена прокурорскому надзору. Положения приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 26 января 2017 г. N 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» конкретизируют и разъясняют порядок реализации полномочий прокурора, касающихся осуществления надзора за исполнением процессуального законодательства при производстве по уголовным делам дознания в сокращенной форме, что позволяет повысить уровень защиты конституционных прав граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве, а также своевременно выявить и устранить нарушения уголовно-процессуального закона;

3) повышению уровня защиты и обеспечению конституционных прав граждан – участников уголовного судопроизводства и устранению нарушений действующего уголовно-процессуального законодательства должно способствовать внесение предложенных изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство.

Список литературы

1. Зотова М.В. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 28 с.
2. Пестов А.Д. Процессуальные полномочия прокурора при производстве дознания в сокращенной форме: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 30 с.
3. Качалова О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 56 с.

4. Спирин А.В., Журавлева Н.М. Прокурорский надзор за исполнением процессуального законодательства при производстве дознания в сокращенной форме // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. N 3. С. 39-42.

5. Сумин А.А. К вопросу о содержании функций прокурора в стадии предварительного расследования // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2017. N 1. С. 109-111.

References

1. Zotova M.V. Doznanie v sokrashchenoy forme v rossiyskom ugovnom protsesse. Avtoref. Kand. Diss. [Inquiry in a shortened form in the Russian criminal trial. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2016. 28 p.

2. Pestov A.D. Protsessual'nye polnomochiya prokurora pri proizvodstve doznaniya v sokrashchenoy forme. Avtoref. Kand. Diss. [Procedural powers of the prosecutor in the production of an inquiry in a reduced form. Autoabstract Cand. Diss.]. Krasnodar, 2016. 30 p.

3. Kachalova O.V. Uskorennoe proizvodstvo v rossiyskom ugovnom protsesse. Avtoref. Dokt. Diss. [Accelerated production in the Russian criminal trial. Autoabstract Doct. Diss.]. Moscow, 2016. 56 c.

4. Spirin A.V., Zhuravleva N.M. Prokurorskiy nadzor za ispolneniem protsessual'nogo zakonodatel'stva pri proizvodstve doznaniya v sokrashchenoy forme [Prosecutor's supervision of the execution of procedural legislation in the production of an inquiry in a reduced form]. Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017, no. 3, pp. 39-42.

5. Sumin A.A. K voprosu o soderzhanii funktsiy prokurora v stadii predvaritel'nogo rassledovaniya [To the question of the content of the functions of the prosecutor in the preliminary investigation stage]. "Chernye dyry" v Rossiyskom zakonodatel'stve – "Black Holes" in the Russian legislation, 2017, no. 1, pp. 109-111.

АБДУЛВАЛИЕВ А.Ф., кандидат юридических наук, доцент, a.abdulvaliev@mail.ru Кафедра государственного управления и уголовного права; Нижевартовский экономико-правовой институт (филиал) Тюменского государственного университета, 628602, г. Нижневартовск, ул. Дружбы Народов, 13 А	ABDULVALIEV A.F., Candidate of Legal Sciences, associate professor, a.abdulvaliev@mail.ru Chair of state management and criminal law; Nizhnevartovsk Economics and Law Institute (branch) Tyumen State University, Druzhby Narodov St. 13 A, Nizhnevartovsk, 628602, Russian Federation
---	---

ТРУДНОДОСТУПНАЯ МЕСТНОСТЬ КАК ОСОБОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ УСЛОВИЕ, ВЛИЯЮЩЕЕ НА РАССЛЕДОВАНИЕ И РАССМОТРЕНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Аннотация. Объектом исследования являются вопросы влияния на уголовное судопроизводство такого особого географического условия, как труднодоступная местность. Детально рассматриваются критерии труднодоступной местности, определяющие возможность проведения следственных действий без привлечения понятых. Методологическую основу исследования составляют комплексный анализ и системный подход к изучению текстов судебных приговоров, содержащих в себе сведения об особых географических условиях. Автором выявлены критерии труднодоступной местности, не нашедшие отражения в статье 170 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, но играющие ключевую роль при проведении следственных и судебных действий. Данные критерии объединены в три группы: транспортно-географические условия; ландшафтные условия; особые климатические условия. Описанные группы критериев труднодоступной местности, необходимых для соблюдения требований уголовно-процессуального законодательства, и рекомендации по их применению составили основу выводов по итогам исследования. С целью минимизации количества недопустимых доказательств, получаемых в ходе производства следственных действий, предлагается законодательно закрепить понятие «труднодоступная местность», определяемое автором как местность, удаленная от населенных пунктов и представляющая в силу социально-экономических, географических и климатических условий особую сложность для проведения следственных и судебных действий.

Ключевые слова: особое географическое условие; труднодоступная местность; климатические условия; расследование уголовных дел; уголовное судопроизводство; понятый.

HARD TO REACH LOCALITY AS A SPECIAL GEOGRAPHICAL CONDITION INFLUENCING THE INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES

Annotation. The object of the study are the issues concerning the influence of such special geographical condition as a hard to reach locality on the criminal proceedings. The criteria for remote areas that determine the possibility of carrying out the investigative actions without involving the witnesses are considered in detail. The methodological basis of the research is a complex analysis and a systematic approach to the study of the texts of judicial sentences containing the information about specific geographical conditions. The author identified the criteria for hard to reach locality that were not reflected in Article 170 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, but they play the key role in the course of investigative and judicial actions. These criteria are divided into three groups: transport and geographic conditions; landscape conditions; special climatic conditions. The described groups of the criteria for hard to reach areas, necessary to comply with the requirements of the criminal procedure legislation, as well as the recommendations for their application, formed the basis for the conclusions of the research. To minimize the number of inadmissible evidence obtained in the course of investigative actions, it is proposed to fix the concept of "hard to reach locality" in legislation. This concept is defined by the author as a locality, remote from settlements and representing a particular difficulty for carrying out investigative and judicial actions due to its social and economic, geographical and climatic conditions.

Keywords: special geographical condition; hard to reach locality; climatic conditions; investigation of criminal cases; criminal proceedings; witness.

Уголовное судопроизводство представляет собой своеобразный динамический процесс, который не ограничивается определенными географическими рамками, но предусматривает мобильность его участников с целью обеспечения надлежащего расследования и рассмотрения уголовных дел по существу. Наличие особого географического условия усложняет уголовный процесс, в частности, предварительное расследование, что, в свою очередь, обуславливает появление отдельных дифференцированных процессуальных форм, в том числе и во время производства некоторых следственных действий.

Одним из таких особых географических условий является труднодоступная местность. Данное словосочетание содержится только в ч. 3 ст. 170 УПК РФ: «В труднодоступной местности, при отсутствии надлежащих средств сообщения, а также в случаях, если производство следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей, следственные действия, предусмотренные частью первой настоящей статьи, могут производиться без участия понятых, о чем в протоколе следственного действия делается соответствующая запись. В случае производства следственного действия без участия понятых применяются технические средства фиксации его хода и результатов. Если в ходе следственного действия применение технических средств невозможно, то следователь делает в протоколе соответствующую запись». Подобная правовая конструкция уголовно-процессуальной нормы таит в себе немало вопросов, так или иначе связанных с раскрытием содержания понятия труднодоступной местности.

1. В УПК РФ отсутствует пояснение понятия «труднодоступная местность». Подобный пробел приводит к появлению различных вариаций и критериев содержания данного понятия. Авторы комментариев к УПК РФ в понимание труднодоступной местности закладывают следующие критерии: глубокая зимняя ночь, бездорожье и непогода [1, с. 257]. Это может быть также отдаленное от жилого массива место либо труднодоступный высокогорный район [2].

Более детально к вопросу определения критериев труднодоступной местности подходит Г.Г. Гумеров, который, анализи-

руя позиции ученых-процессуалистов об отнесении к труднодоступной местности горных массивов, лесной чащи, таежной или заболоченной местности, делает следующие выводы: «Значащим критерием для принятия решения о нецелесообразности привлечения понятых является лишь малонаселенность той или иной местности. Все остальные вышеназванные признаки являются либо причиной, либо следствием малонаселенности» [3, с. 23-24].

Однако с географической точки зрения подобные ландшафтные, климатические или транспортные условия также будут являться значащими критериями, играющими наряду с малонаселенностью той или иной местности немаловажную роль в определении проведения следственных действий без участия понятых. Следовательно, критерии определения труднодоступной местности для уголовного судопроизводства необходимо выявлять и исследовать, чтобы на практике не возникало проблем с соблюдением процессуальных требований, указанных в ч. 3 ст. 170 УПК РФ.

Например, при рассмотрении уголовного дела по обвинению подсудимого К. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 327 УК РФ и ч. 3 ст. 260 УК РФ, суд признал недопустимым доказательством протокол осмотра места происшествия — делянки Северного участка лесничества совхоза, поскольку при проведении данного следственного действия были нарушены требования ч. 3 ст. 170 УПК РФ. Осмотр делянки проводился в зимнее время года в лесном массиве, поэтому понятые не были приглашены. В ходе осмотра применялась видеосъемка, но запись велась частично по причине технического сбоя в работе видеокамеры (разрядились аккумуляторы). Данные обстоятельства в протоколе следственного действия не были указаны. В результате ход следственного действия зафиксирован на видеокамеру не полностью*.

Отсутствие точного определения критериев труднодоступной местности в уголовно-процессуальном законодательстве

* Приговор Череповецкого районного суда Вологодской области от 31 марта 2015 г. по уголовному делу N 1-39/2015 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/>

Российской Федерации и недооценка ее значения в организации и проведении следственных действий, в частности осмотра места происшествия, негативно отразились на процедуре подготовки к следственному действию, что привело в последующем к признанию доказательства недопустимым. Отрицательную роль здесь также сыграли и особые климатические условия (осмотр места происшествия в зимний период времени). Не любая электронная техника способна долго работать в автономном режиме от аккумуляторов при отрицательном значении температуры воздуха.

Очевидно, что осмотр в подобных особых географических и климатических условиях должен предполагать несколько иную, с криминалистической точки зрения дифференцированную форму подготовки и проведения следственного действия для того, чтобы не допустить каких-либо нарушений процессуальных норм УПК РФ. При этом в зависимости от критериев труднодоступной местности соответствующим образом должны быть подготовлены технико-криминалистические средства для полного, объективного и всестороннего проведения осмотра. В частности, для зимних условий и для отдаленных местностей, где нет понятий, технические средства фото- и видеофиксации должны быть укомплектованы дополнительными автономными источниками электропитания для полного запечатления следственного действия.

Приведенный пример наглядно демонстрирует, что какой-то момент органами предварительного расследования при подготовке к осмотру был упущен, и впоследствии это привело к тому, что суд признал недопустимым доказательством не только протокол осмотра места происшествия, но и заключение судебно-ботанической экспертизы, поскольку ее выводы сделаны на основании предметов, изъятых в ходе осмотра места происшествия.

2. Как показывает анализ судебной практики и иных материалов, в первую очередь с проблемой соблюдения требований ч. 3 ст. 170 УПК РФ приходится сталкиваться при расследовании авиационных катастроф и происшествий, поскольку большая часть крушений воздушных судов происходит вне населенных пунктов и в труднодоступной местности.

В октябре 2016 года в 45 километрах к северо-востоку от поселка Старый Уренгой Ямало-Ненецкого автономного округа потерпел крушение вертолет Ми-8Т. При этом погибли 19 человек, 3 пассажира получили телесные повреждения различной степени тяжести*. Местность, в которой произошло падение вертолета, является труднодоступной: лесотундра, болото, редколесье, большая удаленность от ближайшего населенного пункта. Особые географические условия создали сложности в работе органов предварительного расследования и поисково-спасательной службы.

Кроме того, с особыми географическими условиями приходится сталкиваться при расследовании незаконной вырубке лесных насаждений (ст. 260 УК РФ). В таких ситуациях осмотр места происшествия проводится в труднодоступной местности и в отсутствие понятий, так как места вырубки деревьев (деляны) располагаются в основном вдали от населенных пунктов, в районах, где отсутствует какое-либо надежное транспортное сообщение. Подобные примеры также позволяют выявить новые критерии труднодоступной местности.

Например, следователем было правильно признано труднодоступным место незаконной вырубки лесных насаждений, расположенных вдали от населенных пунктов (на 5-10 километров)**.

Здесь критерием труднодоступной местности является не только лесной массив, но и удаленность места совершения преступления от ближайших населенных пунктов при отсутствии надлежащего транспортного сообщения по труднопроходимой лесовозной дороге.

В другом случае критерием труднодоступной местности наряду с возвы-

* Промежуточный отчет (предварительная справка) по расследованию авиационного происшествия с вертолетом Ми-8Т // Межгосударственный авиационный комитет: официальный сайт. URL: <http://mak-iac.org/rassledovaniya/mi-8-ra-22869-21-10-2016>

** Приговор Тугулымского районного суда Свердловской области от 28 мая 2015 г. по уголовному делу N 1-1/15 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/>

шенностью стало отсутствие постоянного транспортного сообщения и наличие горных рек, которые необходимо пересечь для того, чтобы добраться до деляны*.

Немаловажно то, что оба преступления совершались в безлюдной местности, но в то же время сравнительно недалеко от сельских поселений. Осмотр места происшествия производился без участия понятых. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности привлечения в качестве понятых местных сельских жителей при производстве следственных действий и отнесения удаленных сельских поселений к труднодоступной местности.

УПК РФ не дает ответа на эти вопросы. По этой причине для исследования необходимо выйти за рамки уголовно-процессуальных аспектов и изучить иные отрасли права, а также региональное законодательство, которые напрямую касаются критериев труднодоступной местности.

3. Интересно отметить, что в сфере избирательного права существуют вопросы определения критериев труднодоступной местности в связи с необходимостью организации выездного или досрочного голосования. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. N 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»** дифференцирует отдельные процедуры для организации и проведения выборов и референдума непосредственно в труднодоступной местности, но при этом точно не оговаривает, какие именно территории относятся к труднодоступной местности. Закон лишь дает ссылку к региональному законодательству.

Между тем Центральная избирательная комиссия Российской Федерации отмечает, что «При определении перечня труднодоступных и отдаленных местностей для подготовки и проведения выборов необходимо учесть такие критерии, как отсутствие регулярного транспортного сообще-

ния, значительное расстояние (удаленность) от административных центров...»***. Кроме того, к категории труднодоступных или отдаленных местностей отнесены как места, где избиратели проживают постоянно, так и места, где избиратели находятся или обитают временно: вахтовые поселки нефтяников, газовиков, дорожников, геологов, строителей и работников железных дорог, кордоны-заповедники, метеостанции, лесозаготовительные пункты, охотничьи хозяйства, различные производственные участки, военные погранзаставы, рыболовецкие и старательские артели, оленеводческие и коневодческие бригады и общины и т.д.****

При этом в разъяснении ЦИК России обращается внимание на особенности ландшафта местности (болота и реки), использование зимников, большие расстояния. Сделан акцент на особых климатических условиях: устойчивые морозы, наличие снежного покрова на земле (включая высоту снежного покрова для проходимости) и ледового на реках и озерах, половодье, резкая смена погоды (сложные погодные метеословия) и т.п.

Подобные разъяснения вносят ясность в понимание труднодоступной местности и определяют новые критерии, позволяющие заблаговременно выбрать несколько иной, дифференцированный подход к процедуре голосования. Учитывая, что в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует прямой запрет на использование закона или права по аналогии, следует признать допу-

*** О Рекомендациях по организации голосования граждан Российской Федерации, находящихся в труднодоступных или отдаленных местностях, при проведении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва и выборов Президента Российской Федерации: выписка из протокола заседания ЦИК России от 5 мая 2011 г. N 9-1-6 // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 2011. N 6.

**** О проблемах транспортного обеспечения при организации досрочного голосования избирателей в труднодоступных или отдаленных местностях и путях их решения (на примере избирательных комиссий субъектов Российской Федерации, образованных в труднодоступных или отдаленных местностях) // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 2013. N 4 (298). С. 132-141.

* Приговор Кабанского районного суда Республики Бурятия от 21 окт. 2015 г. по уголовному делу N 1-323/2015 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/>

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. N 24. Ст. 2253.

стимым обращение к подобным наработкам практиков в области избирательного права для разрешения вопросов и устранения пробелов в уголовном процессе, в том числе и при проведении отдельных следственных действий в труднодоступной местности.

4. Что же касается отнесения к труднодоступной местности сельских поселений, то федеральное законодательство Российской Федерации, в том числе УПК РФ, не определяет категории населенных пунктов, которые находятся в труднодоступной местности. Данное правовое регулирование осуществляется на региональном уровне, то есть субъект Российской Федерации самостоятельно определяет критерии отнесения к труднодоступной местности и непосредственно устанавливает их.

Например, закон от 31 декабря 2004 г. N 101-оз «О перечнях труднодоступных и отдаленных местностей и территорий компактного проживания коренных малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, применяемых при проведении выборов»* подробно и порайонно устанавливает, какие населенные пункты – деревни, села, поселки – относятся к труднодоступным и отдаленным местностям.

В настоящем окружном законе к труднодоступным и отдаленным местностям отнесено 123 населенных пункта, что составляет 42,25 % от общего числа населенных пунктов, расположенных на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Это обусловлено тем, что со многими населенными пунктами нет круглогодичного дорожного сообщения либо они удалены на значительное расстояние от районного центра. В Ямало-Ненецком автономном округе 73 населенных пункта законом отнесено к труднодоступным и отдаленным местностям, что составляет 79,35 % от общего числа населенных

* О перечнях труднодоступных и отдаленных местностей и территорий компактного проживания коренных малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, применяемых при проведении выборов: закон ХМАО – Югры от 31 дек. 2004 г. N 101-оз // Собр. законодательства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. 2004. N 12 (ч. I). Ст. 1803.

пунктов, расположенных на территории округа**.

В Республике Карелия 119 населенных пунктов отнесено к труднодоступным местностям***, что составляет 15,12 % от общего числа населенных пунктов, расположенных в республике, в Пермском крае – 7,79 %****.

В Законе Пермского края от 2 июля 2008 г. N 268-ПК «О перечне труднодоступных и отдаленных местностей на территории Пермского края при проведении выборов и референдумов» под труднодоступной местностью понимается «местность, в которой расположен труднодоступный населенный пункт». В свою очередь, труднодоступный населенный пункт – это «населенный пункт, который в силу погодных-климатических условий, техногенных обстоятельств и (или) отсутствия элементов инфраструктуры оказывается исключенным на длительные периоды от транспортных путей и требующим по этим причинам для проведения выборов и референдумов организации сложных транспортных схем, больших дополнительных финансовых и материальных затрат». Указанный закон определяет новые критерии труднодоступной местности, которые несколько отличаются от ранее исследованных и имеют немаловажное значение

** О перечне труднодоступных и отдаленных местностей и территорий компактного проживания коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе: закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 25 июня 2001 г. N 45-зао: ред. от 22 июня 2007 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации АО «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/800101714>

*** О Перечне труднодоступных и отдаленных местностей в Республике Карелия: закон Республики Карелия от 5 июня 2006 г. N 989-ЗПК: ред. от 8 июля 2011 г. // Законодательное собрание Республики Карелия: официальный сайт. URL: <http://www.karelia-zs.ru/files/laws1/989-ZRK.doc>

**** О перечне труднодоступных и отдаленных местностей на территории Пермского края при проведении выборов и референдумов: закон Пермского края от 2 июля 2008 г. N 268-ПК // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации АО «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/911520067>

не только для избирательного права, но и для уголовного процесса, так как дают более подробные объяснения содержания труднодоступной местности, что актуально для следствия при решении вопроса о производстве следственных действий без участия понятых.

Данное предположение связано отчасти с тем, что многие труднодоступные сельские поселения являются малочисленными, то есть в них проживает небольшое количество жителей, которые знают друг друга. Это делает маловероятным их согласие участвовать в следственном действии в качестве понятых. Таким образом, использование в подобных ситуациях технических средств фото- и видеофиксации во время проведения следственных действий является целесообразным.

5. Понятие «труднодоступная местность» не ограничивается одним институтом уголовного судопроизводства и стадией предварительного расследования. Как показывает анализ судебной практики, труднодоступная местность может являться косвенным условием, влияющим, например, на избрание, изменение или отмену такой меры пресечения, как заключение под стражу. Тем более что в статье 108 УПК РФ упоминается такое особое географическое условие, как постоянное место жительства на территории Российской Федерации.

Рассматривая в апреле 2017 года апелляционную жалобу, Суд Ямало-Ненецкого автономного округа дополнительно изучил вопрос об изменении меры пресечения обвиняемому. Учитывая регистрацию обвиняемого в поселке Самбург Пуровского района и его нахождение большую часть времени в труднодоступной тундровой местности, а также то, что он обвиняется в совершении особо тяжкого преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на длительный срок, суд пришел к выводу о продлении срока содержания обвиняемого под стражей, в отношении которого ранее уже была избрана данная мера пресечения*.

* Апелляционное постановление Суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 27 апр. 2017 г. по уголовному делу N 22-307/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/>

В действительности, если бы лицо обвинялось в менее тяжком преступлении, но также проживало в труднодоступной местности, особенно учитывая кочевой образ жизни некоторых народов Севера, то избрание такой меры пресечения, как заключение под стражу, стало бы законным и обоснованным, так как труднодоступная тундровая местность не может являться постоянным местом жительства. Тем более что само сельское поселение Самбург находится на значительном удалении от районного центра Пуровского района — города Тарко-Сале и от окружного центра — города Салехард. Выбор иной, более мягкой меры пресечения, например залога, домашнего ареста или подписки о невыезде и надлежащем поведении, может усложнить в последующем обеспечение явки подозреваемого (обвиняемого) к следователю, дознавателю, прокурору или в суд.

Труднодоступная местность как особое географическое условие влияет не только на явку лица, совершившего преступление, но и на явку потерпевшего в судебное заседание. Например, при рассмотрении Мамско-Чуйским районным судом Иркутской области уголовного дела по обвинению П. в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, потерпевший не смог явиться на судебный процесс по причине нахождения на работе в труднодоступной местности. В связи с этим в судебном заседании были оглашены показания, данные им еще во время предварительного расследования**.

В ранее проводившихся автором исследованиях [4, с. 1115-1116] отмечались частые случаи неявки на судебное заседание не только потерпевших и свидетелей, но и самих подсудимых по причине их проживания в отдаленных населенных пунктах, не имеющих круглогодичного дорожного сообщения и доступа к широкополосным каналам связи сети Интернет для обеспечения их участия в судебном заседании с использованием системы видеоконференц-связи. Вероятно, для разрешения подобных ситуаций в УПК РФ и были пред-

** Приговор Мамско-Чуйского районного суда Иркутской области от 11 сент. 2015 г. по уголовному делу N 1-28/2015 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/>

усмотрены соответствующие положения ч. 4 ст. 247 и ч. 2 ст. 281.

В свою очередь, ст. 281 УПК РФ содержит указание на два особых географических условия, в связи с которыми потерпевший или свидетель не может явиться на судебное заседание. Первое — это наличие препятствия в виде стихийного бедствия или иных чрезвычайных обстоятельств. Второе — это невозможность установления места нахождения потерпевшего или свидетеля для вызова в судебное заседание. При этом, как и в остальных случаях, с географической точки зрения ни законом, ни Верховным Судом РФ, ни учеными не дается четкого разъяснения о понимании «иных чрезвычайных обстоятельств» и невозможности «установления места нахождения потерпевшего или свидетеля». Настоящий вопрос требует отдельного исследования.

Кроме того, следует отметить, что транспортная доступность как особое географическое условие имеет своеобразную связь с институтом процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве.

Еще в 2012 году, пересматривая уголовное дело по обвинению Н. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 139 УК РФ, суд апелляционной инстанции при изучении вопроса о взыскании процессуальных издержек в соответствии со ст.ст. 131-132 УПК РФ, с учетом материального положения подсудимого и его образа жизни в труднодоступной местности, счел возможным отнести судебные издержки на счет государства*.

Здесь также следует пояснить, что подсудимый относится к коренным малочисленным народам Севера, традиционно ведущим кочевой образ жизни в тундровой местности Ямало-Ненецкого автономного округа вдали от крупных населенных пунктов. С учетом материального положения суд, руководствуясь нормами УПК РФ, принял справедливое решение о возмещении процессуальных издержек за счет средств федерального бюджета.

В случае последующего научного исследования особых географических усло-

вий следует предположить, что о труднодоступной местности может идти речь применительно к таким институтам уголовного судопроизводства, как подсудность уголовных дел, общие условия судебного разбирательства, исполнение приговора, и др.

Подводя итоги, следует отметить, что, несмотря на краткое упоминание в ч. 3 ст. 170 УПК РФ, с проблемой труднодоступной местности как особого географического условия приходится сталкиваться на многих стадиях уголовного судопроизводства, она затрагивает ряд институтов, что требует к себе отдельного внимания с научной точки зрения. Очевидно, что толкование понятия «труднодоступная местность» должно включать в себя ряд критериев — определенных географических признаков, позволяющих в последующем суду и органам предварительного расследования выдвинуть суждение о законности или незаконности выполненных действий, в частности, при производстве следственных действий без участия понятых.

1. Ввиду отсутствия норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, а также подробных разъяснений Верховного Суда РФ, судов общей юрисдикции, исследований ученых-процессуалистов о критериях труднодоступной местности в уголовном судопроизводстве следует признать целесообразным и допустимым использование аналогии права, т.е. применение к уголовному судопроизводству правовых норм из других отраслей права, в частности, избирательного права, в котором данный вопрос раскрыт в большей степени.

2. Проведенное исследование позволило получить следующие группы критериев труднодоступной местности, необходимых как для соблюдения требований ч. 3 ст. 170 УПК РФ, так и иных требований, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации:

1) транспортно-географические условия:

— отсутствие круглогодичного дорожного сообщения;

— наличие только труднопроходимых дорог (тракторная, лесовозная, трелевочная дорога);

— наличие только сезонных дорог (зимников);

— территориальная удаленность от населенного пункта;

* Приговор Пуровского районного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 7 февр. 2012 г. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/>

– необходимость использования паромной переправы или пересечения различных (в том числе горных) рек вброд или на специальном транспортном средстве;

– необходимость использования авиации;

– малочисленный населенный пункт, не имеющий круглогодичного дорожного сообщения, либо удаленный на значительное расстояние от районного центра.

2) ландшафтные условия:

– болотистая местность;

– горная местность;

– лесной массив;

– местность, пересеченная озерами и ручьями;

– большой снежный покров, толщина льда;

– островное расположение.

3) особые климатические условия:

– мороз, обледенение;

– шквалистый ветер;

– снегопад, метель;

– ливень, дождь;

– межсезонная распутица;

– паводок, наводнение.

3. Отдельно следует выделить финансово-экономические условия, которые наряду с территориальной удаленностью и транспортной доступностью играют немаловажную роль в обеспечении, напри-

мер, проведения следственных действий в труднодоступной местности и требуют значительных финансовых затрат. Необходимы отдельные научные исследования данного явления во взаимосвязи с уголовным судопроизводством.

4. Следует отметить, что для отнесения той или иной местности к труднодоступной она должна соответствовать как минимум двум (или трем) вышеизложенным критериям, причем с обязательным и подробным обоснованием вплоть до указания необходимых физических показателей (расстояние до ближайшего населенного пункта или автомобильной дороги; высота снежного покрова; низкая температура воздуха и т.п.).

5. С учетом отмеченного предлагается дополнить статью 5 УПК РФ новым понятием: «Труднодоступная местность – это местность, удаленная от населенных пунктов и представляющая в силу социально-экономических, географических и климатических условий особую сложность для проведения следственных и судебных действий».

Тем самым удастся минимизировать количество недопустимых доказательств, полученных в ходе производства следственных действий, в том числе при осмотре места происшествия.

Список литературы

1. Безлепкин В.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 14-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 608 с.
2. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А.В. Смирнова. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Гумеров Г.Г. О критериях труднодоступности при толковании нормы, предусмотренной ч. 3 ст. 170 УПК РФ // Сборник материалов криминалистических чтений. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2010. С. 23-24.
4. Абдулвалиев А.Ф. Проблемы правовой регламентации географических факторов в законодательстве Российской Федерации // В мире научных открытий. 2015. N 9.3 (69). С. 1109-1118.

References

1. Bezlepkin V.T. Kommentariy k Uголовno-protsessualnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateyniy) [The commentary to the Criminal procedure code of the Russian Federation (itemized)]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 608 p.
2. Smirnov A.V., Kalinovskiy K.B. Kommentariy k Uголовno-protsessualnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateyniy) [The commentary to the Criminal procedure code of the Russian Federation (itemized)]. Dostup iz spravochno-pravovoy sistemy "Konsul'tantPlyus" – Access from the reference and legal system "ConsultantPlus".
3. Gumerov G.G. O kriteriyah trudnodostupnosti pri tolkovanii normy, predusmotrennoy ch. 3 st. 170 UPK RF [The criteria's of inaccessibility in the interpretation of standards under part 3 of article 170 of the Criminal procedure code of the Russian Federation]. Sbornik materialov kriminalisticheskikh chteniy [The collection of materials of criminalistics readings]. Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. Pp. 23-24.
4. Abdulvaliev A.F. Problemyi pravovoy reglamentatsii geograficheskikh faktorov v zakonodatelstve Rossiyskoy Federatsii [The problems of legal regulation of geographical factors in the legislation of the Russian Federation]. V mire nauchnyih otkryitiy – In world of scientific discovery, 2015, no. 9.3 (69), pp. 1109-1118.

ДРАНИЧНИКОВА Н.В., dr131nt@gmail.com
Кафедра уголовного процесса
и экспертной деятельности;
Челябинский государственный
университет,
454001, г. Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

DRANICHNICKOVA N.V.,
dr131nt@gmail.com
Chair of criminal procedure
and expert activities;
Chelyabinsk State University,
Brothers Kashirinyh St. 129,
Chelyabinsk, 454001,
Russian Federation

ВЗЫСКАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИЗДЕРЖЕК КАК ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. Автором исследуется правовая природа института взыскания процессуальных издержек. Анализируются нормы права, регулирующие общественные отношения, которые возникают при исчислении и распределении процессуальных издержек, с целью установления юридических критериев, позволяющих обособить их в самостоятельный правовой институт отрасли уголовно-процессуального права. Однако считать данный институт совершенным не представляется возможным в связи с неопределенностью в регулировании применения органами предварительного следствия и судов положений статей 131 и 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в вопросе взыскания процессуальных издержек, противоречивостью отдельных положений, что приводит к сложным ситуациям в практической деятельности, нарушениям прав участников уголовного судопроизводства, а иногда и к судебным ошибкам. Востребованность данного института обусловлена тем, что до постановления приговора все неоправданные расходы, возникающие в ходе производства по уголовному делу, возложены на государство, а в условиях необходимой экономии бюджетных расходов вопросы взыскания процессуальных издержек приобретают особую значимость, так как связаны с отдельными проявлениями процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве. В связи с этим обоснованным и рациональным является взыскание процессуальных издержек с осужденного.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; процессуальные издержки; взыскание процессуальных издержек; размер процессуальных издержек; федеральный бюджет; судебная практика.

RECOVERING PROCEDURAL COSTS AS A LEGAL INSTITUTION: THE CURRENT STATE AND DIRECTIONS FOR IMPROVEMENT

Annotation. The author of the article examines the legal nature of the institution of the recovery of procedural costs. Legal norms regulating the public relations arising during the calculation and distribution of procedural costs with the aim to establish legal criteria, allowing to isolate them into a separate legal institution of the branch of criminal procedure law, are analyzed. However, it is impossible to consider this institution as a perfect one due to the uncertainty concerning the regulation of applying the provisions of articles 131 and 132 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in the issues of recovering procedural costs by the preliminary investigation bodies and the courts, as well as the inconsistency of certain provisions. This leads to complex situations in practical activities, violations of the rights of participants in criminal proceedings, and sometimes to judicial errors. The relevance of this institution is due to the fact that all unnecessary expenses arising in the course of criminal proceedings before sentencing are imposed on the state. In the conditions of the necessity to save budgetary expenses, the issues connected with recovering procedural costs are of particular importance, because they are connected with certain manifestations of procedural economy in criminal proceedings. Therefore, recovering procedural costs from the convicted person is reasonable and rational.

Keywords: criminal proceedings; procedural costs; recovery of procedural costs; amount of procedural costs; federal budget; judicial practice.

Необходимость выделения в системе права определенных самостоятельных групп юридических норм, оформленных в виде правового института, детерминирована потребностью эффективного ре-

гулирования разнородных общественных отношений. Вопрос, касающийся регламентации правоотношений, связанных с взысканием процессуальных издержек, рассматривался такими учеными, как В.Н. Де-

мидов, Б.К. Нургазинов, К.Н. Емельянов, Н.А. Суховенко, однако в юридической науке не нашли достаточной проработки вопросы, связанные с применением института процессуальных издержек. Учитывая важность проблемы, эффективность реализации норм, регулирующих взыскание процессуальных издержек в практической деятельности органов, ведущих уголовный процесс, является актуальной. Сложность заключается в том, что до сих пор в юридической литературе нет единой точки зрения о понятии института процессуальных издержек, а также о содержании составляющих его элементов. Аналогичное мнение в данном вопросе высказали Т.А. Ханов и Ж.Р. Бекбанова [1, с. 19].

В связи с этим представляется необходимым анализ законодательства, регулирующего общественные отношения по поводу определения размера (исчисления) процессуальных издержек и порядка их взыскания. В соответствии с ч. 1 ст. 132 УПК РФ процессуальные издержки, понесенные при расследовании уголовного дела, подлежат взысканию в доход государства с осужденных либо возмещаются за счет средств федерального бюджета.

Изучение практики применения законодательства о взыскании процессуальных издержек показало, что суды этому вопросу не всегда уделяют должное внимание. Например, расходы на защитника (адвоката), который принимал участие в производстве предварительного следствия по защите подозреваемого (а затем обвиняемого), взыскиваются из федерального бюджета. Однако не всегда постановление о взыскании денежных средств имеется в уголовном деле. Следовательно, вопрос о взыскании процессуальных издержек с осужденного в обвинительном приговоре никак не решается. Как полагает А.Г. Прыткин, на этом этапе государственные деньги теряются, в большинстве случаев они могли быть взысканы с осужденного по приговору в порядке ст. 132 УПК РФ [2, с. 53].

Востребованность института процессуальных издержек обусловлена тем, что до постановления приговора нет и не может быть лица, обязанного возмещать причиненные расходы. До признания обвиняемого виновным в установленном законом порядке взыскивать с него про-

цессуальные издержки неправомерно. В связи с этим все расходы, возникающие в ходе производства по уголовному делу, возложены на государство, то есть с позиции экономического эффекта необходим определенный расчет данных сумм. В условиях необходимой экономии бюджетных расходов, в том числе на уголовное правосудие в целом, вопросы взыскания процессуальных издержек приобретают особую значимость. В данном контексте следует согласиться с мнением О.В. Полстовалова, что «российское уголовное судопроизводство не отвечает требованиям соразмерности затрат на осуществление той общественной опасности, которой характеризуется выявленная преступность» [3, с. 138]. Повышение качества осуществления уголовного судопроизводства, а также рациональная и разумная экономия бюджетных расходов законодателем должны быть учтены. Одним из основных путей решения проблемы является упрощение уголовно-процессуальной формы, что способствует укреплению принципа процессуальной экономии и снижению процессуальных издержек.

По мнению А.Ю. Смолина, обоснованным и рациональным является взыскание процессуальных издержек с осужденного (ч. 1, 2 ст. 132 УПК РФ), в том числе и освобожденного от наказания (ч. 2 ст. 132 УПК РФ), а также с лица, по жалобе которого было начато производство по уголовному делу частного обвинения в случае оправдания подсудимого, и с одной или обеих сторон при прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон (ч. 9 ст. 132 УПК РФ). В законодательной регламентации отдельных моментов взыскания процессуальных издержек и проявляется процессуальная экономия [4, с. 83].

Общепризнанным является положение, в соответствии с которым основным критерием объединения юридических норм в правовой институт является предмет правового регулирования, то есть общественные отношения, имеющие уголовно-процессуальную природу. Экстраполируя данное положение на правовую природу процессуальных издержек, можно отметить, что рассматриваемая разновидность общественных отношений характеризуется целостностью, специфич-

ностью, изложена в гл. 17 «Процессуальные сроки. Процессуальные издержки» раздела VI «Иные положения», что позволяет обособить их в самостоятельный уголовно-процессуальный институт. Предмет правового регулирования рассматриваемого института включает прежде всего отношения по исчислению процессуальных издержек, а также возложение по мотивированному решению органа, ведущего уголовный процесс, выплат процессуальных издержек на осужденного.

Сложность предмета правового регулирования института процессуальных издержек, по мнению Н.А. Сидоровой, заключается в специфике органа, ведущего уголовный процесс, — субъекта правоотношений, выступающего и как сторона, которая обязана возместить затраты, и как сторона, затраты которой должны быть возмещены [5, с. 12].

Согласно убеждениям Н.А. Суховенко, институт процессуальных издержек отличается фактической и юридической однородностью, что выражается в специфической группе понятий и терминов, общих положений [6, с. 79]. К таким понятиям и терминам относятся: «стоимость», «издержки», «затраты», «расходы», «выплата», «оплата» и др. Среди общих положений выделяются такие, как закрепленное в ч. 3 ст. 131 УПК РФ правило о том, что суммы, указанные в ч. 2 ст. 131 УПК РФ, выплачиваются по постановлению дознавателя, следователя, прокурора или судьи либо по определению суда; либо предусмотренное ч. 1 ст. 132 УПК РФ правило о том, что процессуальные издержки взыскиваются с осужденных или возмещаются за счет средств федерального бюджета.

Конституционным Судом Российской Федерации в определении от 12 ноября 2008 г. N 1074-О-П сформулирована правовая позиция, согласно которой процедура возмещения издержек из федерального бюджета, имеющая цель своевременной компенсации расходов участвующим в судопроизводстве лицам, может иметь упрощенный характер; а процедура взыскания издержек с осужденного должна гарантировать защиту его прав и соответствовать критериям справедливого судебного разбирательства: осужденному

должна быть предоставлена возможность довести до суда свою позицию по поводу суммы взыскиваемых издержек и своего имущественного положения*.

Однако в следственной и судебной практике имеют место случаи, когда процессуальные издержки не взыскиваются в связи с тем, что:

1) в материалах уголовных дел отсутствует постановление следователя о выплате тех или иных видов процессуальных издержек;

2) неправильно рассчитана оплата труда адвоката, участвующего в уголовном судопроизводстве по назначению;

3) постановления органов следствия об оплате труда адвоката не всегда являются мотивированными, в связи с этим отсутствуют указания на нормативные правовые акты, предусматривающие порядок оплаты труда адвоката по назначению;

4) не во всех справках к обвинительному заключению указывается вид и размер процессуальных издержек.

Следует согласиться с суждением Э.К. Кутуева о том, что взыскание процессуальных издержек, возлагаемых на признанного виновным в совершении преступления, — дополнительная санкция, применяемая за совершенное им преступление, имеет опосредованную связь с уголовной ответственностью, а не гражданско-правовая [7, с. 34]. Исходя из сказанного, нормы ст.ст. 131, 132 УПК РФ закрепляют принудительное взыскание с осужденного сумм, признанных процессуальными издержками. Для иллюстрации обозначенной ситуации обратимся к примеру из судебной практики.

Постановлением Шуйского городского суда Ивановской области о вознаграждении адвоката от 27 апреля 2016 г. с осужденной Ш. в доход федерального бюджета взысканы процессуальные издержки в сумме 22 540 рублей. Принимая решение об удовлетворении заявления адвоката о выплате ему вознаграждения в

* По жалобе гражданина Магденко Александра Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями статей 131 и 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 12 нояб. 2008 г. N 1074-О-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. N 2.

повышенном объеме, суд ссылаясь на наличие в уголовном деле 4 томов, предъявление обвинения по трем преступлениям.

По кассационной жалобе осужденной президиум Ивановского областного суда отменил постановление в части по следующим основаниям. В ходе рассмотрения уголовного дела государственный обвинитель заявил об отказе от обвинения Ш., в связи с чем судом вынесено постановление о прекращении уголовного дела в данной части на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Ш. осуждена лишь за одно преступление. Ввиду прекращения уголовного дела по обвинению в остальной части она подлежала реабилитации, что исключало взыскание с нее процессуальных издержек, связанных с данным обвинением.

Суд, принявший решение о взыскании с осужденной процессуальных издержек в полном объеме, допустил существенное нарушение ч. 5 ст. 132 УПК РФ, что повлекло отмену постановления в указанной части с передачей дела на новое рассмотрение в порядке ст.ст. 396, 397, 399 УПК РФ, в рамках которого суду рекомендовано также проверить и оценить сообщенные Ш. сведения о ее инвалидности, ограниченной способности трудиться, имущественной несостоятельности*.

Однако УПК РФ допускает отождествление возмещения и взыскания процессуальных издержек. Так, ст. 132 УПК РФ «Взыскание процессуальных издержек» определяет не порядок принудительного взыскания, а правила возмещения расходов. Как следствие, суды часто допускают нарушения уголовно-процессуального закона при взыскании процессуальных издержек. Данный вопрос неоднократно был и остается предметом обсуждения судом как апелляционной, так и кассационной инстанции. Наиболее распространенными нарушениями являются следующие:

1) вопреки требованиям ч. 7 ст. 132 УПК РФ суды (судьи) взыскивают с осуж-

денных процессуальные издержки, связанные с оплатой представителя, в солидарном порядке вместо долевого. Например, по приговору Магаданского городского суда Магаданской области от 28 октября 2011 г. постановлено взыскать с осужденных А., У. и Ш. в пользу потерпевших К. и Н. процессуальные издержки, связанные с оплатой представителя, в солидарном порядке**;

2) вопросы, связанные с взысканием процессуальных издержек, разрешаются в судебном заседании, но не всегда с соблюдением всех гарантированных УПК РФ прав осужденного. Например, постановлением Троицкого городского суда Челябинской области от 8 августа 2013 г. с осужденной К. взысканы в доход государства процессуальные издержки в сумме 4508 рублей. В апелляционном порядке постановление не обжаловалось.

Постановлением президиума Челябинского областного суда от 16 марта 2016 г. постановление суда первой инстанции изменено, исключено указание о взыскании с осужденной К. в доход федерального бюджета 4508 рублей в счет возмещения выплаченного адвокату В. вознаграждения. Как следовало из материалов уголовного дела, постановление о взыскании с К. средств, затраченных на оплату труда адвоката В., было вынесено судом в один день с провозглашением приговора. Согласно протоколу судебного заседания заявление адвоката о выплате ему вознаграждения в судебном заседании не оглашалось, вопрос о возможности взыскания с осужденной указанной в заявлении суммы не обсуждался, ее позиция по этому поводу не выяснялась***;

3) взыскание процессуальных издержек с осужденного, уголовное дело в отношении которого рассмотрено в особом порядке судебного разбирательства. Например, поскольку приговор в отношении Ш. был постановлен без проведения судебного разбирательства, в порядке,

* Постановление по делу N 44у-38/16 // Обзор законодательства и судебной практики Ивановского областного суда за четвертый квартал 2016 г. (утв. постановлением Президиума Ивановского областного суда от 13 янв. 2017 г.). URL: http://www.oblsud.ivanovo.ru/view.php?fn=content/suddoc/sudpraktika/uga2016_4

** Бюллетень Нижегородского областного суда. 2014. N 5. С. 43-44.

*** Обобщение судебной практики Челябинского областного суда за первый квартал 2016 г. (утв. постановлением президиума Челябинского областного суда от 11 мая 2016 г.). URL: <http://www.chel-oblsud.ru/>

предусмотренном главой 40 УПК РФ, то процессуальные издержки, связанные с оплатой вознаграждения защитнику – адвокату Н. за оказание осужденному юридической помощи на предварительном следствии и в суде, подлежат возмещению за счет средств федерального бюджета*;

4) возложение обязанности по возмещению суммы, подлежащей выплате адвокату, участвовавшему в деле по назначению суда, на подсудимого, в отношении которого не постановлен обвинительный приговор, является преждевременным и противоречит требованиям действующего законодательства**;

5) процессуальные издержки ошибочно взыскиваются в доход муниципального бюджета, а не федерального. Например, при постановлении приговора суд принял решение о взыскании с осужденного в доход районного муниципального образования суммы процессуальных издержек, которые были выплачены на оплату труда адвоката за счет средств федерального бюджета***;

6) неправильное рассмотрение судьями вопроса о взыскании процессуальных издержек с несовершеннолетних осужденных и их законных представителей. Так, в судебных заседаниях в отношении несовершеннолетних подсудимых необходимо в обязательном порядке выяснять их желание (отсутствие такового) иметь адвоката.

До принятия решения о взыскании с несовершеннолетнего осужденного процессуальных издержек в обязательном порядке необходимо выяснить у подсудимо-

* Постановление Президиума Восточно-Сибирского окружного военного суда от 11 дек. 2013 г. N 44У-3/2013. URL: <http://RosPravosudie.com>

** Бюллетень судебной коллегии по уголовным делам Липецкого областного суда 1 квартал 2014 г. (утв. постановлением Президиума Липецкого областного суда 24 апр. 2014 г.). URL: http://obsud.lpk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=2389

*** Определение от 8 авг. 2013 г. N 22-290/2013 // Обзор апелляционной и кассационной практики Верховного Суда Республики Калмыкия по уголовным делам за 2013 г. URL: http://vs.kalm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=277

го мнение относительно решения данного вопроса с отсылкой на конкретную денежную сумму, подлежащую взысканию. Аналогичное мнение должно быть также выяснено и у законных представителей****;

7) при оправдании подсудимых по одной из статей предъявленного обвинения либо исключении одного или нескольких эпизодов из обвинения необоснованно возлагают на осужденных процессуальные издержки по этому обвинению или по исключенным из обвинения эпизодам. Так, апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Ивановского областного суда изменено постановление Фрунзенского районного суда города Иваново о взыскании процессуальных издержек с Х. Вышестоящий суд, принимая во внимание, что из 25-ти преступлений, по которым было предъявлено обвинение, по двум Х. оправдана на основании п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ, в связи с отсутствием в деянии состава преступления, снизил размер подлежащих взысканию с Х. процессуальных издержек*****.

Следуя логике рассуждения, выделим еще одну особенность, позволяющую обособить юридические нормы в правовой институт и выявить взаимосвязь института взыскания процессуальных издержек с другими институтами:

– институтом следственных действий, проведение которых требует затрат, возмещение которых повлечет процессуальные издержки. Например, в состав процессуальных издержек не входят суммы, израсходованные на производство судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях. При невозможности производства судебной экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении, обслуживающем указанную территорию, экспертиза может

**** Обзор судебной практики рассмотрения судами Приморского края уголовных дел в отношении несовершеннолетних за 2012 г. URL: http://kraevoy.prm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=307

***** Справка о судебной практике применения законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам. URL: <http://pravo163.ru/spravka-o-sudebnoj-praktike-primeneniya-zakonodatelstva-o-processualnyx-izderzhkax-po-ugolovnym-delam/>

быть проведена государственными судебно-экспертными учреждениями, обслуживающими другие территории*;

— институтом частного обвинения, который является эффективным способом возмещения материальных расходов в ходе уголовного судопроизводства. Взыскание процессуальных издержек по делам частного обвинения осуществляется в общем порядке. Однако имеются исключения, характерные для данного вида уголовного преследования, прежде всего связанные с оправданием подсудимого по делам частного обвинения, а также с прекращением дел данной категории в связи с примирением сторон;

— институтом денежного взыскания, который также является эффективным способом пополнения федерального бюджета, за счет которого возмещаются процессуальные издержки в уголовном судопроизводстве.

Процессуальные нормы рассматриваемого института содержат проявления принципов уголовного судопроизводства:

— принципа процессуальной экономии — в регламентации отдельных моментов взыскания процессуальных издержек;

— принципа обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту — обязательное участие защитника (адвоката) на всех стадиях процесса, в том числе и бесплатно, за счет средств федерального бюджета;

— принципа публичности — решение о взыскании с осужденного процессуальных издержек должно приниматься после обсуждения в судебном заседании вопросов о возможности полного или частично освобождения от уплаты процессуальных издержек.

Полагаем, что институт взыскания процессуальных издержек является комплексным институтом уголовно-процессуального права, состоящим из правовых норм различных отраслей российского законодательства, в частности финансового, гражданского, трудового права и других отраслей права.

* Определение N 209-АПУ14-1 // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ N 2 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 июня 2015 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

На основе вышеизложенного можно отметить, что институт взыскания процессуальных издержек является самостоятельным правовым институтом уголовно-процессуального права.

Однако считать данный институт совершенным не представляется возможным. Неурегулированность, противоречивость отдельных положений приводят к сложным ситуациям в практической деятельности, а иногда и к судебным ошибкам. В судебной практике имеют место случаи, когда вопросы о взыскании и распределении процессуальных издержек рассматриваются по нормам гражданско-процессуального законодательства. Например, апелляционным постановлением Ивановского областного суда от 15 декабря 2014 г. отменено постановление судьи Заволжского районного суда Ивановской области от 21 октября 2014 г. Как указал суд апелляционной инстанции, из протокола судебного заседания следует, что фактически судебное заседание проведено по нормам ГПК РФ с разъяснением участникам процесса процессуальных прав, предусмотренных ст.ст. 35, 39, 48, 56, 68, 99-102, 158, 159, 167 и 231 ГПК РФ, что не соответствует закону, поскольку рассмотрение вопроса о взыскании процессуальных расходов при производстве по уголовному делу подлежит рассмотрению в порядке уголовно-процессуального законодательства**.

Еще одной значимой проблемой института взыскания является перечень расходов, подлежащих взысканию как процессуальных издержек, то есть определение предмета процессуальных издержек.

Закон предусматривает виды процессуальных издержек, то есть их состав (ч. 2 ст. 131 УПК РФ). Однако он оставляет перечень процессуальных издержек открытым (п. 9 ч. 2 ст. 131 УПК РФ), что дает возможность отнесения к числу процессуальных издержек любых затрат, связанных с производством по уголовному делу. Хотя законодатель и уточнил, что иные расходы должны быть предусмотрены процессу-

** Справка о судебной практике применения законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам. URL: <http://pravo163.ru/spravka-o-sudebnoj-praktike-primeneniya-zakonodatelstva-o-processualnyh-izderzhkax-po-ugolovnym-delam>

альным законом, тем не менее это не препятствует злоупотреблению правом на возмещение процессуальных издержек, а следовательно, и взысканию с обвиняемого. Взаимосвязь возмещенных государством расходов и взыскиваемых сумм, установленная ст.ст. 131 и 132 УПК РФ, исключает возможность широкого понимания процессуальных издержек, подлежащих взысканию с обвиняемого. Другими словами, не могут взыскиваться процессуальные издержки, если они не были возмещены. Соответственно, субъектом, получающим взыскиваемые суммы, может быть только государство, так как размер процессуальных издержек определяется исходя из фактически возмещенных государством расходов участникам уголовного судопроизводства. На это указал и Верховный Суд Российской Федерации: «процессуальные издержки взыскиваются в счет федерального бюджета, а не в пользу конкретных лиц или организаций»*.

Согласно п. 13 ч. 1 ст. 299 УПК РФ вопрос о процессуальных издержках подлежит разрешению в приговоре. Взыскание процессуальных издержек зависит от вида приговора (оправдательного или обвинительного). Если приговор обвинительный, то в силу УПК РФ суд вправе взыскать с осужденного издержки, кроме расходов: 1) на переводчика, так как право на помощь переводчика предоставляется бесплатно (ст. 18 УПК РФ); 2) на защитника, если обвиняемый (подозреваемый) заявил об отказе от защитника, но отказ не

был принят органами, ведущими процесс; 3) в случае вынесения приговора в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (ч. 4 ст. 316 УПК РФ); 4) если применен особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ).

Следует также отметить, что на законодательном уровне не четко урегулирован правовой статус участников уголовного процесса. В период рассмотрения вопроса и принятия решения о взыскании издержек обвиняемый является подсудимым, а на момент исполнения данного решения — осужденным. Необходимо совершенствование законодательства в данном вопросе.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

1. Проведенное исследование института взыскания процессуальных издержек позволяет определить его как обособленную группу юридических норм уголовно-процессуального права, регулирующих общественные отношения исчисления процессуальных издержек, взыскания процессуальных издержек с осужденного либо за счет средств федерального бюджета.

2. В настоящее время данный уголовно-процессуальный институт является противоречивым, требующим совершенствования на законодательном уровне.

3. Неурегулированность, несовершенство правового регулирования отдельных положений приводят к сложным ситуациям в практической деятельности, к нарушениям прав участников уголовного судопроизводства и влекут неоправданные расходы со стороны государства.

* Определение Верховного Суда РФ от 6 дек. 2011 г. N 69-О11-19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список литературы

1. Ханов Т.А., Бекбанова Ж.Р. Институт процессуальных издержек: нерешенные вопросы нового Уголовно-процессуального кодекса // Актуальные проблемы современности. 2015. N 2. С. 18-21.
2. Прыткин А.Г. Издержки... Процессуальных издержек // Судья. 2007. N 12. С. 53-54.
3. Полстовалов О.В. Об отдельных направлениях оптимизации расходов на российское уголовное правосудие // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2015. N 7-1. С. 137-141.
4. Смолин А.Ю. Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. 200 с.
5. Сидорова Н.А. Судебные издержки в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1978. 23 с.
6. Суховенко Н.А. Процессуальные издержки как институт уголовно-процессуального права // Вестник БДУ. Сер. 3. 2013. N 3. С. 77-81.
7. Кутуев Э.К. Уголовно-процессуальное принуждение в досудебных стадиях: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. 413 с.

References

1. Hanov T.A., Bekbanova Zh.R. Institut protsessual'nykh izderzhek: nereshennye voprosy novogo Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa [Institute procedural costs: pending issues the new Criminal procedure code]. Aktual'nye problemy sovremennosti – Actual problems of the present, 2015, no. 2, pp. 18-21.
2. Prytkin A.G. Izderzhki... Protsessual'nykh izderzhek [Costs Procedural costs...]. Sud'ya –Judge, 2007, no. 12, pp. 53-54.
3. Polstovalov O.V. Ob otchel'nykh napravleniyakh optimizatsii raskhodov na rossiyskoe ugolovnoe pravosudie [About separate directions of optimization of expenses in the Russian criminal justice]. Aktual'nye problemy prava i gosudarstva v XXI veke – Actual problems of state and law in the XXI century, 2015, no. 7-1, pp. 137-141.
4. Smolin A.Yu. Printsip protsessual'noy ekonomii v ugolovnom sudoproizvodstve. Kand. Diss. [The principle of procedural economy in criminal proceedings. Cand. Diss.]. Nizhniy Novgorod, 2010. 200 p.
5. Sidorova N.A. Sudebnye izderzhki v ugolovnom sudoproizvodstve. Avtoref. Kand. Diss. [Court costs in criminal proceedings. Autoabstract Cand. Diss.]. Leningrad, 1978. 23 p.
6. Suhovenko N.A. Processual'nye izderzhki kak institut ugolovno-processual'nogo prava [Procedural costs as the Institute of criminal procedural law]. Vestnik BDU – Bulletin of the BDU. Series 3. 2013, no. 3, pp. 77-81.
7. Kutuev E.K. Ugolovno-protsessual'noe prinuzhdenie v dosudebnykh stadiyakh. Dokt. Diss. [Criminal-procedural coercion in pre-trial stages. Doct. Diss.]. St. Petersburg, 2004. 413 p.

Раздел 9. Совершенствование правоохранительной практики

КОРНАКОВА С.В., KORNAKOVA S.V.,
кандидат юридических наук, доцент, Candidate of Legal Sciences,
Svetlana-kornakova@yandex.ru, associate professor,
Кафедра уголовного права, Svetlana-kornakova@yandex.ru
криминологии и уголовного процесса; Chair of criminal law,
Байкальский государственный criminology and criminal procedure;
университет, Baikal State University,
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11 Lenina St. 11, Irkutsk, 664003,
Russian Federation

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу полномочий следователя с точки зрения их соответствия декларируемой процессуальной самостоятельности данного участника уголовного судопроизводства. Автором критически оценивается реформирование российского уголовно-процессуального законодательства, в результате которого произошло существенное ущемление как процессуальной самостоятельности, так и независимости следователя. Наличие чрезмерной опеки над процессуальной деятельностью следователя в виде ведомственного контроля, прокурорского надзора и судебного контроля служит основанием для снижения инициативы следователя. Наибольшую критику вызывают ограничивающие процессуальную самостоятельность следователя полномочия руководителя следственного органа, роль которого, по мнению автора, должна заключаться в организации работы следователя, методическом и ресурсном обеспечении процесса расследования. Аргументируется, что зависимое положение следователя противоречит законодательству и создает условия для снижения его личной ответственности за принятые в ходе производства по уголовным делам решения. Сделан вывод о том, что наделение следователя процессуальной самостоятельностью является необходимым условием надлежащего обеспечения своевременного и законного производства по уголовному делу. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства должно идти по пути сокращения требующих согласования с руководителем следственного органа решений следователя.

Ключевые слова: следователь; процессуальная самостоятельность; прокурор; руководитель следственного органа.

PROCEDURAL AUTONOMY OF INVESTIGATOR: PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

Annotation. The article is devoted to the analysis of the investigator's powers from the point of view of their conformity with the declared procedural autonomy of this participant in criminal proceedings. The author critically evaluates the reform of the Russian criminal procedure legislation, the result of which was a significant infringement of both procedural autonomy and independence of the investigator. The excessive guardianship over the investigator's procedural activities in the form of the departmental control, prosecutor's supervision and judicial review serves as a basis for reducing the initiative of the investigator. The powers of the head of the investigative body, restricting the procedural independence of the investigator, are particularly critically estimated. According to the author's opinion, the task of the head of the investigative body should be to organize the work of the investigator and to provide methodical and resource support of the investigation process. It is argued that the dependent position of the investigator contradicts the legislation and creates conditions for reducing his (her) personal responsibility for the decisions taken in the course of criminal proceedings. It is concluded that ensuring the procedural autonomy of the investigator is a necessary condition for the proper provision of timely and legal criminal proceedings. Improvement of criminal procedure legislation should go towards reducing the investigator's decisions that require the approval of the head of the investigative body.

Keywords: investigator; procedural autonomy; prosecutor; head of the investigative body.

*Где следователь хорош,
там хороши и следствия,
где он плох – там плохи и они.*

П.Н. Обнинский

Понятие «следователь» является производным от слова «след», которое согласно Толковому словарю В.И. Даля означает «признак, примету чего-либо прошлого». В свою очередь, «следить» означает «идти по следам, искать или преследовать по приметам, наблюдать, узнавать обо всем, что до этого предмета относится», а «следствие – это следование; розыск по делу» [1, с. 1314]. Таким образом, буквальный смысл слова следователь – «идуший по следам, преследующий по приметам».

Исходя из того, что познание обстоятельств преступного события имеет ретроспективный характер и происходит преимущественно опосредованно, прошлое событие может быть восстановлено не иначе как по следам, оставленным в настоящем. В связи с этим, как точно отмечает А.Ф. Лубин, в процессе расследования уголовного дела, нельзя ничего познать-раскрыть без «следования по следам», поэтому метод «следования по следам» является единственным способом раскрытия преступлений [2, с. 27]. Исходя из этого, следователю принадлежит ведущая роль в процессе производства по уголовному делу, и именно он является центральной фигурой расследования.

Согласно действующему УПК РФ (п. 41 ст. 5, ст. 38) только следователь является должностным лицом, уполномоченным осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные законом.

Сущность и назначение следователя как властного должностного субъекта уголовно-процессуальных отношений вытекают из назначения всего уголовного судопроизводства и конкретизируются в тех задачах, которые решаются следователем в процессе производства по уголовному делу. К числу таких задач относятся:

- защита прав и интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;
- установление подлежащих доказыванию по уголовному делу обстоятельств посредством собирания, проверки и оценки доказательств;

- защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, что предполагает ограничения ее прав и свобод исключительно на основании оценки совокупности собранных, проверенных и оцененных следователем доказательств;

- обеспечение возмещения ущерба, причиненного преступлением;

- обеспечение безопасности субъектов, попавших в сферу уголовного судопроизводства.

Согласно п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь вправе в случаях и в порядке, установленных законом, давать органу дознания обязательные для исполнения указания и письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, аресте, производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении. Такие указания и поручения для органов дознания являются обязательными, поскольку следователь, обладая определенной властью по отношению к органу дознания, занимает более высокое положение.

Согласно действующему УПК РФ следователь, будучи процессуальной фигурой, наделенной властными полномочиями, независимо от ведомства, в котором он осуществляет производство по уголовному делу, независимо от занимаемой должности, сложности дела или его объема является процессуально самостоятельным лицом.

Следователь несет личную ответственность за своевременность, законность и обоснованность принимаемых им решений:

- о возбуждении уголовного дела по своей подследственности;

- принятии уголовного дела к своему производству;

- направлении хода расследования и производстве следственных и иных процессуальных действий по собиранию, проверке и оценке доказательств;

- применении мер процессуального принуждения либо, если этого требует закон, возбуждении ходатайства перед судом о принятии такого решения или истребовании согласия руководителя следственного органа.

Часть 1 ст. 17 УПК РФ, кроме этого, закрепляет положение, согласно которому следователь, в числе других субъектов доказывания, обладает правом свободной оценки доказательств по своему внутреннему убеждению на основании закона и совести.

Таким образом, в УПК РФ декларируется процессуальная самостоятельность следователя и его персональная ответственность за результаты расследования, которые призваны быть основной гарантией законности и обоснованности его действий и решений в ходе уголовного судопроизводства. Тем не менее в уголовно-процессуальной литературе обращается внимание на наличие проблем с обеспечением процессуальной самостоятельности и независимости следователя на практике, несмотря на их провозглашение в законе. По мнению ученых, произошедшие в связи с принятием Федерального закона от 5 июня 2007 г. N 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”» и в последующем «изменения полномочий руководителя следственного органа и прокурора, продиктованные, как заявлялось, заботой о совершенствовании правовых механизмов, обеспечивающих процессуальную самостоятельность следователя, привели к тому, что следователь стал еще более зависим от своего непосредственного руководителя, чем это было ранее» [3, с. 361; 4, с. 81]. В этом отношении особенно показательны противоречия между ст. 38 УПК РФ, закрепляющей процессуальную самостоятельность следователя, и ст. 39 УПК РФ, регламентирующей полномочия руководителя следственного органа, которая практически полностью упраздняет процессуальную самостоятельность первого.

Федеральный закон от 2 декабря 2008 г. N 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» продолжил тенденцию на ограничение процессуальной самостоятельности следователя, наделив руководителем следственного органа еще целым рядом дополнительных полномочий, таких как осуществление уголовного преследования; возбуждение уголовного дела; не-

посредственное рассмотрение сообщений о преступлениях и участие в их проверке; проведение допроса подозреваемого (обвиняемого) без принятия к своему производству уголовного дела при решении вопроса о даче следователю согласия на возбуждение перед судом ходатайства о производстве процессуальных действий.

По поводу последнего из перечисленных полномочий руководителя следственного органа в литературе высказываются особенно критичные замечания ученых. Например, В.А. Семенцов правомерно ставит вопрос по поводу причин, по которым законодателем дано право руководителю следственного органа дополнительно лично допрашивать подозреваемого (обвиняемого), если следователь процессуально самостоятелен и несет личную ответственность за ход и результат предварительного следствия. По его справедливому мнению, введенное законодателем процедурное правило не только неоправданно усложняет порядок производства предварительного следствия, но и в очередной раз ставит под сомнение продекларированную уголовно-процессуальным законом процессуальную самостоятельность следователя [3, с. 364].

В настоящее время в соответствии с законодательством следователь не вправе без согласования с руководителем следственного органа принять решение:

- о прекращении уголовного дела (п. 9 ч. 1 ст. 39 УПК РФ);
- об обжаловании решения прокурора, с которым он не согласен (п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ);
- о направлении прокурору дела с обвинительным заключением (ч. 6 ст. 220 УПК РФ);
- возбуждении перед судом ходатайства о даче согласия на проведение следственных действий (п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ);
- возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении досудебного соглашения с обвиняемым, выразившим согласие о сотрудничестве (ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ);
- возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 427 УПК РФ).

Таким образом, реформа органов предварительного следствия, имеющая благой целью, как провозглашалось, укрепление авторитета и процессуальной самостоятельности следователя, привела к противоположному результату. Следователь стал практически полностью зависим от руководителя следственного органа, полномочия которого значительно расширились и который в настоящее время соединяет в одном лице как процессуальные, так и административные полномочия по отношению к следователю. Между тем наличие административного характера отношений между следователем и руководителем следственного органа (прием на работу, перемещение, распределение отпусков, поощрения и взыскания и т.п.) ставит следователя в положение должностного лица, подчиненного своему начальнику, со всеми вытекающими из этого последствиями.

В связи с этим следует напомнить, что в соответствии с Концепцией судебной реформы 1991 г. следователь должен рассматриваться как центральная фигура расследования, независимая в своих решениях от лиц, занимающих определенное административное положение. В свою очередь, роль руководителя следственного органа должна заключаться в организации работы следователя, методическом и ресурсном обеспечении процесса расследования.

Кроме этого, необходимо учесть, что самостоятельность следователя ограничивается сохранившимися у прокурора надзорными полномочиями. По этой причине представляет интерес пример, имевший место в практике прокуратуры Новосибирской области, приведенный Ю.В. Козубенко.

В производстве у следователя Следственного комитета находилось уголовное дело по факту убийства В. В течение двух месяцев предварительного следствия были проведены допросы очевидцев, обнаруживших труп В., произведена судебно-медицинская экспертиза, наведены справки по месту жительства, сестра В. признана потерпевшей по делу. По истечении срока следствия следователь обратился к руководителю следственного органа с ходатайством о продлении срока, однако руководитель, видя, что дальнейшее

расследование бесперспективно, отменил своим постановлением постановление следователя о возбуждении уголовного дела и направил обратно следователю для принятия процессуального решения в порядке ст.ст. 144-145 УПК РФ. Следователь был вынужден принять решение об отказе в возбуждении уголовного дела, которое через три дня отменил прокурор. Следователь вновь принял решение об отказе в возбуждении уголовного дела (поскольку он не уполномочен отменять постановление руководителя), прокурор опять его отменил. Так повторялось неоднократно [5, с. 36].

Приведенный пример наглядно демонстрирует, что, исходя из положений действующего уголовно-процессуального закона, следователь не обладает реальной возможностью принимать решения по своему внутреннему убеждению (в данном случае – принять решение о продлении срока расследования), а вынужден подчиняться порой взаимоисключающим распоряжениям непосредственного руководителя и прокурора, осуществляющего надзор. При фактическом отсутствии у следователя свободы выбора при принятии значимых для расследования уголовного дела решений вряд ли можно ожидать от него должного осуществления своих процессуальных обязанностей.

Кроме этого, некоторыми авторами негативно оценивается предусмотренная законом регламентация судебного контроля за действиями и решениями следователя. По мнению А.В. Бабица, его чрезмерность не может отвечать публичным интересам, поскольку создает препятствия для должной реализации процессуальной самостоятельности следователя, не может обеспечить необходимый баланс между соблюдением законных прав участников предварительного расследования, с одной стороны, и эффективностью самого расследования – с другой [6, с. 11]. В связи с этим нельзя не отметить, что ряд норм уголовно-процессуального закона на практике приводит к явно чрезмерной опеке и излишнему контролю за деятельностью следователя. Речь идет о принятии следователем решений о производстве следственных и иных процессуальных действий, связанных с ущемлением или вторжением в сферу прав и свобод лично-

сти, которые гарантированы Конституцией Российской Федерации. Такие процессуальные действия, как известно, допустимы исключительно на основании судебного решения. Между тем, как требует действующий УПК РФ, прежде следователь должен получить согласие руководителя следственного органа на их производство. Как замечает В.А. Семенцов, вполне достаточно было бы судебной процедуры получения разрешения следователем на производство процессуальных действий, затрагивающих права и свободы личности, которая предусмотрена уголовно-процессуальным законом, без получения согласия на это руководителя следственного органа. По правомерному выводу указанного автора, содержание задач предварительного следствия и совокупность властных полномочий следователя позволяют с уверенностью утверждать, что ему, с учетом персональной ответственности за результаты расследования, не требуется согласование с руководителем следственного органа процессуальных действий, производимых на основании судебного решения, поскольку двойной контроль неоправданно усложняет процедурные правила производства, существенно затрагивая его независимость и процессуальную самостоятельность [3, с. 362-363].

Не совсем понятна также логика законодателя при сопоставлении норм, регламентирующих деятельность прокурора и руководителя следственного органа. Речь идет о положениях, закрепленных в п. 8 ч. 2 ст. 37 УПК РФ и в п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ, содержание которых непосредственно касается процессуальной деятельности следователя. Согласно указанным нормам следователь может обратиться в суд с ходатайством об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения, только с согласия руководителя следственного органа (п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ). В то же время участвовать в судебных заседаниях, рассматривающих указанные ходатайства, обязан прокурор (п. 8 ч. 2 ст. 37 УПК РФ), при этом если в отношении прокурора в ч. 4 ст. 108 УПК РФ законодатель использует глагол «обязан», то в отношении

руководителя следственного органа и следователя — словосочетание «вправе участвовать».

Непоследовательность законодателя проявляется и в том, что с основаниями об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу знакомится и подписывает ходатайство следователя руководитель следственного органа, но поддерживать это ходатайство в суде — обязанность прокурора, владеющего гораздо меньшим, по сравнению со следователем и руководителем следственного органа, объемом информации по конкретному уголовному делу. В связи с этим на практике часто имеют место ситуации, когда прокурор обязывает следователя, помимо организационного обеспечения данного мероприятия, еще и участвовать в судебном заседании, нередко заменяя прокурора, который не всегда способен с полным знанием дела обосновать ходатайство.

В результате, как отмечают А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский, на следователя вместе с непосредственным расследованием уголовного дела ложится дополнительная нагрузка по участию в судебном заседании со стороны обвинения, что вряд ли является обоснованным и целесообразным [7]. В данном случае логичнее и эффективнее было бы закрепление в законе положений о согласовании ходатайств следователя об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения, не с руководителем следственного органа, а с прокурором, позиция которого при участии в судебном заседании по рассмотрению указанных ходатайств была бы основана на его внутреннем убеждении.

Кроме этого, согласие руководителя следственного органа должно быть получено следователем и в иных указанных в законе случаях. К таким случаям относятся:

- 1) прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ);
- 2) прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ);
- 3) прекращение уголовного дела по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 28.1 УПК РФ);

4) прекращение уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 427 УПК РФ);

5) продление срока предварительного следствия либо установление дополнительного срока следствия (ст. 162 УПК РФ);

6) сохранение в тайне данных о личности участника следственного действия (ч. 9 ст. 166 УПК РФ);

7) направление прокурору обвинительного заключения, подписанного следователем (ч. 6 ст. 220 УПК РФ);

8) обжалование следователем решения прокурора о возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования, изменения объема обвинения (либо квалификации действий обвиняемых) или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков (ч. 4 ст. 221 УПК РФ);

9) направление прокурору мотивированного постановления следователя о возбуждении ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ).

Необходимо отметить, что практически во всех перечисленных случаях законодателем употребляется формулировка «следователь вправе», но одновременно следует ограничение — «с согласия руководителя следственного органа».

По мнению ученых, законодатель, устанавливая такое количество решений следователя, требующих согласований с руководителем следственного органа, по всей видимости, преследовал цель обеспечения должного качества, эффективности, полноты и объективности предварительного следствия. Тем не менее представляется очевидным, что никто, в том числе и руководитель следственного органа, лучше следователя не может вникнуть в сущность исследуемых обстоятельств совершенного преступления, оценить имеющуюся на каждом этапе расследования уголовного дела доказательственную информацию и на ее основе принять оптимально правильное решение. Но вместо этого следователь значительную часть процессуального срока расследования уголовного дела тратит на различного рода согласования [3, с. 362; 8, с. 112].

Таким образом, практически все значимые для расследования уголовного дела решения, принимаемые следователем в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законом, нуждаются в согласовании с судом и в предварительном одобрении руководителем следственного органа.

В связи с этим представляется справедливым вывод С.Д. Игнатова о том, что, по сути, следователя можно считать руководителем процесса расследования лишь до тех пор, пока принятые им решения по уголовному делу не будут изменены руководителем следственного органа. В результате процессуальная роль следователя при законодательно закрепленной коррекции его действий руководителем следственного органа, судом и прокурором сводится к простому техническому оформлению принятых указанными должностными лицами решений [9, с. 106].

Именно плотной опекой со стороны начальства и требованиями неукоснительного следования его указаниям, на наш взгляд, обусловлены содержащиеся в публикациях суждения о том, что такая опека — основа деятельности современных следователей. В частности, так считает В.М. Корнуков, по мнению которого, «многих следователей это положение устраивает, поскольку оно безответственное. За что отвечает следователь? Формально — за все. По общей норме — фактически ни за что» [10]. Приведенное суждение вряд ли справедливо по отношению ко всем следователям, но, видимо, у его автора есть основания для подобной оценки.

Между тем не следует игнорировать и иные точки зрения по поводу процессуальной самостоятельности и независимости следователя, которые имеются в юридических публикациях. Так, по данным исследований некоторых ученых, наличие надзора за следствием со стороны прокурора и руководителя следственного органа отнюдь не оказывает какого-либо отрицательного воздействия на процессуальную самостоятельность и независимость следователя. Заслуживает внимания позиция П.Г. Марфицина и А.А. Пронина, по мнению которых в рамках процессуальной деятельности о полной независимости субъекта говорить достаточно сложно

и следует учитывать многие факторы как объективного, так и субъективного характера, влияющие на принимаемые следователем решения. В частности, в первом случае следователь ориентируется не только на положения закона и обстоятельства отдельной криминальной ситуации, но и на поведение участников производства по уголовному делу, заявляемые ими ходатайства и жалобы, на складывающуюся правоприменительную практику, статистические показатели работы, общественное мнение и многое другое. Оградить следователя от такой объективно возникающей зависимости практически невозможно.

Но более значима, на наш взгляд, аргументация этих авторов по поводу факторов субъективного плана, проявляющихся в степени процессуальной самостоятельности следователя. Достаточно часто исследователи данной проблемы не принимают во внимание тот факт, что квалификационный уровень следователей (объем и глубина знаний, наличие профессиональных умений и навыков и пр.) не однороден. В связи с этим создаются модели универсальной независимости субъекта. Однако очевидно, что следователь-профессионал и следователь-новичок требуют различной степени подконтрольности. Более того, начинающий следователь должен быть даже заинтересован в том, чтобы его действия и принимаемые им решения, а также осуществляемое при этом усмотрение регулярно наблюдались, корректировались более опытным коллегой. Во избежание ошибок в расследовании такой следователь готов быть зависимым. Игнорирование подобных аспектов в рамках проводимых исследований, по мнению авторов, главным образом, и порождает разногласия в позициях ученых, в том числе по основному вопросу — каким должен быть следователь — зависимым или самостоятельным [11, с. 244].

Анализ практики, проведенный Х.Б. Бегиевым, также показал, что далеко не все следователи сразу, с первых же дней работы в следственных органах, способны самостоятельно и качественно проводить расследование по уголовным делам. Напротив, регулярные отчеты о проделанной работе руководителю следственного органа и получение от него указаний о на-

правлении хода расследования во многих случаях позволяют следователям избежать процессуальных нарушений и способствуют получению ими необходимого опыта следственной работы. В то же время негативной стороной подобного контроля может стать привыкание следователя к такому порядку профессиональной деятельности и, как следствие, может привести к его процессуальному иждивенству [12, с. 53-54]. И.В. Ткачев также выражает озабоченность по поводу положения следователя, указывая на то, что вследствие практически полной зависимости следователя от руководителя следственного органа может стать привычной ситуация, когда следователь при принятии решений будет руководствоваться не своим внутренним убеждением и законом, а мнением начальника [13, с. 25].

Уголовно-процессуальный закон не только обязывает следователя в ходе производства по уголовному делу самостоятельно определять направление расследования, принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий, руководствуясь при этом исключительно законом и внутренним убеждением, но и, во-первых, нести полную личную ответственность за законность и обоснованность принимаемых им процессуальных решений и, во-вторых, выполнять эту обязанность эффективно. Последнее утверждение следует из анализа положений ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ, содержащей требование о своевременности осуществления уголовного преследования, которая зависит, в частности, и от достаточности и эффективности действий следователя.

Не вызывает сомнения тот факт, что качество и эффективность производства предварительного расследования по каждому уголовному делу, прежде всего, должны находиться в непосредственной зависимости от профессиональных и нравственных качеств личности следователя, а лишь затем от профессионализма организатора работы в следственном органе — его руководителя. Только при наличии реальной процессуальной самостоятельности можно говорить о ведущей роли следователя в ходе производства по уголовным делам и считать его центральной фигурой расследования. В противном

случае вынесенное в качестве эпиграфа к данной статье суждение П.Н. Обнинского является не более чем красивой фразой. В настоящее время, по сути, не имеет большого значения, плох или хорош следователь, поскольку в согласовании нуждается большая часть принимаемых им решений.

На наш взгляд, любое ущемление процессуальной самостоятельности и независимости следователя влечет снижение его инициативы при расследовании уголовных дел, препятствует наиболее полному и своевременному производству необходимых следственных и процессуальных действий, создает условия для снижения его персональной ответственности за принимаемые решения и результаты расследования. Наделение следователя процессуальной самостоятельностью — это необходимое условие надлежащего обеспечения своевременного и законного производства по уголовному делу. Следователь должен

осуществлять производство предварительного следствия по уголовному делу в условиях абсолютной процессуальной самостоятельности, гарантированной УПК РФ, без необоснованного воздействия со стороны руководителя следственного органа, прокурора, иных должностных лиц органов государственной власти [14, с. 52; 15, с. 81]. В связи с этим совершенствование уголовно-процессуального законодательства должно идти по пути сокращения до разумных пределов решений следователя, требующих какого-либо согласования. Как компетентное должностное лицо, наделенное властными полномочиями, следователь должен быть независимым и самостоятельным в своих решениях и процессуальных действиях, при этом его основной обязанностью является обязанность действовать в строгих рамках уголовно-процессуального законодательства, не превышая своих полномочий и не злоупотребляя ими.

Список литературы

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М., 1955. 2716 с.
2. Лубин А.Ф. Криминалистические основы деятельности по расследованию преступлений: курс лекций. Н. Новгород: Нижегородская акад. МВД России, 2014. 201 с.
3. Семенцов В.А. Процессуальная самостоятельность следователя и процессуальное руководство // Актуальные проблемы применения норм уголовно-процессуального права при расследовании преступлений: сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. конф. Института повышения квалификации Следственного комитета России. М.: Буки-Веди, 2012. С. 360-364.
4. Корнакова С.В., Чубыкин А.В. Процессуальный статус прокурора в стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2015. 200 с.
5. Козубенко Ю.В. Источники антисистемы и каналы их проникновения в механизм уголовно-правового регулирования // Российский юридический журнал. 2013. N 2. С. 31-43.
6. Бабич А.В. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя как основа его статуса в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Саратов, 2012. 28 с.
7. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / под общ. ред. А.В. Смирнова. 4-е изд., доп. и перераб. 2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Участники современного российского уголовного судопроизводства: монография / отв. ред. Р.В. Мазюк; науч. ред. И.В. Смолькова. М.: Юрлитинформ, 2017. 440 с.
9. Игнатов С.Д. Статус следователя как субъекта уголовно-процессуального доказывания // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25. Вып. 2. С. 101-106.
10. Корнуков В.М. Процессуальные полномочия, профессиональное мастерство и ответственность следователя: взаимосвязь и перспективы совершенствования // Стратегии уголовного судопроизводства: материалы междунар. науч. конф., посвященной 160-летней годовщине со дня рождения проф. И.Я. Фойницкого. 11-12 октября 2007 г. (Санкт-Петербург). URL: <http://iuaj.net/modules.php?name=News&file=article&id=196> (дата обращения: 6 нояб. 2017 г.).
11. Марфицин П.Г., Пронин А.А. Основные направления оптимизации процессуальной самостоятельности следователя // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. N 5 (1). С. 242-245.
12. Бегиев Х.Б. Проблемы соотношения процессуальной самостоятельности следователя с процессуальным контролем руководителя следственного органа // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2011. N 1. С. 50-55.

13. Ткачев И.В. Современные проблемы реформирования досудебного производства в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2008. 29 с.
14. Мазюк Р.В. Процессуальный интерес следователя по взглядам профессора В.И. Шиканова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2015. N 2 (8). С. 46-56.
15. Мазюк Р.В. Процессуальные интересы участников уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. N 4 (18). С. 76-84.

References

1. Dal'V. Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language in 4 volumes. Vol. 1]. Moscow, 1955. 2716 p.
2. Lubin A.F. Kriminalisticheskie osnovy deyatelnosti po rassledovaniyu prestupleniy [Criminalistic bases of activity on investigation of crimes]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014. 201 p.
3. Sementsov V.A. Protsessual'naya samostoyatel'nost' sledovatelya i protsessual'noe rukovodstvo [Procedural independence of the investigator and procedural guidance]. Aktual'nye problemy primeneniya norm ugolovno-protsessual'nogo prava pri rassledovanii prestupleniy [Actual problems of application of norms of the criminal procedural law in the investigation of crimes]. Moscow, Buki-Vedi Publ., 2012. Pp. 360-364.
4. Kornakova S.V., Chubykin A.V. Protsessual'nyy status prokurora v stadii vozbuzhdeniya ugolovnogogo dela v rossiyskom ugolovnom protsesse [The procedural status of the prosecutor in the stage of initiating a criminal case in the Russian criminal trial]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. 200 p.
5. Kozubenko Yu.V. Istochniki antisistemy i kanaly ikh proniknoveniya v mekhanizm ugolovno-pravovogo regulirovaniya [Sources of the anti-system and channels of their penetration into the mechanism of criminally-legal regulation]. Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian legal journal, 2013, no. 2, pp. 31-43.
6. Babich A.V. Protsessual'naya samostoyatel'nost' i nezavisimost' sledovatelya kak osnova ego statusa v ugolovnom sudoproizvodstve. Avtoref. Kand. Diss. [The procedural independence of the investigator as the basis of his status in the criminal proceedings. Autoabstract Cand. Diss.]. Saratov, 2012. 28 p.
7. Smirnov A.V., Kalinovskiy K.B. Kommentarii k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii. Postateynnyy [Commentary to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The artwork]. Dostup iz spravochno-pravovoy sistemy "Konsul'tantPlyus" – Access from the reference and legal system "ConsultantPlus".
8. Uchastniki sovremennogo rossiyskogo ugolovnogogo sudoproizvodstva [Participants in modern Russian criminal justice]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2017. 440 p.
9. Ignatov S.D. Status sledovatelya kak sub'ekta ugolovno-protsessual'nogo dokazyvaniya [The status of an investigator as a subject of criminal procedural proof]. Vestnik Udmurtskogo universiteta – Bulletin of the Udmurt University, 2015, volume 25, edition 2, pp. 101-106.
10. Kornukov V.M. Protsessual'nye polnomochiya, professional'noe masterstvo i otvetstvennost' sledovatelya: vzaimosvyaz' i perspektivy sovershenstvovaniya [Procedural powers, professional skill and responsibility of the investigator: the relationship and prospects for improvement]. Strategies of criminal proceedings [Strategies for criminal justice]. Available at: <http://iuaj.net/modules.php?name=News&file=article&sid=196> (Accessed November 6, 2017).
11. Marfitsin P.G., Pronin A.A. Osnovnye napravleniya optimizatsii protsessual'noy samostoyatel'nosti sledovatelya [The main directions of optimizing the procedural independence of the investigator]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky, 2011, no. 5 (1), pp. 242-245.
12. Begiev Kh.B. Problemy sootnosheniya protsessual'noy samostoyatel'nosti sledovatelya s protsessual'nym kontrolem rukovoditelya sledstvennogo organa [Problems of correlation of procedural independence of the investigator with procedural control of the head of the investigative body]. Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011, no. 1, pp. 50-55.
13. Tkachev I.V. Sovremennye problemy reformirovaniya dosudebnogo proizvodstva v sootvetstvi s ugolovno-protsessual'nym zakonodatel'stvom Rossiyskoy Federatsii. Avtoref. Kand. Diss. [Modern problems of reforming pre-trial proceedings in accordance with the criminal procedure legislation of the Russian Federation. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2008. 29 p.
14. Mazuk R.V. Protsessual'nyy interes sledovatelya po vzglyadam professora V.I. Shikanova [The procedural interest of the investigator on the views of Professor V.I. Shikanov]. Sibirskiye ugolovno-protsessual'nyye i kriminalisticheskiye chteniya – Siberian Criminal Procedural and Criminalistic Readings, 2015, no. 2 (8), pp. 46-56.
15. Mazuk R.V. Protsessual'nyye interesy uchastnikov ugolovnogogo sudoproizvodstva [Procedural Interests of Participants in Criminal Proceedings]. Sibirskiye ugolovno-protsessual'nyye i kriminalisticheskiye chteniya – Siberian Criminal Procedural and Criminalistic Readings, 2017, no. 4 (18), pp. 76-84.

САЕТГАРЕЕВА А.А.,
Alis_bubin@rambler.ru
Прокуратура Октябрьского района г. Уфы,
450098, г. Уфа, ул. Российская, 92

SAETGAREEVA A.A.,
Alis_bubin@rambler.ru
Prosecutor's Office
of the Oktyabrsky district of Ufa,
Rossiyskaya St. 92, Ufa, 450098,
Russian Federation

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ ПРЕСТУПНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ (ПРЕСТУПНЫМ СООБЩЕСТВОМ)

Аннотация. Предмет доказывания по уголовному делу является научной и следственно-судебной проблемой, успешное решение которой позволит облегчить расследование и судопроизводство по уголовным делам о преступлениях, в том числе совершенных преступной организацией (преступным сообществом). Доказывание при разрешении подобных уголовных дел – это сложный процесс, осуществляемый с помощью системы действий по сбору доказательств о противоправной деятельности преступной организации (преступного сообщества). Субъекты доказывания, по мнению автора статьи, должны соблюдать соответствующие предмету доказывания по данной категории дел процессуально-правовые требования, такие как расследование целостного комплекса преступной деятельности преступного сообщества; необходимость доказывания деятельности организаторов преступного сообщества; доказывание факта системы договоренностей между участниками преступного сообщества; установление и доказывание общей для всех участников преступного сообщества цели, заключающейся в достижении общего для преступного сообщества преступного результата. Исходя из специфики преступления, предусмотренного статьей 210 Уголовного кодекса Российской Федерации, автор выделяет 17 фактов и обстоятельств, достоверное установление которых позволит объективно определить в отношении лица справедливую меру ответственности за совершенное им преступление.

Ключевые слова: преступление; преступная организация; преступное сообщество; уголовное дело; уголовный процесс; предмет доказывания; доказательство; юридический факт.

PECULIARITIES OF THE SUBJECT OF PROOF WHEN CONSIDERING THE CRIMINAL CASES INVOLVING CRIMES COMMITTED BY A CRIMINAL ORGANIZATION (CRIMINAL COMMUNITY)

Annotation. The subject of proof in a criminal case is a scientific and investigative and judicial problem, the successful solution of which will facilitate the investigation and criminal proceedings in cases concerning the crimes committed by a criminal organization (criminal community). Proving crimes committed by a criminal organization (criminal community) is a complex process carried out through the system of actions aimed at collecting evidence about the illegal activities of a criminal organization (criminal community). According to the author's opinion, the subjects of proving must comply with the procedural and legal requirements corresponding to the subject of proof in this specified category of cases, such as the investigation of the whole complex of criminal activities of the criminal community; the need to prove the activities of the organizers of the criminal community; proving the fact of the system of agreements between members of the criminal community; establishing and proving a common goal for all participants of the criminal community, which is to achieve a criminal result common to the criminal community. Basing on the nature of the crime, the liability for which is provided under article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation, the author identifies 17 facts and circumstances, which will allow to establish a fair measure of the person's liability for the crime committed by him/her.

Keywords: crime; criminal organization; criminal community; criminal case; criminal procedure; subject of proof; evidence; legal fact.

Необходимость рассмотрения проблем, связанных с предметом доказывания, обусловлена тем, что предмет доказывания по уголовному делу представляет

собой следственно-судебную проблему, корректная постановка и решение которой способны помочь во многих практических задачах расследования и судебного раз-

бирательства по уголовным делам о преступлениях, совершенных преступной организацией (преступным сообществом).

Круг вопросов, установленный в уголовно-процессуальном законе и обозначаемый в науке как предмет доказывания, во многом определяет «информационную основу» уголовного судопроизводства по анализируемой категории дел. Закрепленный в законе перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, определяет в необходимой и достаточной форме все действия*, которые осуществляются компетентными органами на предварительном следствии или в ходе судебного следствия по доказыванию вины субъекта преступления. В то же время нельзя понимать доказывание как движущую силу всего уголовного процесса. В научной литературе такой движущей силой признается иной феномен, а именно уголовное преследование. В связи с этим следует согласиться с Ю.В. Козубенко, который отмечает, что уголовное преследование «...приводит в движение весь процесс по конкретному уголовному делу, определяет содержание и направление производства по нему» [1, с. 103].

По мнению В.С. Балакшина, предмет доказывания есть круг юридически значимых обстоятельств, подлежащих установлению в ходе расследования и рассмотрения уголовного дела в целях принятия законных и обоснованных промежуточных и итоговых решений [2, с. 71]. Следовательно, есть основания утверждать, что предмет доказывания может рассматриваться как специфическая «методологическая рамка». С одной стороны, она ограничивает деятельность органов предварительного расследования, прокурора, а также деятельность суда, а с другой — направляет эту деятельность. Слово «деятельность» употреблено здесь именно в методологическом смысле, как строго нормированная процессуальным законом система необходимых процессуальных действий компетентных органов и уполномоченных должностных лиц по собира-

* Имеется в виду прежде всего способ собирания доказательств в соответствии с ч. 1 ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), т.е. производство следственных и иных процессуальных действий.

нию, исследованию, оценке доказательств по делам о преступлениях, совершенных преступной организацией (преступным сообществом). В этом отношении «методологическая рамка» предполагает четкую организованную систему процессуальных действий таких лиц, которые в соответствии с законом уполномочены осуществлять собирание информации, «сведений о фактах». Это следователь, дознаватель, орган дознания, прокурор** [3, с. 61-64], суд, осуществляющие уголовно-процессуальное доказывание «при участии иных участников уголовного судопроизводства в предусмотренном уголовно-процессуальным законом порядке» [4, с. 156].

В связи с этим ст. 73 УПК РФ может рассматриваться как своеобразный методологический «компас», направляющий работу по доказыванию, осуществляемому органами дознания, следствия, прокуратуры и судебными органами.

Анализ действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства дает основания утверждать, что предмет доказывания как отдельный правовой институт имеет сложную структуру, состоящую из пяти элементов***:

- 1) обстоятельства, предусмотренные ст. 73 УПК РФ;
- 2) обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии со ст. 421 УПК РФ;
- 3) обстоятельства, подлежащие установлению в соответствии со ст. 434 УПК РФ;
- 4) обстоятельства, связанные с исполнением приговора в соответствии с нормами главы 47 УПК РФ;
- 5) иные обстоятельства, не указанные в нормах УПК РФ, но предусмотренные нормами Особенной части УК РФ и УИК РФ.

** В научной литературе обращается внимание на ограниченные возможности прокурора по осуществлению доказывания на стадии предварительного расследования.

*** Важно иметь в виду, что в совокупности статьи 73, 421, 434 УПК РФ образуют такой перечень обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию при предварительном расследовании и судебном рассмотрении всех без исключения уголовных дел, независимо от присущих им особенностей, в том числе по делам о преступлениях, совершенных преступным сообществом.

Обращаясь к анализу императивной нормы, содержащейся в ст. 73 УПК РФ, можно отметить, что в ней законодатель определил обстоятельства, подлежащие доказыванию во всех случаях при осуществлении предварительного расследования. К таковым относятся:

«1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);

2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы;

3) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;

4) характер и размер вреда, причиненного преступлением;

5) обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния;

6) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;

7) обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания».

В 2014 году данная статья была дополнена пунктом 8, который определяет перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию. Это «обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со статьей 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации)»*.

Кроме того, согласно ч. 2 ст. 73 УПК РФ подлежат выявлению также обстоятельства, способствовавшие соверше-

нию преступления. Таковы общие указания действующего законодательства относительно предмета доказывания.

Относительно научных подходов следует заметить, что в уголовно-процессуальной литературе «сломано немало копий» вокруг проблемы доказательств и доказывания. В связи с этим заслуживает упоминания, например, мнение М.К. Треушников о том, что предмет доказывания может рассматриваться как фактический состав [5, с. 24].

Следует отметить также предложение А.В. Руденко о новой интерпретации доказывания как логико-информационного процесса, а также об определении доказывания как деятельности, включающей в себя работу с людьми — носителями информации [6, с. 6].

Заслуживает упоминания мнение Ю.К. Орлова, который, анализируя проблему теории доказывания — концепцию юридической истины, пытался обнаружить в ней определенные «пороки» [7, с. 15-19]. Однако эту попытку Ю.К. Орлова разрушить устои теории доказывания (сложившейся еще в советскую эпоху усилиями В.Д. Арсеньева и других ученых) нельзя признать успешной.

В настоящее время пристальное внимание представителей уголовно-процессуальной науки, изучающих рассматриваемую проблему, обращено на уточнение природы доказательств [8], поиск особенностей предмета доказывания в рамках отдельных институтов уголовного права или отдельно взятых составов преступлений.

С.В. Бурмагин утверждает, что суд в процессе доказывания по уголовному делу является полноценным участником процесса доказывания, имеет законные полномочия по собиранию доказательств, их исследованию, оценке. При этом подчеркивается, что суд осуществляет руководство процессом доказывания, с чем следует согласиться [9, с. 159-182]. В связи с этим возникает не решенный уголовно-процессуальной наукой вопрос о необходимости создания особого производства по делам об организованных группах и преступных сообществах в силу их сложности и трудности доказывания вины их участников. В частности, на этом настаивает Д.К. Канафин [10, с. 159-171].

* О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: федер. закон от 27 июля 2006 г. N 153-ФЗ: ред. от 28 июля 2014 г., 31 дек. 2014 г. // Рос. газ. 2006. 29 июля; URL: <http://pravo.gov.ru>

Однако с высказанным предложением сложно согласиться. Например, И.С. Смирнова отмечает, что производство по сложному уголовному делу не может быть отнесено к особым производствам, поскольку предмет процессуальной деятельности по делу рассматриваемой категории с учетом особенностей совпадает с типичным предметом доказывания в уголовном процессе (ст. 73 УПК РФ), является его неотъемлемой частью, а расследование и рассмотрение сложного дела осуществляется в связи с совершенными преступлениями (как и общественно опасными деяниями невменяемого) и имеет цели, означенные в ст. 6 УПК РФ [11, с. 66]. Аналогичной позиции придерживается Т.В. Орлова [12].

Таким образом, производство по уголовному делу о преступлениях, совершенных преступным сообществом не может быть отнесено к особым производствам.

Обратимся к выяснению вопроса о сущности предмета доказывания при разрешении уголовных дел о преступлениях, совершенных преступным сообществом. Как верно пишет О.С. Капинус, «чтобы успешно бороться с нарушениями, нужно понять их природу и причины» [13, с. 5]. Природа преступления – это его сущностные черты и основные юридические характеристики. Предположим, что группой лиц совершено несколько преступлений. В юридической науке это явление именуют соучастием [14].

Однако если уголовно-правовой анализ, направленный на раскрытие природы (сущности) данного явления, позволяет установить, что в рамках такого «соучастия» в составе преступной организации возникло и действовало несколько структурных подразделений, то такое правовое явление принимает вид преступного сообщества (преступной организации). Таким образом, познание природы явления позволяет исследователю точно, т.е. в соответствии с его юридической природой, осуществить познание главного в том или ином правовом явлении.

В связи с этим обратим внимание на следующее значимое обстоятельство. Доказывание по уголовным делам в отношении преступлений, совершенных преступной организацией (преступным сообществом), – это сложный процесс, осуществляемый с помощью системы действий по сбору

доказательств о противоправной деятельности преступной организации (преступного сообщества). В этом отношении лица, осуществляющие следствие, а также суд должны понимать сущность и закономерности преступного сообщества как социально-правового явления и в соответствии с этой сущностью вести работу по доказыванию [15, с. 277].

При осуществлении такой работы уполномоченным субъектам доказывания следует соблюдать ряд процессуально-правовых требований, учитывающих сущность предмета доказывания по указанной категории дел.

К таким общим требованиям по доказыванию преступной деятельности преступного сообщества относится следующее:

1) вести расследование не отдельно взятых эпизодов преступной деятельности преступных групп в целом, а целостного комплекса преступной деятельности преступного сообщества;

2) особое внимание при доказывании должно уделяться доказыванию преступной деятельности организаторов преступного сообщества;

3) важным требованием доказывания преступлений, совершенных преступным сообществом, является установление и доказывание факта предварительного согласия (системы договоренностей) между участниками преступного сообщества, а также доказывание содержания таких договоренностей вне зависимости от времени их заключения;

4) преступное сообщество – это такая форма объединения преступной деятельности их участников, при доказывании которой в качестве одной из первоочередных задач, стоящих перед органами, осуществляющими предварительное расследование, и судом, является установление и доказывание общей для всех участников преступного сообщества цели, заключающейся в стремлении достичь общего для преступного сообщества преступного результата.

На основе изложенного можно сформулировать следующую научную дефиницию, отражающую сущностные черты рассматриваемого явления.

Предмет доказывания при разрешении уголовных дел о преступлениях, совершенных преступной организацией (преступным

сообществом) — это предусмотренная нормами права типовая система юридических фактов и жизненных обстоятельств, подлежащих обязательному собиранию, фиксации, проверке и оценке уполномоченными органами и должностными лицами в целях установления всего круга обстоятельств, имеющих значение для принятия решений по уголовным делам о преступлениях, совершенных преступным сообществом.

В связи с этим возникает вопрос о типовой системе юридических фактов и жизненных обстоятельств, имеющих значение для принятия решений по уголовным делам о преступлениях, совершенных преступным сообществом. В уголовно-процессуальном праве эта система фактов и обстоятельств, как отмечено выше, сгруппирована законодателем по типам в ст. 73 УПК РФ. Однако специфика преступления, за которое ст. 210 УК РФ предусмотрена ответственность, диктует необходимость добавления новых, особых элементов в предмет доказывания. Таким образом, доказывание заключается в необходимости установления следующих фактов, образующих предмет доказывания по ст. 210 УК РФ:

1) создание преступного сообщества (преступной организации) в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений;

2) руководство преступным сообществом (организацией) и (или) входящими в него (нее) структурными подразделениями;

3) наличие в составе преступного сообщества не менее двух физических вменяемых лиц, достигших возраста привлечения к уголовной ответственности, совместность их действий;

4) наличие организатора или руководителя;

5) наличие внутренней структуры (подразделений со своим функционалом) и координации преступных действий;

6) устойчивость преступного сообщества;

7) наличие у участников умысла на совершение преступного деяния именно в составе преступного сообщества и общей цели — совершение тяжких или особо тяжких преступлений;

8) разработка планов совершения преступлений подразделениями преступного сообщества;

9) раздел сфер преступного влияния и дележ преступных доходов между подразделениями преступного сообщества;

10) участие членов преступного сообщества в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп;

11) наличие причинной связи между деятельностью каждого из участников преступного сообщества и наступившим единым для них общественно опасным результатом, наличие взаимной психологической связи (психоэмоционального) контакта между участниками преступного сообщества;

12) предварительное соглашение (устное или письменное) между членами преступного сообщества;

13) совместные действия лиц, участвующих в структурированных группах преступного сообщества под единым руководством; характер и степень участия каждого участника в группах (звеньях) преступного сообщества, наличие причинной связи между действиями каждого соучастника и общими для преступного сообщества преступными последствиями;

14) существование преступной иерархии, а также распределение между подразделениями преступного сообщества функций, наличие специализации в выполнении конкретных действий при совершении преступлений;

15) руководство преступным сообществом (организацией) или участие в нем, совершенные лицом с использованием своего служебного положения;

16) существование лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии преступного сообщества, а также обстоятельства, подтверждающие действия такого лица по созданию или руководству преступным сообществом (преступной организацией) либо координации преступных действий;

17) обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104.1 УК РФ, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для финансирования преступного сообщества (преступной организации).

Список литературы

1. Козубенко Ю.В. Уголовное преследование: деятельность по реализации норм права или одна из форм этой деятельности? // Правоведение. 2005. N 3. С. 100-111.
2. Балакшин В.С. Допустимость доказательств: понятие, правовая природа, значение, алгоритм оценки. Екатеринбург, 2013. 316 с.
3. Буглаева Е.А. Полномочия прокурора при осуществлении доказывания на стадии предварительного расследования // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2010. N 5 (19). С. 61-64.
4. Балакшин В.С. К вопросу о понятии и содержании получения доказательств в уголовном процессе // Правоведение. 2014. N 1 (312). С. 146-161.
5. Треушников М.К. Судебные доказательства. М.: Городец, 2004. 272 с.
6. Руденко А.В. Содержательная логика доказывания: монография. М.: Проспект, 2014. 280 с.
7. Орлов Ю.К. Современные проблемы доказывания и использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве: науч.-учеб. пособие. М.: Проспект, 2016. 175 с.
8. Баранова М.А. Признание доказательств недопустимыми в судебных решениях по уголовным делам: поиск критериев // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. N 1 (35). С. 122-127.
9. Бурмагин С.В. Статус и деятельность суда в уголовном процессе: учеб. пособие. М.: Проспект, 2016. 304 с.
10. Канафин Д.К. Проблемы процессуальной формы судопроизводства по делам об организованной преступности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 1997. 180 с.
11. Смирнова И.С. Критерии дифференциации основных уголовно-процессуальных производств // Вестник Омской юридической академии. 2015. N 1 (26). С. 65-69.
12. Орлова Т.В. Дифференциация форм судебного разбирательства в уголовном процессе Российского государства: монография. М.: Проспект, 2015. 112 с.
13. Капинус О.С. В контакте с регионами: взаимодействие науки и практики // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2010. N 5 (19). С. 3-11.
14. Калмыкова А.Б. Соучастие в преступлении: социальная и юридическая сущность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2010. 28 с.
15. Якимович Ю.К. Последние изменения уголовно-процессуального законодательства и проблемы уголовно-процессуального доказывания // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. N 4. С. 275-278.

References

1. Kozubenko Yu.V. Uголовное presledovanie: deyatel'nost' po realizatsii norm prava ili odna iz form etoy deyatel'nosti? [Criminal prosecution: activities to implement the rules of law or one of the forms of this activity?]. Pravovedenie – Jurisprudence, 2005, no. 3, pp. 100-111.
2. Balakshin V.S. Dopustimost' dokazatel'stv: ponyatie, pravovaya priroda, znachenie, algoritm otsenki [Admissibility of evidence: concept, legal nature, meaning, evaluation algorithm]. Ekaterinburg, 2013. 316 p.
3. Buglaeva E.A. Polnomochiya prokurora pri osushchestvlenii dokazyvaniya na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya [Powers of the prosecutor in the implementation of evidence at the stage of preliminary investigation]. Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii – Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2010, no. 5 (19), pp. 61-64.
4. Balakshin V.S. K voprosu o ponyatii i sodержanii polucheniya dokazatel'stv v ugovolnom protsesse [On the issue of the concept and content of obtaining evidence in the criminal process]. Pravovedenie – Jurisprudence, 2014, no. 1 (312), pp. 146-161.
5. Treushnikov M.K. Sudebnye dokazatel'stva [Judicial evidence]. Moscow, Gorodets Publ., 2004. 272 p.
6. Rudenko A.V. Soderzhatel'naya logika dokazyvaniya [Substantive logic of proof]. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 280 p.
7. Orlov Yu.K. Sovremennye problemy dokazyvaniya i ispol'zovanie spetsial'nykh znaniy v ugovolnom sudoproizvodstve [Modern problems of proof and use of special knowledge in criminal proceedings]. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 175 p.
8. Baranova M.A. Priznanie dokazatel'stv nedopustimymi v sudebnykh resheniyakh po ugovolnym delam: poisk kriteriev [Recognition of evidence inadmissible in judicial decisions in criminal cases: the search for criteria]. Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika – Legal science and law enforcement practice, 2016, no. 1 (35), pp. 122-127.
9. Burmagin S.V. Status i deyatel'nost' suda v ugovolnom protsesse [Status and activities of the court in criminal proceedings]. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 304 p.
10. Kanafin D.K. Problemy protsessual'noy formy sudoproizvodstva po delam ob organizovannoy prestupnosti. Kand. Diss. [Problems of procedural form of legal proceedings in cases of organized crime. Cand. Diss.]. Moscow, 1997. 180 p.

11. Smirnova I.S. Kriterii differentsiatsii osnovnykh ugovolno-protssesual'nykh proizvodstv [Criteria for differentiation of the main criminal procedural productions]. Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii – Bulletin of the Omsk Law Academy, 2015, no. 1 (26), pp. 65-69.

12. Orlova T.V. Differentsiatsiya form sudebnogo razbiratel'stva v ugovolnom protsesse Rossiyskogo gosudarstva [Differentiation of forms of legal proceedings in the criminal process of the Russian state]. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 112 p.

13. Kapinus O.S. V kontakte s regionami: vzaimodeystvie nauki i praktiki [In contact with the regions: the interaction of science and practice]. Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii – Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2010, no. 5 (19), pp. 3-11.

14. Kalmykova A.B. Souchastie v prestuplenii: sotsial'naya i yuridicheskaya sushchnost'. Avtoref. Kand. Diss. [Participation in crime: social and legal essence. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2010. 28 p.

15. Yakimovich Yu.K. Poslednie izmeneniya ugovolno-protssesual'nogo zakonodatel'stva i problemy ugovolno-protssesual'nogo dokazyvaniya [Recent changes in the criminal procedural legislation and the problems of criminal procedural proof]. Sudebnaya vlast' i ugovolnyy protsess – Judicial power and the criminal process, 2015, no. 4, pp. 275-278.

СЕРГЕЕВ М.В.,
schokscha1@mail.ru
Кафедра деятельности органов
внутренних дел в особых условиях;
Омская академия
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
644092, г. Омск, просп. Комарова, 7

SERGEEV M.V.,
schokscha1@mail.ru
Chair of the activities
of Internal affairs bodies
in special conditions;
Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Komarova Avenue 7, Omsk, 644092,
Russian Federation

ПОНЯТИЕ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ ПОЛИЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. В статье рассматривается история возникновения и развития патрульно-постовой службы полиции России, начиная с зарождения государства и до настоящего времени. Прослеживаются происходившие изменения задач службы: от предупреждения и пресечения нарушений требований санитарной и пожарной безопасности в средние века, борьбы с различными проявлениями революционного движения в XIX веке, затем защиты Советской России от врагов рабочих и беднейшего крестьянства до современной главной задачи — обеспечения общественного порядка и общественной безопасности на улицах, объектах транспорта и в иных общественных местах. Обосновывается необходимость нормативного закрепления определения понятия «патрульно-постовая служба», перечня подразделений, осуществляющих данную службу. В связи с тем, что наряду со строевыми подразделениями полиции к охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности привлекаются сотрудники других подразделений, предлагается дополнить Устав патрульно-постовой службы полиции положением о том, что им руководствуются все сотрудники органов внутренних дел, когда они участвуют в организации и несении патрульно-постовой службы или, находясь вне службы, принимают меры к пресечению преступлений и других правонарушений.

Ключевые слова: патрульно-постовая служба полиции; наряд полиции; охрана общественного порядка; обеспечение общественной безопасности; правоохранительная деятельность.

THE CONCEPT OF PATROL POLICE SERVICE: HISTORY AND NOWADAYS

Annotation. The history of the emergence and development of patrol police service in Russia, from the birth of the state to the present days, is considered in the article. The changes concerning the tasks of the service are traced: from preventing and suppressing violations of sanitary and fire safety in the Middle Ages, combating various manifestations of the revolutionary movement in the 19th century, protecting Soviet Russia from the enemies of the workers and the poorest peasantry to the modern main task of ensuring public order and public safety on the streets, transport facilities and in other public places. The necessity to fix the definition of the concept of "patrol police service" and the list of units performing patrol service in the Charter of the patrol police service is substantiated. Due to the fact that, along with the patrol service units, the employees of other divisions are also involved in protecting public order and ensuring public safety, it is proposed to supplement the Charter of the patrol police service with the provision that all employees of the internal affairs agencies are guided by it in case they participate in the organization and carrying out the patrol service or, being out of service, take measures to suppress crimes and other offenses.

Keywords: patrol police service; police squad; public order protection; ensuring public safety; law enforcement activity.

Основы современной структуры органов внутренних дел были заложены в далекие революционные годы. Однако если некоторые направления деятельности органов правопорядка тогда были обозначены впервые, то патрульно-постовая служба — одно из немногих направлений, отличающихся более давними традициями.

Потребность в обеспечении безопасности появилась одновременно с возникновением общества. Имеются исторические данные, свидетельствующие об организации охраны общественного порядка задолго до создания Министерства внутренних дел. Например, во времена Киевской Руси князя, а по их поручению — дружинники

и слуги занимались борьбой с преступностью на территории княжеств. К этой деятельности привлекались и свободные люди — общинники. В период развития русского феодального государства и раздробленности Руси прослеживается дальнейшее развитие структур, отвечавших за обеспечение охраны общественного порядка.

В «Наказе о градском благочинии» царя Алексея Михайловича от 30 апреля 1649 года наряду с положениями об организации пожарной охраны были закреплены первые нормативные основы охраны общественного порядка: «...и ездить в своем объезде по всем улицам и по переулкам, в день и в ночь, в беспрестани. А для береженья во всех улицах и по переулках росписать им решеточных прикащиков и сторожей; и по улицам и по переулкам в день и в ночь ходить и беречь накрепко, чтоб в улицах и в переулках бою и грабежу и корчмы и табаку и инаго никакого воровства и блудни не было. Да и того в улицах и в переулках беречь накрепко, чтоб воры нигде не жгли, и огня на хоромы не накинули, и у хором и у заборов с улицы ни у кого ни счем огня не подложили...» [1].

На этом этапе развития государства основной задачей постовой службы являлось предупреждение и пресечение пожаров. Охране общественного порядка уделялось значительно меньше внимания. Необходимо отметить, что до петровских реформ не было специальных полицейских учреждений, а их функции осуществлялись наряду с другими функциями управления (судебными, финансовыми, военными) центральными и местными органами власти (приказами, воеводами). Их деятельность регламентировалась Соборным уложением 1649 года, Указными книгами приказов — Тайных дел, Земского, Разбойного, Холопьяго и других, а также указами царя и Боярской думы.

Впоследствии, в результате реформ Петра I в России была создана полиция как постоянно действующий орган, назначены специальные чины регулярной полиции, отвечавшие за порядок на улицах и в других общественных местах. Главной задачей созданной Петром I полиции стала борьба с уголовной преступностью и охрана общественного порядка, а также обеспечение санитарной и пожарной безопасности.

Значительным этапом в развитии служб, призванных поддерживать общественный порядок, считается царствование императора Александра I, издавшего 8 сентября 1802 г. Высочайший Манифест, учреждавший в Российской империи 8 министерств, в том числе Министерство внутренних дел, из которого в 1811 году было выделено Министерство полиции. В 1819 году Министерство полиции упраздняется, его функции возвращаются Министерству внутренних дел.

16 января 1811 года Указом императора Александра I охранные формирования, подчиненные гражданскому начальству, были переданы в военное ведомство; правовой основой их деятельности стало «Положение о внутренней страже», утвержденное 3 июля 1811 года.

В целях определения социального статуса служащих наружных служб полиции и обеспечения надлежащего управления подразделениями 1 февраля 1817 года утверждено Положение «Об учреждении жандармов внутренней стражи», разработанное генералом от кавалерии А.А. Аракчеевым, возглавлявшим Государственный совет и Комитет министров. Жандармская стража включала в себя столичные дивизионы (штатной численностью 334 человека) и жандармские команды (31 человек) в 56 городах.

Впервые в России понятие «полицейская постовая служба» было использовано в Положении о столичной полиции 1838 года. В этот период характерным для деятельности городской полиции становится усиление наружной постовой службы, для чего во многих городах увеличивается число «полицейских будок» [2].

На этом этапе формирование и становление постовой службы происходило по территориальному принципу. Основное исполнительное звено полиции — участок во главе с приставом. В его подчинении находился один офицер, а также письмоводитель. Участок делился на околотки во главе с околоточными надзирателями, городскими постовой службы и полицейскими служащими [3, с. 132]. Основной задачей наряду с обеспечением охраны общественного порядка являлась борьба с различными проявлениями революционного движения.

Несущие постовую службу городские «...не должны стоять в одном месте, а обязаны ходить по всему протяжению своего поста и обращать внимание на проходящих и проезжающих, стараясь предупредить всякую опасность и прекратить каждый беспорядок в самом начале» [5, с. 10].

Такая организация постовой службы сохранялась до марта 1917 года, когда после ряда постановлений Временного правительства Министерство внутренних дел Российской империи перестало существовать как единая централизованная единица.

В постреволюционный период созданию структуры, отвечавшей за обеспечение общественного порядка в стране, уделялось большое внимание. На съезде заведующих городскими и губернскими управлениями милиции, проходившем в Москве 6-8 декабря 1918 года, была рассмотрена Инструкция милиционерам советской рабоче-крестьянской милиции [5], закреплявшая общие положения постовой службы; обязанности постового милиционера по обеспечению свободного и безопасного движения; обязанности в борьбе с преступлениями; обязанности по наблюдению за чистотой и порядком на площадях, улицах и во дворах; обязанности при несчастных случаях; обязанности по охране общественного порядка и спокойствия; сигналы свистком; запреты при несении постовой службы; требования к экипировке постового милиционера.

2 сентября 1923 года Приказом Центрального административного управления НКВД г. Москвы N 4 была объявлена Инструкция постовому милиционеру, регламентировавшая общие положения о постовой службе, права и обязанности постового милиционера. Именно эту дату принято считать днем образования подразделений патрульно-постовой службы*.

К лету 1926 года подразделения патрульно-постовой службы появились практически во всех городах. К этому времени была введена единая для сотрудников патрульно-постовой службы форма одежды,

* Об объявлении Дня образования патрульно-постовой службы милиции общественной безопасности Российской Федерации: приказ МВД России от 5 сент. 2002 г. N 866. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

установлен отличительный знак — белый металлический щит с названием участка и постовым номером.

К числу основных задач, стоящих перед подразделениями постовой службы на этом этапе, относилось:

1) беспрекословное исполнение приказов и распоряжений своих начальников;

2) строгое соблюдение дисциплины и порядка;

3) неуклонное слежение за исполнением гражданами директив, декретов, постановлений и распоряжений советской власти;

4) честность, трезвость, исполнительность и вежливость со всеми, а в особенности с городской и деревенской беднотой;

5) беспощадное подавление всяких выступлений против советской власти;

6) защита Советской России всеми силами и средствами от империалистов, белогвардейцев и других врагов рабочих и беднейшего крестьянства, выступая плечо к плечу с Красной Армией [6, с. 79-80].

В 20-30-е годы XX века из подразделений патрульно-постовой службы выделяются подразделения охраны и подразделения регулирования дорожного движения с отличной от патрульно-постовых подразделений подчиненностью, которые, выполняя специальные задачи, продолжали оставаться подразделениями, обеспечивающими общественный порядок и общественную безопасность на улицах и в иных общественных местах.

Позднее основные принципы и правовое положение патрульно-постовой службы были закреплены в Уставе патрульно-постовой службы милиции, утвержденном МВД СССР 20 июля 1974 года** (далее — Устав ППСМ 1974 года).

В Уставе ППСМ 1974 года были обозначены главные задачи патрульно-постовой службы: обеспечение общественного порядка; предупреждение, пресечение преступлений и других правонарушений; охрана социалистической собственности; охрана прав и законных интересов граждан, предприятий, организаций и учреждений от преступных проявлений и иных антиобщественных действий; активное

** Устав патрульно-постовой службы советской милиции. М., 1974.

участие в раскрытии преступлений и задержании преступников.

Обращают на себя внимание положения Устава ППСМ 1974 года, в соответствии с которыми силы патрульно-постовой службы включали:

- 1) объединенные подразделения наружной службы;
- 2) объединенные подразделения вневедомственной охраны;
- 3) оперативные и моторизированные части милиции;
- 4) подразделения дорожного надзора;
- 5) экипажи медицинских вытрезвителей и приемников-распределителей.

Уставом ППСМ 1974 года могли руководствоваться все работники милиции, а также лица рядового и начальствующего состава органов внутренних дел и военнослужащие внутренних войск МВД СССР при организации, несении патрульно-постовой службы или, находясь вне службы, в случае принятия мер к пресечению преступлений и других правонарушений.

18 января 1993 года принят новый Устав патрульно-постовой службы милиции общественной безопасности Российской Федерации* (далее – Устав ППСМ 1993 года), который закрепил главные задачи патрульно-постовой службы: обеспечение личной безопасности граждан; охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности; предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений; участие в раскрытии преступлений и задержании преступников.

Устав ППСМ 1993 года определил, что силами патрульно-постовой службы являются:

- 1) строевые подразделения милиции;
- 2) подразделения дорожно-патрульной службы ГАИ;
- 3) подразделения вневедомственной охраны при органах внутренних дел;
- 4) специальные моторизированные воинские части внутренних войск МВД России.

* О мерах по совершенствованию организации патрульно-постовой службы милиции (вместе с «Уставом патрульно-постовой службы милиции общественной безопасности Российской Федерации»): приказ МВД России от 18 янв. 1993 г. N 17 (утратил силу). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Как и ранее принятый нормативный правовой акт, Устав ППСМ 1993 года устанавливал, что им могут руководствоваться все сотрудники органов внутренних дел, участвующие в организации и несении патрульно-постовой службы, или, находясь вне службы, принимающие меры к пресечению преступлений и других правонарушений, а военнослужащие внутренних войск – при выполнении задач по охране общественного порядка.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, во-первых, на различных исторических этапах основными задачами патрульно-постовой службы являлись охрана общественного порядка, обеспечение общественной безопасности и пресечение правонарушений; во-вторых, к патрульно-постовой службе относились:

- 1) подразделения патрульно-постовой службы, которыми являлись объединенные подразделения наружной службы, строевые подразделения милиции;
- 2) подразделения вневедомственной охраны;
- 3) подразделения дорожно-патрульной службы;
- 4) специальные подразделения, такие как воинские части внутренних войск МВД России; оперативные и моторизированные части милиции; экипажи медицинских вытрезвителей и приемников-распределителей.

Кроме того, историко-правовой анализ показывает, что понятие «патрульно-постовая служба» является более широким (родовым) по отношению к более узкому (видовому) понятию «строевые подразделения патрульно-постовой службы», характеризующему лишь один из видов подразделений, осуществляющих патрульно-постовую службу.

В настоящее время основным нормативным правовым актом, регламентирующим деятельность патрульно-постовой службы полиции, является Устав патрульно-постовой службы полиции** (далее – Устав ППСП). В Уставе ППСП достаточно подробно раскрывается содержание де-

** Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции: приказ МВД России от 29 янв. 2008 г. N 80 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008. N 27.

тельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции, при этом в нем отсутствует определение как данного понятия, так и понятия «патрульно-постовая служба».

В Уставе ППСП подразделения дорожно-патрульной службы ГИБДД МВД России, подразделения и воинские части войск национальной гвардии, а также другие подразделения полиции названы в качестве взаимодействующих со строевыми подразделениями патрульно-постовой службы полиции. Означает ли это, что они перестали осуществлять патрульно-постовую службу?

В настоящее время службу по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в общественных местах осуществляют: строевые подразделения патрульно-постовой службы полиции; строевые подразделения дорожно-патрульной службы; подразделения и воинские части войск национальной гвардии (ранее подразделения вневедомственной охраны территориальных органов и воинские части внутренних войск МВД России); другие сотрудники органов внутренних дел, когда они участвуют в организации и несении службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в общественных местах, в том числе при проведении массовых мероприятий [7, с. 100].

При этом отдельные авторы подчеркивают, что Устав ППСП является единственным документом, регулирующим порядок несения патрульно-постовой службы, в том числе и для сотрудников войск национальной гвардии [9].

На широкий круг субъектов, применяющих положения Устава ППСП, обращают внимание и другие авторы. Например, В.В. Гордиенко отмечает: «Уставом руководствуются все сотрудники ОВД (полиции), когда они участвуют в организации и несении патрульно-постовой службы» [7, с. 105].

Практическая направленность деятельности нарядов строевых подразделений и воинских частей войск национальной гвардии, дорожно-патрульной службы позволяют утверждать, что эти подразделения наравне со строевыми подразделениями патрульно-постовой службы поли-

ции остаются основными силами полиции в обеспечении правопорядка на улицах и в иных общественных местах — основными силами патрульно-постовой службы.

Общими для строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции, строевых подразделений и воинских частей войск национальной гвардии и дорожно-патрульной службы ГИБДД продолжают оставаться: организационная структура — строевое подразделение (полк, батальон, рота, взвод, отделение); основная задача — охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности на улицах и в иных общественных местах; способ организации службы — посредством выставления нарядов по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Отличие заключается в применяемых методах, которые специфичны для каждого из рассматриваемых подразделений.

Большинство современных авторов термин «патрульно-постовая служба» рассматривают в двух значениях: как вид деятельности специальных нарядов полиции по охране общественного порядка, обеспечению безопасности и борьбе с преступностью и как совокупность аппаратов, частей и подразделений, осуществляющих охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности. Оба эти значения с разных сторон раскрывают содержание патрульно-постовой службы полиции [9, с. 239; 7, с. 98].

Используются и иные, более узкие формулировки, например: патрульно-постовая служба — это специальные наряды полиции с участием военнослужащих внутренних войск (патруль, патрульные группы и т.д.) и других специальных подразделений, обеспечивающие общественный порядок на закрепленной территории, в том числе на объектах транспорта и в других общественных местах [10, с. 388].

Д.Н. Бахрах полагает, что слово «служба» многогранно: «под ним понимается вид деятельности людей; ведомственное подразделение (служба уголовного розыска МВД); самостоятельное ведомство (федеральная служба судебных приставов, федеральная налоговая служба)» [11, с. 215].

Согласно словарю В. Даля, служба — это деятельность; жизнь для других; полез-

ное дело [12, с. 224]. В Словаре С.И. Ожегова служба определяется как «работа, занятие служащего, а также место его работы; специальная область работы; исполнение воинских обязанностей» [13, с. 636].

Сложное прилагательное «патрульно-постовая» указывает на форму (внешнее проявление) или направление деятельности службы. Применительно к патрульно-постовой службе — это исторически сложившееся указание на основной способ ее осуществления, а именно посредством выставления патрулей и постов. Несомненно, что организационно весь личный состав полиции, участвующий в охране общественного порядка, включается в наряды, подразделения и группы.

В перечень нарядов, формируемых в составе комплексных сил полиции по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности на основании ведомственных нормативных актов, кроме традиционных (патруль и пост), входят патрульная группа, стационарный пост полиции, группа немедленного реагирования, группа задержания, наряд сопровождения, контрольно-пропускной пункт, заслон, стационарный пост ДПС ГИБДД и другие наряды, формируемые в случае изменения оперативной обстановки или служебной необходимости [9, с. 325-330; 14, с. 329-331], при этом патруль и пост в связи со своей универсальностью остаются наиболее часто применяемыми видами нарядов.

Таким образом, проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам:

1. Признаки, характерные только для патрульно-постовой службы полиции:

— она является правоохранительной деятельностью по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности на улицах, объектах транспорта и в иных общественных местах (цель, место);

— осуществляется в форме специальных нарядов полиции, формируемых в соответствии с ведомственными нормативными правовыми актами (преобладающий способ);

— осуществляется преимущественно строевыми подразделениями полиции (организационное построение).

При этом, если первые два признака являются обязательными, то третий — факультативный. Он будет отсутствовать при привлечении к охране общественного порядка и безопасности в общественных местах сотрудников других подразделений полиции.

2. В настоящее время патрульно-постовая служба полиции — это правоохранительная деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности на улицах, объектах транспорта и в иных общественных местах, осуществляемая в форме специальных нарядов полиции, формируемых в соответствии с ведомственными нормативными актами, которую осуществляют преимущественно строевые подразделения полиции.

3. В связи с этим предлагаем внести изменения и дополнения в пункт первый Устава патрульно-постовой службы полиции, изложив его в следующей редакции:

«1. Патрульно-постовая служба полиции — это правоохранительная деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности на улицах, объектах транспорта и в иных общественных местах, осуществляемая в форме специальных нарядов полиции.

Настоящий Устав определяет порядок организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции.

Настоящим Уставом руководствуются все сотрудники органов внутренних дел, когда они участвуют в организации и несении патрульно-постовой службы или, находясь вне службы, принимают меры к пресечению преступлений и других правонарушений».

Предлагаемые изменения Устава ППСП позволят разрешить проблемные вопросы при осуществлении применения его положений сотрудниками, которые задействуются в организации и несении службы по охране общественного порядка и безопасности в общественных местах и не относятся к строевым подразделениям патрульно-постовой службы полиции, а также создадут предпосылки для дальнейшей систематизации ведомственного законодательства, регламентирующего деятельность патрульно-постовой службы полиции.

Список литературы

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 1. СПб., 1830.
2. Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://mvd.ru/history/1802_1917 (дата обращения: 15 марта 2017 г.).
3. Справочная книга для чинов полиции / сост. А. Букуновский. М., 1900. 294 с.
4. Инструкция городovým Московской полиции. М.: Типография при Канцелярии Московского Обер-Полицеймейстера, 1883. 55 с.
5. Инструкция об организации Советской рабоче-крестьянской милиции // Сборник законодательных документов по вопросам организации и деятельности советской милиции (1917-1934 гг.). М., 1967. С. 14-16.
6. Еропкин М.И., Кузнецова А.А. Становление советской милиции: учеб. пособие. Горький, 1979. 96 с.
7. Гордиенко В.В. Организация деятельности служб и подразделений полиции по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности: учебник для студентов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М., 2014. 463 с.
8. Сальников В.П., Борисов О.С., Кондрат Е.Н. Комментарий к Федеральному закону от 03.07.2016 N 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (постатейный). М.: Юстицинформ, 2016.
9. Административная деятельность полиции: учебник / под ред. Ю.Н. Демидова. М., 2014. 527 с.
10. Энциклопедия МВД России. М., 2002.
11. Бахрах Д.Н., Татарян В.Г. Административное право России: учебник. М., 2009. 608 с.
12. Даль В. Толковый словарь живого русского языка. Т. 4. М., 1991. 683 с.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1985. 797 с.
14. Административная деятельность полиции: учеб. пособие. М., 2014. 680 с.

References

1. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sbranie 1 [Complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting 1. Volume 1]. St. Petersburg, 1830.
2. Ministerstvo vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii: ofitsial'nyy sayt [Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: official website]. Available at: https://mvd.ru/history/1802_1917 (Accessed 15 March 2017).
3. Spravochnaya kniga dlya chinov politsii [A reference book for police officers]. Moscow, 1900. 294 p.
4. Instruksiya gorodovym Moskovskoy politsii [Instructions to the city police of the Moscow police]. Moscow, Typography at the Chancery of the Moscow Ober-Police Master, 1883. 55 p.
5. Instruksiya ob organizatsii Sovetskoy raboche-krest'yanskoy militsii [Instructions on the organization of the Soviet workers 'and peasants' militia]. Sbornik zakonodatel'nykh dokumentov po voprosam organizatsii i deyatel'nosti sovetskoy militsii (1917-1934 gg.) [Collection of legislative documents on the organization and activities of the Soviet militia (1917-1934)]. Moscow, 1967. Pp. 14-16.
6. Eropin M.I., Kuznetsova A.A. Stanovlenie sovetskoy militsii [Formation of the Soviet militia]. Gorky, 1979. 96 p.
7. Gordienko V.V. Organizatsiya deyatel'nosti sluzhb i podrazdeleniy politsii po okhrane obshchestvennogo poriyadka i obespecheniyu obshchestvennoy bezopasnosti [Organization of the activities of police services and units for the protection of public order and ensuring public safety]. Moscow, 2014. 463 p.
8. Sal'nikov V.P., Borisov O.S., Kondrat E.N. Kommentariy k Federal'nomu zakonu ot 03.07.2016 N 226-FZ «O voyskakh natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii» (postateyny) [Commentary to the Federal Law of 03.07.2016 No. 226-FZ "On the troops of the National Guard of the Russian Federation" (itemized)]. Moscow, Yusticinform Publ., 2016.
9. Administrativnaya deyatel'nost' politsii [Administrative activity of the police]. Moscow, 2014. 527 p.
10. Entsiklopediya MVD Rossii [Encyclopedia of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Moscow, 2002.
11. Bakhrakh D.N., Tataryan V.G. Administrativnoe pravo Rossii [Administrative law of Russia: a textbook]. Moscow, 2009. 608 p.
12. Dal' V. Tolkovyy slovar' zhivogo russkogo yazyka. Tom 4 [Explanatory dictionary of the living Russian language. Volume 4]. Moscow, 1991. 683 p.
13. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka: Ok. 57 000 [Dictionary of the Russian language: About 57 000 words]. Moscow, 1985. 797 p.
14. Administrativnaya deyatel'nost' politsii [Administrative activity of the police]. Moscow, 2014. 680 p.

Раздел 10. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

КУПИН А.Ф., кандидат юридических наук, alexcrim@rambler.ru Кафедра юриспруденции, интеллектуальной собственности и судебной экспертизы; Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, 105005, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, 5/1	KUPIN A.F., Candidate of Legal Sciences, alexcrim@rambler.ru Chair of jurisprudence, intellectual property and forensic examination; Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, 2 nd Baumanskaya St. 5/1, Moscow, 105005, Russian Federation
---	--

БАРИНОВА О.А., кандидат юридических наук, ol.bondarencko2011@yandex.ru Кафедра криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности; Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 400089, г. Волгоград, ул. Историческая, 130	BARINOVA O.A., Candidate of Legal Sciences, ol.bondarencko2011@yandex.ru Chair of criminalistic technique of the training and scientific complex of forensic activities; Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Istoricheskaya St. 130, Volgograd, 400089, Russian Federation
--	---

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОДИТЕЛЬСКИХ УДОСТОВЕРЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ

Аннотация. Статья посвящена исследованию водительских удостоверений в рамках технико-криминалистической экспертизы документов. Рассмотрена экспертная методика исследования защищенной полиграфической продукции, а также трудности, с которыми сталкиваются эксперты в процессе решения поставленных задач. Особое внимание уделяется проблеме исследования водительских удостоверений иностранных государств, сравнительные образцы которых отсутствуют в экспертных подразделениях Российской Федерации. Обозначены пути ее решения, заключающиеся в установлении соответствия спорного водительского удостоверения нормативному и техническому описанию, изложенному в нормативных правовых документах. Приведен перечень требований, предъявляемых к водительским удостоверениям Российской Федерации, Республики Беларусь, Украины, Республики Казахстан, Французской Республики, Республики Польша, с указанием комплекса элементов защиты от их подделки. Установлено сходство элементов защиты водительских удостоверений Российской Федерации и Республики Беларусь. Отмечено, что большинство водительских удостоверений иностранных государств снабжено микрочипами, выступающими в качестве дополнительного средства защиты данного документа от подделки. Сделан вывод о необходимости проведения их комплексного исследования с привлечением экспертов, обладающих специальными знаниями в области компьютерной экспертизы, для установления соответствия сведений, указанных в документе и микрочипе (штрих-коде).

Ключевые слова: водительское удостоверение; экспертная методика; техническое описание; элементы защиты; электронный чип; технико-криминалистическая экспертиза документов.

SOME ASPECTS OF THE STUDY OF DRIVING LICENSES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES

Annotation. The article is devoted to the study of driving licenses within the framework of technical and forensic examination of documents. The expert technique of the research of the protected polygraphic production, as well as the difficulties faced by the experts during the process of solving

the set tasks, is considered. Particular attention is paid to the problem of studying driving licenses of foreign countries, the comparative samples of which are not at the disposal of the expert divisions of the Russian Federation. The author indicates the ways of this problem solution, consisting in establishing the compliance of the controversial driver's license with the regulatory and technical description fixed in the regulatory legal documents. The list of requirements for driver's licenses of the Russian Federation, the Republic of Belarus, Ukraine, the Republic of Kazakhstan, the French Republic and Poland is given, the complex of elements protecting them against the forgery is specified. The similarity of the elements of protection of driving licenses of the Russian Federation and the Republic of Belarus is established. It is noted that most of the driving licenses of foreign countries are equipped with microchips serving as an additional means of protecting this document from forgery. It is concluded that it is necessary to carry out their complex research involving the participation of the experts with special knowledge in the field of computer expertise in order to establish the compliance of information specified in the document and the microchip (barcode).

Keywords: driver's license; expert methodology; technical specification; protection elements; electronic chip; technical and forensic examination of documents.

В настоящее время наблюдается рост количества уголовно наказуемых посягательств, совершаемых с использованием документов, снабженных специальными средствами защиты от подделки. К их числу относятся и водительские удостоверения. Это связано с тем, что современные технические устройства, применяемые преступниками при изготовлении водительских удостоверений, позволяют добиться достаточно высокой степени их сходства с подлинными документами. При этом преступниками совершенствуются приемы и методы их подделки, растет «профессионализм» лиц, занимающихся их изготовлением. Указанное обстоятельство вызывает затруднения в установлении факта фальсификации документа лицами, не обладающими специальными познаниями.

Эффективность расследования преступлений, связанных с подделкой защищенной полиграфической продукции, во многом зависит от наличия научно-методической базы технико-криминалистической экспертизы документов, в рамках которой устанавливается, был ли выполнен спорный документ (водительское удостоверение) на предприятии, изготавливающим эту продукцию, или нет.

В соответствии с методикой исследования защищенной полиграфической продукции первоначально изучается документ в целом и его реквизиты — назначение и содержание, в целях определения смысловой и логической связи между реквизитами (текст, дата изготовления документа, наименование органа, его выдавшего) и сведениями, изложенными в оттиске печати (штампа), и др. Затем устанавливается

наличие либо отсутствие элементов защиты (водяных знаков, защитных сеток, скрытых изображений, защитных нитей, микроволокон, голограмм, оптически-переменных элементов, микроперфорации, микротекста и др.), определяются способы и виды печати, которые применялись для изготовления документа, вызывающего сомнения в подлинности, и их соответствие образцам, изготовленным на соответствующем заводе-изготовителе в определенный период времени. В случае выявления хотя бы одного различия, например несоответствия виду печати какого-либо реквизита либо отсутствия элемента защиты, эксперт вправе уже на основании этих сведений прийти к выводу о том, что документ выполнен не на предприятии, осуществляющем выпуск защищенной полиграфической продукции. В этой ситуации наличие сравнительного образца не является обязательным, достаточно знать о технологиях изготовления защищенной полиграфической продукции [1].

Основным источником, устанавливающим элементы, которые должны присутствовать на национальном водительском удостоверении, является Конвенция о дорожном движении (Вена, 8 ноября 1968 г.)*, подписанная большинством государств (всего 82 страны). В соответствии с конвенцией водительское удостоверение должно быть изготовлено из бумаги или пластика, размер — 54 x 86 мм; предпочтительный цвет — розовый. На лицевой

* Конвенция о дорожном движении (Вена, 8 ноября 1968 г.) (с изм. от 28 сент. 2004 г.) (вместе с «Техническими условиями, касающимися автомобилей и прицепов») // Бюллетень международных договоров. 2008. N 1.

части водительского удостоверения наносятся слова «Водительское удостоверение» на национальном языке страны, в которой оно выдано, а также отличительный знак или название страны. До недавнего времени обязательным реквизитом было наличие на лицевой стороне документа текста на французском языке «permis de conduire». В настоящее время, в связи с внесением поправок в Конвенцию о дорожном движении, этот элемент не является обязательным. Во всех национальных водительских удостоверениях в императивном порядке должны быть изложены следующие сведения (см. Приложение 6 Конвенции о дорожном движении):

- 1) фамилия;
- 2) имя и отчество (в этом пункте может указываться фамилия отца или мужа);
- 3) дата и место рождения (если дата рождения неизвестна, то указывается приблизительный возраст на дату выдачи удостоверения. Если место рождения неизвестно, то оно не указывается. Вместо места рождения могут указываться другие сведения, определяемые национальным законодательством);
- 4) место жительства (указание места жительства необязательно);
- 5) орган, выдавший удостоверение;
- 6) дата и место выдачи удостоверения;
- 7) дата окончания действия удостоверения (указывать не обязательно, если срок действия удостоверения не ограничен);
- 8) номер удостоверения;
- 9) подпись и (или) штамп или печать органа, выдавшего удостоверение;
- 10) подпись владельца или отпечаток большого пальца;
- 11) категория или категории либо подкатегории транспортных средств, на которые распространяется это удостоверение, с указанием даты выдачи удостоверения и даты окончания действия для каждой из этих категорий.

Кроме того, в водительских удостоверениях могут быть расположены дополнительная информация или ограничения в кодированном виде, касающиеся каждой категории (подкатегории) транспортных средств. К водительскому удостоверению также должна прилагаться фотография его владельца.

Следует отметить, что в положениях Конвенции отсутствуют сведения об элементах защиты водительского удостоверения.

Европейским парламентом и Советом Европейского Союза 20 декабря 2006 г. принята Директива 2006/126/ЕС о водительских удостоверениях, в соответствии с которой необходимо «...устранить существующие различия в правилах, установленных на территории государств-членов, и установить единообразный образец национального водительского удостоверения...»*. Кроме того, в директиве изложены рекомендации по внешнему виду водительских удостоверений, перечню сведений и элементах защиты. К последним относится:

1) использование в качестве основы бланка водительского удостоверения материала, не обладающего выраженной собственной люминесценцией в ультрафиолетовых лучах;

2) применение в дизайне полиграфического оформления документа элементов защиты, препятствующих сканированию и копированию, а именно:

– использование радужной печати – ирисового раската красок;

– использование многоцветной печати защитными красками;

– использование позитивных и негативных гильоширных изображений;

– неиспользование цветов из системы CMYK, поскольку используемые цвета должны препятствовать цветоделению;

– выбор не менее двух специальных составных цветов;

– использование микротекстов;

3) использование специальных средств защиты от фальсификации фотографии, а именно оптических переменных красок и частичное нанесение в зоне выполнения фотографии защитной фоновой сетки;

4) использование лазерной гравировки для внесения персональных данных и, как вариант, дублирования фотографии.

Кроме того, для защиты водительских удостоверений должно быть использовано не менее трех из приведенных

* Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

ниже средств защиты (дополнительные средства защиты):

- *цветопеременные краски**;
- *термохромные (термопеременные) краски;*
- *индивидуальные голограммы;*
- *использование лазерных изображений;*
- *флуоресцентные ультрафиолетовые чернила для печати видимых и «невидимых» изображений;*
- *радужная печать;*
- *цифровые водяные знаки в фоновом режиме;*
- *ИК-краски или фосфоресцирующие краски;*
- *тактильно определяемые символы.*

Национальное законодательство той или иной страны может устанавливать нормы о внесении в удостоверения дополнительных сведений, а также размер и тип переплета удостоверения.

Рассматривая водительские удостоверения Российской Федерации, следует отметить, что в соответствии с приказом Министерства финансов Российской Федерации от 7 февраля 2003 г. N 14н**, а также ГОСТом Р 54109-2010 «Защитные технологии. Продукция полиграфическая защищенная. Общие технические требования»*** защищенная продукция, выпускаемая с 2010 года, должна содержать следующие выходные данные: наименование изгото-

* Выделенные курсивом средства защиты носят обязательный характер, так как позволяют сотрудникам правоохранительных органов любых государств производить проверку действия карты без каких-либо специальных средств.

** Технические требования и условия изготовления защищенной полиграфической продукции Министерства финансов Российской Федерации: приложение N 3 к приказу Министерства финансов Российской Федерации от 7 февр. 2003 г. N 14н «О реализации Постановления Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2002 г. N 817» // Рос. газ. 2003. 19 марта. N 51.

*** ГОСТ Р 54109-2010. Национальный стандарт Российской Федерации. Защитные технологии. Продукция полиграфическая защищенная. Общие технические требования (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 21 дек. 2010 г. N 803-ст). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вителя (полное и сокращенное), его местонахождение (город), год изготовления документа и обозначение уровня защищенности. Так, водительские удостоверения Российской Федерации относятся к документам, имеющим степень защищенности «Б». Следовательно, бланк водительского удостоверения должен соответствовать техническому описанию уровня «Б», изложенному в настоящем приказе и ГОСТе.

В настоящее время в Российской Федерации действует несколько образцов водительских удостоверений, выпущенных до и после 2013 года. Наибольший интерес с точки зрения наличия и сложности средств защиты от подделки вызывают документы нового образца, оборот которых осуществляется в соответствии с приказом МВД России от 13 мая 2009 г. N 365 «О введении в действие водительского удостоверения»****. Эти водительские удостоверения изготавливаются в виде пластиковой карты (с закругленными углами), размеры сторон — 85,6 x 54 мм.

На лицевой и оборотной стороне водительского удостоверения есть защитная фоновая сетка, которая имеет плавный переход из голубой цветовой гаммы в розовую. В верхней части лицевой стороны красящим веществом сиреневого цвета выполнена надпись «Водительское удостоверение», в нижней части расположено изображение дороги серого цвета с линиями горизонтальной разметки. В левой части расположена цветная фотография владельца водительского удостоверения размером 21 x 30 мм, которая вносится на документ особым образом на этапе его изготовления. Над фотографией помещено изображение отличительного знака Российской Федерации «RUS».

На оборотной стороне документа в левой части имеется поле размером 10 x 42 мм для нанесения специального штрих-кода, необходимого для автоматизированного учета. Штрих-код содержит информацию о том, где, когда и кому было выдано удостоверение. В нижней

**** О введении в действие водительского удостоверения: приказ МВД России от 13 мая 2009 г. N 365: ред. от 1 дек. 2017 г. // Рос. газ. 2009. 21 июля. N 132; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

правой части обозначаются четырехзначная цифровая серия и шестизначный номер удостоверения, нанесенный красящим веществом красного цвета, содержащий информацию о категориях и подкатегориях транспортных средств, а в нижней левой части — выходные данные предприятия-изготовителя.

После заполнения бланка документа в целях защиты от подделок он покрывается специальной ламинирующей пленкой.

Элементами защиты водительского удостоверения от подделки являются: штрих-код с персональной информацией, микротекст, гильоширная нераппортная сетка, использование цветопеременных и люминесцентных красок, голографического изображения на ламинате, а также специальных видов печати (орловская, высокая и др.).

В настоящее время идет активный процесс разработки водительского удостоверения, содержащего биометрические данные его владельца, которые будут закодированы в штрих-коде.

Нормативным документом, устанавливающим требования, предъявляемые к водительскому удостоверению Республики Беларусь, является Постановление Министерства финансов Республики Беларусь от 1 марта 2002 г. N 29 «Об утверждении Положения об основных требованиях, предъявляемых к уровню защищенности бланков строгой отчетности, а также специальным материалам для защиты их от подделки»*. В этом документе содержатся и минимальные требования к уровню защиты бланков строгой отчетности. К ним относятся:

- специальные включения** — 1;
- специальные свойства покрытий — 1;

* Положение об основных требованиях, предъявляемых к уровню защищенности бланков строгой отчетности, а также специальным материалам для защиты их от подделки: утв. Постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 1 марта 2002 г. N 29; ред. от 30 авг. 2010 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by>

** Выделенные курсивом средства защиты могут быть взаимно заменены на каждом из уровней защиты (технологический, полиграфический, физико-химический) [2, с. 170].

- изображения со специальными эффектами (голограммы) — 1;
- способ печати — 3 (обязательный);
- защитная краска — 2 (обязательный);
- фоновая сетка — 2 (обязательный);
- фоновая сетка типа «аура»;
- фоновая сетка с модуляцией толщины линий;
- гильоширные элементы — 2;
- антикопировальный растр — 1 (обязательный);
- латентное (скрытое) изображение — 1 (обязательный);
- микротекст — 3 (обязательный);
- графические ловушки — 7 (обязательный);
- нумерация — 2 (обязательный);
- специальные растровые элементы — 2.

Цифры в позициях обозначают минимальное необходимое и достаточное количество элементов или средств защиты, предусмотренное для документов конкретных групп.

Бланк водительского удостоверения Республики Беларусь изготавливается из полимерного материала — поликарбоната, в соответствии с требованиями ISO/IEC 7810:2006 «Карты идентификационные. Физические характеристики» размером 86 x 54 мм, имеет закругленные углы. На документе содержится информация о его владельце, дате выдачи удостоверения, сроках его действия, сведения о месте выдачи удостоверения, серии и номере, подпись владельца, данные, необходимые для допуска водителей к участию в дорожном движении, и об ограничениях на управление транспортным средством, а также зашифрованный в штрих-коде личный паспортный номер владельца. В оформлении документа используются русский, белорусский и английский языки.

Водительские удостоверения Республики Беларусь так же, как и аналогичный документ Российской Федерации, включены в группу «Бб» по уровню защищенности и, следовательно, имеют сходные элементы защиты от подделки (рис. 1).

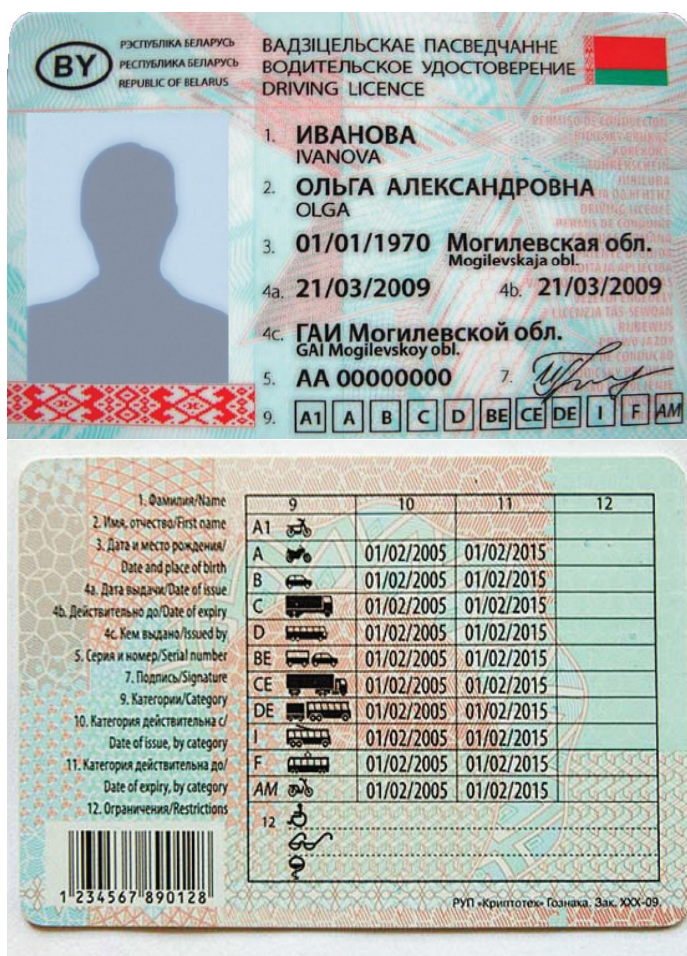

Рис. 1. Изображение образца водительского удостоверения Республики Беларусь

Современные водительские удостоверения Украины, а также бланки временного талона на право управления транспортными средствами изготавливаются в соответствии с требованиями, изложенными в Постановлении Кабинета министров Украины от 31 января 1992 г. N 47 «Об утверждении образцов национальных удостоверений водителей и документов, необходимых для регистрации транспортных средств»*. Согласно данному постановлению бланки национального водительского удостоверения изготавливаются из многослойного полимерного материала формата ИД-1 согласно ISO/IEC 7810:2008 «Карты идентификационные. Физические

* Об утверждении образцов национальных удостоверений водителей и документов, необходимых для регистрации транспортных средств: постановление Кабинета министров Украины от 31 янв. 1992 г. N 47. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30566928

характеристики» (ISO/IEC 7810:2003, IDT). Они имеют размер 54 x 86 мм, после заполнения ламинируются специальной защитной голографической пленкой.

Записи на лицевой стороне, соответствующие реквизитам «1. Фамилия», «2. Имя. Отчество», дублируются буквами латинского алфавита.

Лицевая сторона бланка голубого цвета, обратная – желтого. В верхнем правом углу расположен цветопеременный элемент в виде изображения территории Украины, меняющего в зависимости от угла просмотра свой цвет с темно-коричневого на зеленый. По нижней части удостоверения горизонтально, с лицевой и оборотной стороны помещена гильоширная лента, представляющая собой совокупность плавных, волнистых линий, переплетающихся друг с другом.

В соответствии с требованиями украинского законодательства удостоверение имеет две цифровые подписи. Одна из них соответствует международному стандарту, вторая – национальная.

Следует отметить, что при изготовлении документа используется специальная лицензионная программа защитной графики, включающая систему антисканирования, микрографику, микротекст, использование специальных чернил, которые визуализируются под воздействием ультрафиолетового излучения, специальные виды печати и другие. Личные данные и цветная фотография владельца, а также серийный номер документа выгравированы лазером на внутреннем слое. При попытке их изменения структура документа будет повреждена.

Кроме того, эти удостоверения снабжены бесконтактным электронным чипом, на котором дублируется информация с лицевой и обратной сторон документа – фамилия, имя, отчество, а также фото, дата рождения, подпись, дата выдачи документа, открытые категории на право вождения транспортных средств [3] (рис. 2).

Форма и образец водительского удостоверения Республики Казахстан утверждены приказом министра внутренних

	9	10	11	12
1. Серія і номер посвідчення / License number	A1			
2. Категорія / Category	A			
3. Дата видачі / Date of issue	B1			
4a. Дата закінчення строку дії / Expiry date	B			
4b. Назва установи, яка видала посвідчення / Issuing authority	C1			
5. Підпис / Holder's signature	C			
6. Категорія / Category	D1			
7. Категорія / Category	BE			
8. Категорія / Category	CE			
9. Категорія / Category	D1E			
10. Категорія / Category	DE			
11. Категорія / Category	T			
12. Обмеження / Restrictions				

Рис. 2. Изображение образца водительского удостоверения Украины дел Республики Казахстан от 8 декабря 2014 г. N 874*. Особенностью данных водительских удостоверений является такой защитный элемент, как интегральная микросхема (чип) – полимерный, многослойный композит, состоящий из двух соединенных между собой полимерных слоев. Микрочип содержит информацию о водительском удостоверении (серия и номер, дата выдачи, наименование органа, выдавшего водительское удостоверение), водителя (фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, место жительства, индивидуальный идентификационный номер (ИИН), тип, серия, номер и дата выдачи документа, удостоверяющего личность, фотография), о доступе к управлению транспортным

* Об утверждении форм и образцов бланков водительского удостоверения и свидетельства о регистрации транспортного средства: приказ министра внутренних дел Республики Казахстан от 8 дек. 2014 г. N 874 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <http://www.adilet.zan.kz>

средством (разрешенные категории, срок окончания действия водительского удостоверения, особые отметки). Карты с внедренными микрочипами с лицевой и оборотной стороны покрываются прозрачной пленкой, на которую наносятся дополнительные голографические средства защиты (рис. 3).

Водительские удостоверения Французской Республики, наряду с интегральной микросхемой, содержат дополнительные специфические элементы защиты. К таковым следует отнести технологию изготовления их подложки, содержащей прозрачный по краям поликарбонат, который при наложении снизу цветного материала позволяет рассмотреть гильоширную сетку и микротекст по бокам водительского удостоверения [3]. Сведения о владельце и его фотография нанесены способом лазерного гравирования. Кроме этого, уникальным

СИПАТТАМА	ОПИСАНИЕ	DESCRIPTION	
1. Тегі / Фамилия / Surname			A1
2. Аты, әкесінің аты / Имя, отчество / Name, patronymic			A
3. Туған күні және жері / Дата и место рождения / Date and place of birth			B1
			B
4. а) Берілген күні / Дата выдачи / Date of issue			C1
б) ... дейін жарамды / Действительно до... / Expiration date			D1
с) ЖС Берген ішкі істерінің атауы / Наименование органа выдавшего ВУ / The name of issuing authority			D
д) ЖСН / ИИН / ИИН			BE
5. Жүргізуші куәлігінің нөмірі / Номер ВУ / Driving license number			C1E
6. Сурет / Фотография / Photo			CE
7. Өз қолы / Личная подпись / Personal signature			D1E
9. Рұқсат етілген санаттар / Разрешённые категории / Permitted categories			DE
12. Қосымша ақпарат / Доп. информация / Additional information			

Рис. 3. Изображение образца водительского удостоверения Республики Казахстан

средством защиты водительских удостоверений Французской Республики является

технология фотополимерной голографии в виде голограммы DID с двухцветным дифракционным изображением, способным изменять цвет при смене угла просмотра на 90 градусов с зеленого на красный. Современные водительские удостоверения Франции оснащены также электронным чипом, в котором хранится биометрическая информация о владельце, его транспортном средстве (рис. 4).

Рис. 4. Изображение образца водительского удостоверения Франции

Отметим, что срок действия водительских удостоверений, содержащих электронный микрочип, уменьшен, что, с одной стороны, позволит сократить число поддельных водительских удостоверений, с другой – благодаря быстрому доступу к информации о водителе облегчит работу полиции. С таких электронных удостоверений очень удобно считывать информацию с помощью специальных устройств – ридеров.

Особые конструктивные изменения отличают водительские удостоверения Республики Польша нового образца, выпуск которых осуществляется с 2013 года. Они изготавливаются из многослойного поликарбоната в соответствии со стандартом ISO 7810 формата ID-1.

Уникальным защитным средством, используемым в ходе изготовления водительских удостоверений Республики Польша, является технология, запатентованная фабрикой по производству ценных бумаг. Суть технологии заключается в том, что фотография владельца удостоверения помещается внутрь слоев поликарбоната. Одновременное сочетание процессов изготовления карты и

ее персонализации приводит к отсутствию незаполненных персональными данными карт, что исключает потенциальную возможность использования похищенных карт с целью несанкционированной персонализации [4]. Еще одним трудно-воспроизводимым защитным элементом данных водительских удостоверений является технология нанесения надписи «RZECZPOSPOLITA POLSKA», расположенной в правом верхнем углу. Данная надпись выполняется оптически переменными красками (OVI), меняющими свой цвет с зеленого на синий. На лицевой стороне карты имеется прозрачное окно, сквозь которое виден выгравированный с помощью лазера элемент, состоящий из двух разных изображений: цифр, которые обозначают дату выдачи удостоверения, и букв «PL», которые чередуются при изменении угла зрения [3].

Наряду с отмеченными особенностями водительские удостоверения Республики Польша содержат и другие графические защитные элементы: микротекст, нераппортную (гильоширную) сетку, изображения, видимые в ультрафиолетовом свете, изображения, полученные с использованием цветопеременных красок. На оборотной стороне водительского удостоверения лазером выгравирован серийный номер удостоверения. Все цифры номера прозрачные и выпуклые (рис. 5).

Рис. 5. Изображение образца водительского удостоверения Польши

Рассмотрев технологии защиты водительских удостоверений от подделки, а также технические требования, предъявляемые к их изготовлению, мы пришли к выводу о том, что установление и со-

поставление водительских удостоверений, вызывающих сомнения в подлинности, со сведениями, изложенными в нормативном и техническом описаниях, помогут на первоначальном этапе исследования при отсутствии образцов для сравнительного исследования установить факт их изготовления не на предприятии, осуществляющем выпуск защищенной полиграфиче-

ческой продукции. Кроме того, изучение водительских удостоверений, снабженных микрочипом, должно проводиться как комплексное исследование в рамках технико-криминалистической экспертизы документов и компьютерной экспертизы для установления совпадения информации, содержащейся в реквизитах документа и на микрочипе (штрих-коде).

Список литературы

1. Першин А.Н. Актуальные вопросы судебной экспертизы защищенной полиграфической продукции // Библиотека криминалиста. 2013. N 3 (8). С. 280-291.
2. Бочарова О.С., Рябченко Ю.В. Защищенность водительского удостоверения нового образца как бланка строгой отчетности и как документа с определенной степенью защиты от подделки // Вопросы криминалогии, криминалистики и судебной экспертизы. 2011. N 2 (30). С. 167-172.
3. Балыева Т. Право на электронные ресурсы // Водяной знак. 2014. N 2 (106). URL: <http://www.vodyanoyznak.ru/magazine/106/1698.htm> (дата обращения: 23 марта 2017 г.).
4. URL: <https://www.pwpw.pl/ru/Competencies/Pwpws-own-technologies.html#> (дата обращения: 23 марта 2017 г.).

References

1. Pershin A.N. Aktual'nye voprosy sudebnoy ekspertizy zashchishchennoy poligraficheskoy produktsii [Actual questions of forensic examination of protected printed products]. Biblioteka kriminalista – Library of the criminalist, 2013, no. 3 (8), pp. 280-291.
2. Bocharova O.S., Ryabchenok Yu.V. Zashchishchennost' voditel'skogo udostovereniya novogo obraztsa kak blanka strogoy otchetnosti i kak dokumenta s opredelennoy stepen'yu zashchity ot poddelki [The security of a new driver's license as a form of strict accountability and as a document with a certain degree of protection against forgery]. Voprosy kriminologii, kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy – Questions of criminology, criminology and forensic examination, 2011, no. 2 (30), pp. 167-172.
3. Balueva T. Pravo na elektronnye resursy [The right to electronic resources]. Vodyanoy znak – Watermark, 2014, no. 2 (106). Available at: <http://www.vodyanoyznak.ru/magazine/106/1698.htm> (Accessed March 23, 2017).
4. Available at: <https://www.pwpw.pl/ru/Competencies/Pwpws-own-technologies.html#> (Accessed March 23, 2017).

Раздел 11. Компаративистика и зарубежный опыт

СИВАКОВ Ю.Л., кандидат юридических наук, доцент, usivakov@mail.ru Кафедра управления органами внутренних дел; Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 220005, Республика Беларусь, г. Минск, просп. Машерова, 6	SIVAKOV Yu.L., Candidate of Legal Sciences, associate professor, usivakov@mail.ru Chair of management of the internal affairs bodies; Academy of the Interior Ministry of the Republic of Belarus, Masherova Ave. 6, Minsk, 220005, Republic of Belarus
---	--

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. Основываясь на личном опыте работы в качестве заместителя министра и министра внутренних дел Республики Беларусь в конце 90-х и начале 2000-х годов, руководствуясь результатами теоретических исследований в области науки управления, автор обосновывает актуальность и значимость стратегического управления человеческими ресурсами органов внутренних дел. В статье акцентируется внимание на том, что управление организациями и человеческими ресурсами в настоящее время должно трансформироваться в особую функцию соответствующим образом подготовленных специалистов, наделенных лидерскими качествами и способных к лидерскому поведению. При этом специфика правоохранительной и правоприменительной деятельности предопределяет необходимость концентрирования внимания при формировании кадровой политики МВД Республики Беларусь на морально-этических и нравственных аспектах. Сделан вывод о необходимости уточнения содержания государственной концепции развития органов внутренних дел, основу которой должна составлять стратегия управления человеческими ресурсами с четкими формулировками миссии, целей, задач. При этом наряду с постоянным стремлением руководящего состава к повышению престижности и привлекательности милицейской службы создаются условия, побуждающие сотрудника к активной, творческой и результативной деятельности.

Ключевые слова: человеческие ресурсы; правопорядок; общественный порядок; криминологическая безопасность; управление; органы внутренних дел.

STRATEGIC HUMAN RESOURCES MANAGEMENT IN INTERNAL AFFAIRS BODIES

Annotation. Basing on the personal experience of working as Deputy Minister and Minister of Internal Affairs of the Republic of Belarus in the late 90s and early 2000s, and being guided by the results of theoretical research in the field of management science, the author of the article substantiates the relevance and significance of the strategic management of human resources of the internal affairs bodies. The article focuses attention on the fact that at the present time the management of organizations and human resources should be transformed into a special function of appropriately trained specialists or a special profession of persons having leadership qualities and capable of leadership behavior. At the same time, the specifics of law enforcement activities predetermines the need to focus on moral and ethical aspects when determining the personnel policy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. The conclusion about the need to clarify the content of the state concept of the development of internal affairs bodies, which should be based on the strategy of human resources management with clear wordings of its mission, goals and objectives, is made. In this case, the conditions that encourage the law enforcement officer to active, creative and effective activities are created, along with the constant wish of the chief officers to increase the prestige and attractiveness of the militia service.

Keywords: human resources; law and order; public order; criminological security; management; internal affairs agencies.

С точки зрения государственной политики, которая должна быть четко изложена в концепции развития органов внутренних дел, необходимо переосмысление сути и содержания инновационных подходов к управленческой деятельности вообще и управлению человеческими ресурсами в частности. В настоящее время не вызывает сомнений то, что инерция движения по заданной еще в советские времена траектории закончилась, а новые «двигатели» пока еще не доработаны и не включены.

Перемены могут иметь различный характер – спонтанный, революционный, эволюционный и т.д. Очевидно, что самые эффективные и стабильные результаты достигаются при эволюционном характере перемен, то есть при их целенаправленности, научной обоснованности и взвешенности. Четкая цель (видение) позволяет принимать продуманные и рациональные стратегические управленческие решения, обеспечивающие в конечном итоге балансирующий режим движения к намеченной цели. Двигаясь к заданной цели, следует помнить о главном критерии оценки надежности и качества этого движения – обеспечении так называемой устойчивости по предсказуемости. Устойчивость по предсказуемости (и здесь практика не расходится с наукой) обеспечивается только в условиях стабильного общественного порядка, формируемого на основе интеллектуальных технологий управленческой деятельности во всех звеньях государственного управления и общественного самоуправления.

Об обществе, общественном порядке и криминологической безопасности. Осознавая необходимость наличия современной концепции развития ОВД, следует исходить из того, что в ее основу должны быть положены фундаментальные понятия, принципы и соответствующая системная методология, учитывающая глобальные тенденции и изменения в логике мышления и поведения сограждан [1, с. 8]. В связи с этим представляется необходимым переосмыслить понятия «общество» и «общественный порядок».

Под обществом следует понимать целостную совокупность факторов производства, обусловленных национальными

традициями, культурой и реализуемой в данный период времени системой государственного менеджмента, направленной на выживание и последующее развитие, выстраиваемой на основе принципа обеспечения устойчивости по предсказуемости.

Обеспечение общественного порядка на всех этапах развития государства является его основной задачей и проблемой, охватывающей широкий спектр общественно-политических, социально-экономических, демографических, культурологических, морально-психологических и других сторон деятельности органов власти по обеспечению стабильности общества и его поступательного, целенаправленно-эволюционного развития по предсказуемости.

Исследованию вопросов охраны общественного порядка уделяется внимание в рамках различных отраслей права. При этом общественный порядок рассматривается в узком смысле слова, основное внимание акцентируется на проблемах поведенческого характера. При изучении проблемы охраны общественного порядка представляется важным определение объекта охраны, его сути, содержания и составляющих. Если рассматривать с изложенных позиций охрану общественного порядка, то сначала таковой надо создать. Гибкая, адаптированная к процессам глобализации система государственного управления и социального контроля, использующая современные интеллектуальные технологии управленческой деятельности, способна в процессе эволюционного развития сформировать устойчивый и стабильно совершенствующийся общественный порядок.

Следует разграничивать понятия «общественный порядок» и «правопорядок». В справочной литературе общественный порядок определяется как сложившаяся в обществе «...система отношений между людьми, правил взаимного поведения и общежития, регулируемых действующим законодательством, обычаями и традициями, а также нравственными нормами. Общественный порядок представляет собой всю совокупную систему общественных отношений, которая складывается в результате реализации социальных норм: норм

права, норм морали, норм общественных организаций, норм неправовых обычаев, традиций и ритуалов» [2, с. 132].

Согласно Словарю русского языка правопорядок — это «...состояние общественных отношений, при котором обеспечивается соблюдение закона и иных правовых норм, одна из составных частей общественного порядка. Это состояние фактической урегулированности социальных связей, качественное выражение законности. Правопорядок характеризуется уровнем законности в государстве и степенью реализации прав и свобод граждан, а также исполнением ими и государственными органами возложенных законом обязанностей» [3, с. 577].

В полной мере соглашаясь с определением правопорядка, представляется актуальным уточнение понятия «общественный порядок». С учетом особенностей постиндустриальной эпохи предлагается авторское видение его сути и содержания. «Общественный порядок — целостная совокупность культивируемых государством ценностей и обычаев, а также используемых в системе государственного управления норм и правил, обеспечивающих формирование благоприятных условий для социализации личности, развития и эффективной реализации интеллектуально-профессионального потенциала каждого на основе создания безбарьерной среды жизнедеятельности, гарантирующей человеку личную и имущественную безопасность, а также научно обоснованный уровень профессиональной защищенности» [4, с. 10].

Изучая эффективность управленческой деятельности в системе органов внутренних дел, следует исходить из того, что необходимость управления возникает тогда, когда появляется или формулируется цель. Глобальной целью управленческой деятельности на всех уровнях социального управления является создание благоприятных условий для социализации личности, развития и эффективной реализации интеллектуально-профессионального потенциала каждого на основе создания безопасной среды жизнедеятельности, гарантирующей человеку личную и имущественную безопасность. На основании этого можно сделать вывод о том, что одним из

элементов системы общественного порядка является криминологическая безопасность личности, общества и государства.

Четко обозначенные в конституции страны цели, задачи, права и интересы охватывают все сферы жизнедеятельности личности, общества и государства, тесно взаимосвязаны и являются концептуальными ориентирами для ее долгосрочного развития. Понимание факта невозможности обеспечения их реализации при отсутствии приемлемого уровня криминологической безопасности диктует необходимость ее постоянного усиления.

Поскольку криминологическая безопасность любого государства в общем понимании представляет собой состояние защищенности жизненно важных интересов от внутренних и внешних угроз, то в определенном смысле это можно назвать состоянием иммунитета государства. При этом в указанном контексте под жизненно важными интересами понимается совокупность потребностей личности, общества и государства, удовлетворение которых должно быть надлежащим образом защищено от противоправных посягательств функционирующей системой безопасности.

С.Я. Лебедев и А.А. Лапин, исследуя основные стратегические направления деятельности органов внутренних дел Российской Федерации как субъекта обеспечения криминологической безопасности, делают, как представляется, аргументированные и бесспорные выводы. Нельзя не согласиться с тем, что вся идеология, а также стратегия обеспечения органами внутренних дел криминологической безопасности должны быть переориентированы с поиска криминальных угроз на действительно реальную, а не декларируемую защиту населения от преступности.

Формулируя положения концепции обеспечения криминологической безопасности, указанные авторы утверждают, что стратегическими направлениями деятельности органов внутренних дел должны стать:

«а) определение реального состояния защищенности личности, общества и государства от преступных посягательств;

б) выявление, анализ и оценка реальных угроз криминологической безопасности;

в) устранение или нейтрализация источников угроз криминологической безопасности (причин и условий преступности);

г) оказание воздействия на реализованные угрозы криминологической безопасности (совершенные преступления) путем их выявления, регистрации, раскрытия, розыска преступников, расследования и направления материалов в суд, назначения адекватного общественной опасности преступления и оптимального для преступника уголовного наказания и его реализации;

д) оказание воздействия на потенциальные угрозы криминологической безопасности путем их предупреждения и минимизации (профилактики, предотвращения, пресечения);

е) обеспечение криминологической защиты объектов преступного посягательства;

ж) проведение виктимологической профилактики в отношении потенциальных и реальных жертв преступных посягательств» [5, с. 144].

Кроме того, авторы анализируют условия, причины и факторы, тем или иным образом влияющие на состояние криминологической безопасности личности, общества и государства, предлагают меры по наращиванию ее эффективности.

О некоторых вопросах стратегического управления человеческими ресурсами ОВД. Не оспаривая результатов исследования и выводов С.Я. Лебедева и А.А. Лапина, предлагается на эту проблему посмотреть под несколько иным углом зрения. На наш взгляд, стратегической целью системы государственного управления по обеспечению криминологической безопасности следует считать создание условий, при которых конформное поведение личности является оптимально рациональным, творческая и результативная деятельность — всесторонне поощряемой, сдерживающие факторы по отношению к делинквентному и криминальному поведению в значительной степени превалируют по отношению к провоцирующим.

В связи с этим целесообразно обратиться в первую очередь к человеческому потенциалу и человеческому фактору. С точки зрения субъекта и объекта управления значимо, кто именно управляет про-

цессом, насколько он компетентен, заинтересован, каково его отношение к объекту управления.

В качестве иллюстрации и в целях подтвержденной практикой аргументации предлагается фрагмент ретроспективного анализа событий конца 90-х и начала 2000-х годов в истории белорусской милиции. Социально-экономическая, а значит, и криминогенная обстановка в тот период характеризовалась как сложная и напряженная, а по целому ряду факторов и как противоречивая, с наличием элементов неопределенности и политической неустойчивости. В этих условиях выживания общества, становления государственности, необходимости жесткого противодействия организованной, экономической и корыстной преступности, а также политическому экстремизму переоценить роль органов внутренних дел в системе национальной безопасности достаточно сложно.

МВД Республики Беларусь в тот период времени прилагало значительные усилия, в первую очередь, для сохранения кадрового потенциала и обеспечения на этой основе эффективности оперативно-служебной и служебно-боевой деятельности при всемерном учете человеческого фактора. При принятии организационных и других управленческих решений особое внимание уделялось формированию адаптированной к реально складывающейся социально-экономической и оперативной обстановке концепции стратегического управления человеческими ресурсами.

В основу концепции было заложено понимание того, что стратегическое управление человеческими ресурсами — это «своего рода политика, которая реализуется властью в системе государственного менеджмента или в деятельности определенных организаций. При этом направленность этой политики заключается в обеспечении устойчивого организационного и социально-экономического развития за счет целенаправленного наращивания человеческого капитала, при всестороннем учете человеческого фактора» [4, с. 7].

Следует отметить, что человеческий потенциал Беларуси по-своему уникален. Это обусловлено его корнями, уходящими вглубь веков. Уникальный менталитет формировался под влиянием природных,

климатических, культурологических внутренних факторов и приобретал соответствующие особенности в силу воздействия внешних факторов, а вернее сказать, привнесенных извне чужеродных генов [4, с. 8].

Руководство МВД Республики Беларусь в рассматриваемый период, как представляется, определило стратегически правильную и значимую цель — сохранение потенциала белорусской милиции, сформированного предыдущими поколениями руководителей, сбережение человеческих ресурсов на основе всемерного поддержания престижности и привлекательности милицейской службы, создание и последовательное совершенствование эффективной системы профессиональной защищенности руководящего состава. При формировании политики и концепции управления органами внутренних дел в тот период руководством МВД Республики Беларусь использовалось сочетание принципов и подходов французского и японского менеджмента.

При планировании и организации работы с личным составом ОВД достаточно четко выделялись тактический и стратегический уровни управления человеческими ресурсами. На тактическом уровне, в работе с младшим и средним начальствующим составом, широко использовались фрагменты японской системы менеджмента, признанной в мире наиболее эффективной, в основе которой лежит умение работать с людьми через создание и постоянное совершенствование внутриорганизационной и корпоративной культуры.

Руководство МВД Республики Беларусь посредством системы различных мероприятий, широко используя средства массовой информации, целенаправленно культивировало принципы, характерные для японской системы:

— главное достояние организации — это люди. Внимание руководящего состава постоянно акцентировалось на человеческом факторе по принципу Ли Куан Ю — «дело не в деньгах, а... в людях, которые у нас есть, в том, как мы организуем дело, и что получаем на выходе» [4, с. 6]. Человек по своей психологической сути нуждается в самоуважении: он склонен нести ответственность и совершенствовать свои знания и мастерство, при этом каждый подчи-

ненный является индивидуумом и имеет право на ошибку;

— для повышения эффективности оперативно-служебной и служебно-боевой деятельности, поддержания приемлемого уровня служебной дисциплины акцент делался больше на вознаграждении, чем на наказании, было стремление к такому уровню внутриорганизационной культуры, когда наказанным является тот, кто не поощрен;

— особое внимание уделялось повышению эффективности обратной связи и организации контроля. Внимание руководящего состава акцентировалось на том, что управленческий контроль выполнения поставленных задач осуществлялся не по принципу «контроль на месте, помощь в приказе», а путем оказания помощи и выявления слабых звеньев в процессе служебной деятельности. Иными словами, понятие «контроль» было связано не с моделью «выявление — наказание», а с принципом «проверка — помощь».

В работе с руководящим составом оперативно-стратегического уровня больше заимствовалось из французской системы подготовки и использования менеджеров-генералистов. Известно, что у французов способность к управленческой деятельности рассматривается скорее как «состояние души», нежели совокупность управленческих умений, навыков и технологий. На первом плане при отборе лиц для подготовки в качестве менеджеров-генералистов находятся лидерские качества и способности, обусловленные на генетическом уровне.

При создании системы формирования резерва руководящих кадров в основу отбора кандидатов на высокие управленческие должности была положена специально разработанная интегрированная модель личностных и деловых качеств офицера [6, с. 27]. Эта модель была своеобразным тестом на интеллект, организаторские способности, физические и эмоционально-волевые качества, а также уровень профессиональной культуры. Своего рода профессиограмма, подтверждающая способность человека мыслить логически и анализировать системно, принимать взвешенные рациональные решения и добиваться их реализации с наименьшими издержками.

Из французской системы также были заимствованы элементы подчеркивания статуса руководителя и его ответственности, начиная с оборудования и оснащения офиса, служебного транспорта, знаков отличия и заканчивая специально создаваемыми условиями в лечебных, оздоровительных и других учреждениях.

Время показало, что руководством МВД Республики Беларусь в тот период было принято правильное решение – выступить с инициативой радикального пересмотра подходов к форменной одежде белорусской милиции. После обретения республикой статуса самостоятельной и независимой усилиями радикальных националистов армия и милиция были переодеты в своеобразную униформу. В ней отчетливо проявились несвойственные белорусской ментальности тенденции, использовавшиеся в экипировке немецких и польских силовых структур. На основе работ известных на тот период специалистов и дизайнеров руководство Министерства внутренних дел предложило Президенту Республики Беларусь концепцию форменной одежды, учитывающей лучшее из исторического прошлого. Она была принята и до настоящего времени не претерпела радикальных изменений.

В целом отношение к атрибутам власти было не спонтанным, а глубоко продуманным и последовательным, направленным на молодых людей, обладающих лидерскими качествами и способных к лидерскому поведению. Например, акцентируя внимание на руководителях территориальных органов внутренних дел, 260-ти из них присвоено звание полковника досрочно и на ступень выше предусмотренной по занимаемой должности. Впоследствии по данному вопросу высказывались неоднозначные мнения. Но тогда эти управленческие решения руководством МВД Республики Беларусь расценивались как инвестиции в будущее. В тот период в каждом районе был начальник милиции и военный комиссар. Видя, что военный комиссар имеет звание подполковника, а начальник милиции – полковника, юноша, принимая решение о будущей профессии, делал выбор в пользу обучения в вузе МВД. Следует заметить, что в рассматриваемый период конкурс в Академию

МВД Республики Беларусь был даже среди медалистов. В настоящее время из 400 возможных проходной балл на факультет милиции академии составляет немногим более 160 баллов.

Миссия, цели, задачи и сущность стратегического управления ОВД. В качестве гипотезы проводимого исследования используется предположение о том, что в силу целого ряда причин и факторов, по-разному эволюционируя, наметилась явная тенденция обособления науки управления. На современном этапе управление организациями и человеческими ресурсами трансформируется в особую функцию соответствующим образом подготовленных специалистов или особую профессию лиц, наделенных лидерскими качествами и способных к лидерскому поведению.

В основу концепции стратегического управления ОВД должны быть положены четкие формулировки миссии, целей и задач, а также базовые определения системной методологии управленческой деятельности руководящего состава. Исходя из того, что граждане Республики Беларусь связывают миссию белорусской милиции со словами «служение людям с уважением, заботой и честностью», представляется необходимым уточнить цели, задачи и в целом стратегическую концепцию управления милицией.

ОВД отличаются двухконтурной системой управления, поэтому логично вести речь об общеорганизационной и специальной цели. Общеорганизационную цель можно определить как постоянное наращивание деловой активности всех категорий сотрудников ОВД через всемерное поддержание престижности и привлекательности службы на основе обеспечения научно обоснованного уровня их профессиональной защищенности. Специальная цель может быть сформулирована следующим образом: поддержание в конкретных социально-экономических условиях приемлемого уровня криминологической безопасности личности, общества и государства.

Достижение поставленных целей возможно посредством решения следующих задач:

1. Создание и постоянное эволюционное совершенствование системы страте-

гического управления человеческими ресурсами ОВД.

2. Повышение эффективности оперативно-служебной и служебно-боевой деятельности через систему научно обоснованных мер по совершенствованию инфраструктуры, кадровой политики и внедрению инновационных технологий охраны общественного порядка, предупреждения и профилактики преступности.

3. Создание и целенаправленное развитие системы информационно-аналитического обеспечения деятельности ОВД, а также повышение эффективности взаимодействия с институализированными органами и общественными организациями в сфере предупреждения преступности.

Исходя из того, что стратегия — это предвидение и заблаговременно спланированная реакция организации на возможные изменения условий реализации своей миссии, а также скорректированная линия поведения по достижению поставленных целей и задач, можно достаточно четко определить суть стратегического управления ОВД. Как представляется, стратегическое управление ОВД — это управление, в основе которого находится человеческий фактор, а достижение поставленных целей обеспечивается созданием условий, побуждающих сотрудника к активной, творческой и результативной деятельности при постоянном стремлении руководящего состава к повышению уровня престижности и привлекательности муниципальной службы.

Следовательно, объектом стратегического управления в ОВД являются люди, объединенные в подразделения и службы, взаимодействующие между собой в рамках целенаправленно создаваемой внутриорганизационной культуры, на основе всемерно поддерживаемой на всех уровнях корпоративной культуры.

В то же время предметом стратегического управления ОВД являются:

1. Отношения, складывающиеся между субъектами правоохранительной деятельности в процессе реализации задач по обеспечению криминологической безопасности личности, общества и государства.

2. Проблемы, оказывающие непосредственное влияние на эффективность оперативно-служебной и служебно-боевой деятельности служб и подразделений ОВД.

3. Факторы, тем или иным образом воздействующие на гражданско-правовую и морально-психологическую устойчивость личного состава ОВД.

Сущность стратегического управления системой ОВД состоит в решении главной задачи — обеспечении ее устойчивости по предсказуемости на основе профессионально-научного ситуационного анализа складывающейся обстановки и своевременного принятия организационных и кадровых решений.

К элементам стратегического управления ОВД следует отнести:

— систему целей ОВД как двухконтурного субъекта управленческой деятельности: миссия, общеорганизационные цели и специфические цели в рамках концепции национальной безопасности;

— приоритеты, определяемые государственной и ведомственной политикой;

— культивируемую руководством систему норм и правил осуществления управленческой деятельности;

— опознавание факторов внутренней и внешней среды, определенным образом воздействующих на устойчивость состояния и эффективность деятельности ОВД;

— формирование иммунитета системы в отношении факторов, негативно воздействующих на балансирующий режим движения к заданным целям;

— концепцию сохранения и развития человеческого потенциала системы ОВД;

— долгосрочную программу научно-технического и инфраструктурного развития системы ОВД.

Список литературы

1. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2000. 304 с.
2. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. III. М.: Мысль, 2010. 692 с.
3. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой: в 4 т. Т. 2. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986. 736 с.
4. Сиваков Ю.Л. Некоторые особенности стратегического управления человеческими ресурсами в постиндустриальную эпоху // Вести Института предпринимательской деятельности. 2017. N 2 (17). С. 6-10.

5. Лебедев С.Я., Лапин А.А. Стратегические направления деятельности органов внутренних дел по обеспечению криминологической безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. N 4. С. 142-147.

6. Сиваков Ю.Л. Интеллектуальные технологии в управленческой деятельности руководящего состава ОВД по обеспечению гражданско-правовой и морально-психологической устойчивости сотрудников // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2012. N 1 (23). С. 25-29.

References

1. Inozemcev V.L. Sovremennoe postindustrial'noe obshchestvo: priroda, protivorechiya, perspektivy [Modern post-industrial society: nature, contradictions, perspectives]. Moscow, Logos Publ., 2000. 304 p.

2. Novaya filosofskaya ehnciklopediya [New philosophical encyclopedia. In 4 volumes. Volume III]. Moscow, Mysl' Publ., 2010. 692 p.

3. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language. In 4 volumes. Volume 2]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1986. 736 p.

4. Sivakov Yu.L. Nekotorye osobennosti strategicheskogo upravleniya chelovecheskimi resursami v postindustrial'nyu ehpohe [Some features of strategic management of human resources in the post-industrial era]. Vesti Instituta predprinimatel'skoy deyatel'nosti – News of Institute for Entrepreneurship 2017, no. 2 (17), pp. 6-10.

5. Lebedev S.Ya., Lapin A.A. Strategicheskie napravleniya deyatel'nosti organov vnutrennih del po obespecheniyu kriminologicheskoy bezopasnosti [Strategic directions of the activity of law enforcement bodies for ensuring criminological security]. Gumanitarnye, social'no-ehkonomicheskie i obshchestvennyye nauki – Humanitarian, socio-economic and social sciences, 2015, no. 4, pp. 142-147.

6. Sivakov Yu.L. Intellektual'nye tekhnologii v upravlencheskoy deyatel'nosti rukovodyashchego sostava OVD po obespecheniyu grazhdansko-pravovoy i moral'no-psikhologicheskoy ustoychivosti sotrudnikov [Intellectual technologies in the management activity of the senior staff of the Internal Affairs Directorate for ensuring civil-legal and moral-psychological stability of employees]. Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus' – Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 2012, no. 1 (23), pp. 25-29.

Раздел 12. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

ОЛЕЙНИК В.В., OLEYNIK V.V.,
vitalyaol15@gmail.com vitalyaol15@gmail.com
Кафедра уголовного процесса; Chair of criminal procedure;
Дальневосточный юридический институт Far East Law Institute
Министерства внутренних дел of the Ministry of the Interior
Российской Федерации, of the Russian Federation,
680020, г. Хабаровск, Kazarmenny Lane 15, Khabarovsk, 680020,
пер. Казарменный, 15 Russian Federation

ДОМАШНИЙ АРЕСТ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. Необходимость соблюдения прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе требует совершенной ясности в ответе на вопрос о том, в каких случаях следует предусмотреть гарантии их обеспечения. В связи с этим при определении принуждения основной акцент необходимо сделать на правоограничительном характере принимаемого процессуального решения суда или органа уголовного преследования, порождающего специфический круг обязанностей участника уголовного судопроизводства, в отношении которого такое решение принято. Принуждение присутствует там, где обязанности носят правоограничительный характер, независимо от того, добровольно или нет выполняет свои обязанности субъект правоотношений. Рассматривая домашний арест как меру пресечения, необходимо учитывать ряд условий, дающих возможность применять данную меру к участникам уголовного процесса, а также характер и степень совершенного деяния. Особенностью домашнего ареста как меры пресечения на современном этапе является то, что в основном он применяется к должностным лицам. Одним из элементов применения домашнего ареста является, как правило, комплекс ограничительных мер воздействия на участников уголовного судопроизводства, которые избираются по судебному решению.

Ключевые слова: домашний арест; закон; мера процессуального принуждения; должностное лицо; подозреваемый; обвиняемый.

HOUSE ARREST AS A MEASURE OF RESTRAINT IN CRIMINAL PROCEDURE AT THE PRESENT STAGE

Annotation. The need to respect the rights and freedoms of man and citizen in the criminal proceedings requires a clear answer to the question of when it is necessary to provide the guarantees for their provision. Therefore, when determining the measure of coercion, the main emphasis should be placed on the law-limiting nature of the procedural decision of the court or criminal prosecution body that creates a specific range of responsibilities for the participant in criminal proceedings in respect of whom such a decision was made. Coercion is present where the duties are of a law-restrictive nature, regardless of the fact whether the subject of legal relations performs his (her) duties voluntarily or not. Considering house arrest as a measure of restraint, it is necessary to take into account a number of conditions that enable the application of this measure to the participants in the criminal process, as well as the nature and extent of the committed act. The peculiarity of using the house arrest as a preventive measure at the present stage is the fact that this measure is mostly applied to the officials. One of the elements of application of house arrest is usually a set of restrictive measures of influence on participants in criminal proceedings, who are chosen by a judicial decision.

Keywords: house arrest; law; measure of procedural coercion; official; suspect; accused.

Согласно п. 6 ст. 98 УПК РФ домашний арест является одной из мер пресечения и, следовательно, его применение должно осуществляться по общим основаниям и правилам применения всех других

мер пресечения. Вместе с тем домашний арест применяется со значительными особенностями, выделяющими рассматриваемую меру пресечения, что даже позволяет отдельным авторам относить его к инстру-

ментам реализации уголовной политики и справедливо считать альтернативой заключению под стражу в связи с либерализацией уголовного и уголовно-процессуального законодательства [1, с. 112] и гуманизацией мер уголовно-процессуального принуждения [2, с. 7], обозначать как меру безопасности [3, с. 87] и т.д.

Р.А. Гарипова указывает, что «в основе домашнего ареста лежит хитросплетение гражданско-правовых и административных правоотношений» [4, с. 136]. Поддерживая справедливое замечание приведенного автора, следует отметить, что изначально основанием для применения домашнего ареста служат уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения, в развитии которых не менее значимая роль отведена уголовно-исполнительным правовым отношениям, регулируемым также решениями Правительства Российской Федерации, совместными приказами правоохранительных органов, обеспечивающими контроль данной меры пресечения, без принятия которых было бы бессмысленным ее существование и применение до недавнего времени. Следует отметить, что до принятия этих подзаконных актов* домашний арест применялся в единичных, исключительных случаях и был самой дорогостоящей мерой пресечения.

С.В. Колоскова также связывает увеличение случаев применения рассматриваемой меры пресечения с доктриной либерализации уголовного наказания, сформулированной в Послании Президента Российской Федерации в 2009 г.**, указывая, что с этого времени «наблюдается взрывной рост числа домашних арестов»

* О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений: постановление Правительства РФ от 18 февр. 2013 г. N 134 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 8. Ст. 838.

** Послание Президента Российской Федерации Д.А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации 12 нояб. 2009 г. // Рос. газ. 2009. 13 нояб. N 5038.

[5, с. 25]. Однако приведенные данным исследователем показатели (в 2009 г. применялся в 146 случаях, в 2010 г. — в 668, в 2011 г. — в 1345) [5, с. 25] показывают, что реальное увеличение применения домашнего ареста произошло позднее — с 2011 г., что также можно увязать с принятием новой редакции ст. 107 УПК РФ, регулиющей домашний арест, несмотря на то, что закон был принят в конце того же года***. А.П. Дьяченко также отмечает этот момент увеличения применения домашнего ареста — в 6,5 раз [1, с. 115]. В дальнейшем наблюдается стабильный рост случаев применения домашнего ареста [1, с. 115], что также подтверждается исследованиями Л.М. Фетищевой, приводящей показатели применения домашнего ареста: в 2013 г. — к 2366 обвиняемым (подозреваемым), в 2014 г. — к 2632 [6, с. 27].

На современном этапе продолжается рост применения домашнего ареста. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2015 г. было удовлетворено 4740 ходатайств о применении домашнего ареста****. В первом полугодии 2016 г. было удовлетворено 2901 аналогичное ходатайство*****, в то время как в первом полугодии 2015 г. — 2119*****. Согласно данным Федеральной службы исполнения наказаний (далее —

*** О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 7 дек. 2011 г. N 420-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/>

**** Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2015 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3383>

***** Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 1 полугодие 2016 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3541>

***** Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 1 полугодие 2015 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3184>

ФСИН России), под контролем данной службы в 2013 г. находилось 1822 подозреваемых (обвиняемых), в 2014 г. — 2730, в 2015 г. — 4215*.

Согласно п. 29 ст. 5 УПК РФ в понятие применения меры пресечения необходимо включать процессуальные действия должностного лица или государственного органа по принятию решения об избрании меры пресечения, осуществляемые ими в период производства по уголовному делу до того момента, как мера пресечения будет изменена или отменена либо вступит в законную силу решение суда. А.С. Ушаков указывает на сложную процедуру принятия решения об избрании таких мер пресечения, как заключение под стражу, домашний арест и залог на предварительном расследовании, состоящую из возбуждения ходатайства следователем, дознавателем и рассмотрения этого ходатайства судом, принятие по нему решения. В связи с этим он предлагает заменить применение меры пресечения на ее избрание [7, с. 24].

Однако согласно закону применение меры пресечения включает в себя необходимые процессуальные действия и представляется более широким. Особенности применения домашнего ареста в качестве меры пресечения на современном этапе касаются получения решения суда на ее применение, осуществления контроля ее применения к подозреваемому или обвиняемому, принятия соответствующих процессуальных решений в случае выявления нарушений, допущенных подозреваемым или обвиняемым, разрешения процессуальных вопросов, связанных с ходатайством подозреваемого (обвиняемого), его защитника, законного представителя на изменение примененных судом запретов и ограничений. По остальным аспектам применения домашнего ареста можно говорить не об особенностях, а об общих правилах применения данной меры пресечения.

Домашний арест, урегулированный ст. 107 УПК РФ, в системе мер пресечения занимает особое место, обусловленное его

мягкостью и демократичностью по сравнению с заключением под стражу, с одной стороны, и с другой — достаточно высокой стоимостью для применения, что делает его несколько ограниченным для применения. Н.А. Андроник указывает на низкую практическую значимость домашнего ареста в силу указанного обстоятельства [8, с. 72].

Как уже отмечалось, в 2011 г. нормы УПК РФ, регламентирующие домашний арест, подверглись значительной модернизации, призванной обеспечить его доступность для применения [9, с. 21]. В 2013 г. в УПК РФ были внесены изменения, уточняющие срок содержания под домашним арестом и его предельный срок, а в 2016 г. были внесены изменения, уточняющие аспекты встречи подозреваемого и обвиняемого не только с защитником, законным представителем, но и с нотариусом в целях удостоверения доверенности на право представления его интересов в сфере предпринимательской деятельности**. В целом на начало 2018 г. действует редакция ст. 107 УПК РФ, принятая в 2011 г., с учетом введенных дополнений (уточнений).

Домашний арест, так же как и залог, заключение под стражу, применяется по судебному решению, поскольку данные меры ограничивают конституционные права и свободы человека и гражданина. В то же время особенности касаются такого условия, как определение места исполнения домашнего ареста, которое предшествует составлению следователем и дознавателем своего ходатайства перед судом на его применение. Находящийся под арестом в порядке ст. 107 УПК РФ подозреваемый или обвиняемый может проживать в жилище, собственником или нанимателем которого он является, либо на других законных основаниях имеет право находиться в нем. Кроме того, с учетом состояния здоровья подозреваемый или обвиняемый может находиться в лечебном учреждении. В связи с этим исследователи указывают на такую проблему, как проживание подозреваемого или обвиняемого с

* Характеристика лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях // ФСИН России: сайт. URL: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20v%20YII>

** О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 3 июля 2016 г. N 325-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 27 (ч. II). Ст. 4258.

другими лицами, которые могут быть не согласны с нахождением жилища под контролем уголовно-исполнительных инспекций [10, с. 5].

Кроме того, к этим лицам могут приходиться посетители, родственники, посещение которых может быть использовано для общения с подозреваемым или обвиняемым. Следовательно, в законе должны быть предусмотрены ограничения не только в отношении самого подозреваемого или обвиняемого, но также в отношении проживающих с ним лиц. При невозможности установления этих ограничений в законе необходимо предусмотреть невозможность применения домашнего ареста в качестве меры пресечения.

В статье 107 УПК РФ не предусмотрены особенности в отношении подозреваемого и обвиняемого, которые могут быть подвергнуты применению рассматриваемой меры пресечения. Следовательно, определение того, к кому может быть применен домашний арест, осуществляется по общим правилам, что следует признать обоснованным. Установление в УПК РФ особенностей подозреваемого или обвиняемого применительно к отдельным мерам пресечения (присмотр за несовершеннолетним, наблюдение командования воинской части) продиктовано объективными условиями и необходимостью. В отличие от них домашний арест должен применяться в отношении всех подозреваемых и обвиняемых, имеющих жилье для проживания, при наличии согласия проживающих с ними лиц также пойти на определенные ограничения. Этому способствует снижение стоимости применения домашнего ареста за счет введения технических средств контроля.

Вместе с тем современная правоприменительная практика показывает, что предпочтение отдается тем подозреваемым или обвиняемым, которые занимают высокое общественное и профессиональное положение либо осуществляют деятельность в сфере предпринимательства, в чем непосредственно можно убедиться из анализа ч. 13 ст. 107 УПК РФ. При этом случаи обжалования отказа в удовлетворении ходатайства о применении домашнего ареста другими подозреваемыми и обвиняемыми не выявляются.

На уровне официальных статистических отчетов не указывается профессиональное положение подозреваемого и обвиняемого, находящегося под домашним арестом. В этом случае в какой-то степени формируется представление об исключительности, своеобразной «элитности» тех, кто подвергается домашнему аресту, в связи с достоверными публикациями на различных интернет-сайтах регионов Российской Федерации о резонансных случаях применения рассматриваемой меры пресечения. Отметим некоторые из них, не вызывающие сомнения в их достоверности, произошедшие в январе 2017 года.

14 января – ректор Тюменского индустриального университета*; 17 января – арбитражный управляющий в г. Саратове; 20 января – заместитель начальника УМВД России по г. Барнаулу и заместитель главы Пушкинского района Подмосковья; 23 января – первый заместитель директора Департамента имущественных и земельных отношений Курганской области; 25 января – заместитель начальника Управления экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД России по Оренбургской области и главный архитектор г. Воронежа. Имеют место случаи применения домашнего ареста в отношении лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью: 19 января – владелец конного клуба «Аллюр» в г. Новосибирске; 21 января – бизнесмены в г. Липецке за вымогательство; 25 января – директор ООО «Трейд-маркет» в г. Оренбурге за посредничество в даче взятки; 26 января – строительный подрядчик в г. Симферополе; 18 января – предприниматель в г. Воронеже за убийство.

Безусловно, приведенные факты не могут рассматриваться в качестве абсолютных доводов применения домашнего ареста в отношении подозреваемых и обвиняемых с «особым» положением. Но все же они в определенной степени об этом свидетельствуют.

В статье 107 УПК РФ также не предусмотрены особенности в отношении преступления, в совершении которого подозревается или обвиняется лицо, подвер-

* Российское информационное агентство. URL: <http://ura.ru/news/1052275365>

гаемое домашнему аресту. Согласно ч. 1 ст. 107 УПК РФ домашний арест применяется при невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения. Данное условие, безусловно, находится во взаимосвязи с видом преступления так же, как и при применении других мер пресечения, в том числе при заключении под стражу, поскольку в ст. 99 УПК РФ прямо указано на необходимость учета тяжести преступления при избрании меры пресечения, что следует рассматривать в качестве общего условия, но не особенности применения домашнего ареста.

Вместе с тем домашний арест не должен применяться в неоправданных случаях — при производстве по уголовному делу небольшой и средней тяжести, поскольку он требует затрат федерального бюджета, несмотря на снижение его стоимости благодаря использованию технических средств. Например, подписка о невыезде и надлежащем поведении с экономической точки зрения является для государства более предпочтительной по сравнению с домашним арестом. В связи с этим расширение применения домашнего ареста должно быть обоснованным и целесообразным как альтернатива заключению под стражу, применяемому с ограничениями по уголовным делам о преступлениях, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы до 3 лет, а также перечисленных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, если они совершены в сфере предпринимательской деятельности. На это же указывает Конституционный Суд РФ*. И.Т. Грушко также отмечает применение домашнего ареста к подозреваемым и обвиняемым в преступлении, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы свыше 3 лет [11, с. 235]. В этих ситуациях может быть применена любая другая мера пресечения при наличии общих и специальных условий.

Особенность сроков применения домашнего ареста состоит в том, что при их

общем исчислении согласно ч. 2.1 ст. 107 УПК РФ должен также учитываться срок нахождения подозреваемого или обвиняемого под стражей, если ранее к нему была применена мера пресечения в виде заключения под стражу [3, с. 87]. В остальном сроки домашнего ареста, порядок их продления аналогичны срокам содержания под стражей, что подтверждается также отсылкой к ст. 109 УПК РФ.

Самая значительная отличительная черта применения домашнего ареста — применяемые в отношении подозреваемого и обвиняемого запреты и ограничения. Тем самым обвиняемый (подозреваемый) обязан соблюдать не только общие основания применения меры пресечения, но и такие ограничения и запреты, установленные в пп. 1-4 ч. 7 ст. 107 УПК РФ, как запрет или ограничение на выход из жилого помещения (лечебного учреждения), в котором будет осуществляться исполнение меры пресечения; на общение с некоторыми лицами; на пользование услугами почтово-телеграфной службы; на использование средств связи (за исключением вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов и других служб, указанных в ч. 8 ст. 108 УПК РФ), а также информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

При этом подозреваемый или обвиняемый может подвергаться полному или частичному применению перечисленных запретов и ограничений. Применяемые запреты и ограничения должны быть указаны судьей в его решении о домашнем аресте. Безусловно, основа применяемых запретов и ограничений закладывается следователем или дознавателем в его ходатайстве. Однако судья по своему усмотрению вправе уменьшить пределы подлежащих применению запретов и ограничений. На его решение в этой части также могут повлиять доводы самого подозреваемого (обвиняемого), его защитника и законного представителя, которые имеют возможность довести их до сведения судьи в судебном заседании при рассмотрении ходатайства. Следует учитывать, что со своей позицией может выступить прокурор, поддерживающий ходатайство дознавателя и присутствующий при рассмотрении ходатайства следователя.

* По делу о проверке конституционности ст. 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А.Т. Федина: постановление Конституционного Суда РФ от 6 дек. 2011 г. N 27-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 51. Ст. 7552.

В законе не указаны условия, при которых судья может разрешить выходы из жилого помещения. Е.И. Шигурова и Т.Ю. Галыгина указывают на необходимость установления выходов для прогулок подозреваемого и обвиняемого под надзором сотрудника уголовно-исполнительной инспекции [14, с. 283]. М.В. Колесников предлагает дополнить ст. 107 УПК РФ частью 1.1, устанавливающей правила предоставления прогулок и занятий физическими упражнениями [13, с. 244]. Предложение указанных авторов заслуживает внимания, однако следует отметить, что установление такого правила приведет к повышению стоимости домашнего ареста. Кроме того, указанные авторы затрагивают проблему обеспечения находящегося в полной изоляции подозреваемого и обвиняемого продуктами питания, товарами гигиены, лекарствами и т.д.

Запрет и ограничения на выход из жилого помещения обеспечиваются с помощью системы электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ), которая на 1 января 2015 г. применялась к 75 % подозреваемых и обвиняемых, находившихся под домашним арестом, о чем пишут А.Ш. Габараев и А.В. Новиков [14, с. 283]. По их мнению, применение СЭМПЛ способствует не только эффективному контролю поведению лица под домашним арестом, но также выявлению допускаемых им нарушений. При этом они подняли проблемы обеспечения со-

хранности оборудования и установления ответственности подозреваемого и обвиняемого в случае допущения его повреждения. Предложения не бесспорны, но их реализация заставит подозреваемого и обвиняемого ответственно относиться к сохранности технических средств.

Е.И. Шигурова и Т.Ю. Галыгина обращают внимание на сложности в обеспечении другого запрета – на общение с определенными лицами [10, с. 5]. Думается, что при установлении частичной изоляции полностью обеспечить это ограничение вряд ли возможно. В то же время при применении заключения под стражу, сопровождающегося полной изоляцией от общества, указанное ограничение также недостижимо в абсолютной степени. Оно в приемлемой форме может быть реализовано при условии оборудования местности обзорными видекамерами, что также возможно не во всех регионах России.

Затронутые особенности и отдельные проблемы применения домашнего ареста требуют своего разрешения. Г.Н. Куракина приводит схему, наглядно отображающую значительный отрыв в показателях применения домашнего ареста по сравнению с заключением под стражу [15, с. 175]. Совершенствование норм УПК РФ, регулирующих применение домашнего ареста, позволит в некоторой степени сократить имеющееся отставание в его применении в качестве меры пресечения.

Список литературы

1. Дьяченко А.П. Домашний арест как инструмент реализации уголовной политики (сравнительный анализ законодательного опыта России и зарубежных государств) // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2014. N 3. С. 107-122.
2. Демина И.В. Домашний арест как мера пресечения, альтернативная содержанию под стражей // Экономика, право, менеджмент: сб. тр. молодых исследователей Байкальского государственного университета. 2014. N 1. URL: <http://izdatelstvo.isea.ru/epm/search.aspx> (дата обращения: 29 нояб. 2017 г.).
3. Воронов Д.А. Домашний арест как мера безопасности: состояние и перспективы развития // Известия Алтайского государственного университета. 2013. Т. 2. N 2 (78). С. 86-89.
4. Гарипова Р.А. Меры пресечения: закон и практика // Символ науки. 2016. N 1. С. 136-137.
5. Колоскова С.В. Домашний арест как мера пресечения в современном уголовном судопроизводстве России: доктрина, юридическая техника и правоприменительная практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2014. 33 с.
6. Фетищева Л.М. Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Н. Новгород, 2016. 33 с.
7. Ушаков А.С. О понятии «применение меры пресечения» в уголовном процессе // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. N 1. С. 22-25.
8. Андроник Н.А. Залог, домашний арест: проблемы правового регулирования // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. N 4. С. 69-75.

9. Глизнуца С.И. Применение мер пресечения в отношении несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Тюмень, 2011. 23 с.
10. Шигурова Е.И., Галыгина Т.Ю. Домашний арест: проблемы теории и практики действующего законодательства // Огарев-online. 2016. N 13. С. 3-7. URL: <http://journal.mrsu.ru/> (дата обращения: 28 нояб. 2017 г.).
11. Грушко И.Т. Отдельные проблемы избрания и применения меры пресечения в виде домашнего ареста // Мир науки, культуры, образования. 2015. N 3 (52). С. 234-236.
12. Воронов Д.А. Запрет определенных действий в рамках залога, домашнего ареста и новой меры пресечения // Российский судья. 2016. N 3. С. 21-25.
13. Колесников М.В. Проблемы применения меры пресечения в виде домашнего ареста // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. N 2. С. 240-247.
14. Габараев А.Ш., Новиков А.В. Особенности применения электронных средств контроля и надзора при исполнении наказаний альтернативных лишению свободы // Современные проблемы науки и образования. 2015. N 2-3. С. 283.
15. Куракина Г.Н. Проблемы реализации уголовно-процессуального законодательства при применении домашнего ареста // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. N 2. С. 173-176.

References

1. D'yachenko A.P. Domashniy arest kak instrument realizatsii ugovnoy politiki (sravnitel'nyy analiz zakonodatel'nogo opyta Rossii i zarubezhnykh gosudarstv) [Home arrest as an instrument for the implementation of criminal policy (comparative analysis of the legislative experience of Russia and foreign countries)]. Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk – Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2014, no. 3, pp. 107-122.
2. Demina I.V. Domashniy arest kak mera presecheniya, al'ternativnaya sodержaniyu pod strazhey [Home arrest as a preventive measure, alternative to detention]. Ekonomika, pravo, menedzhment. Sbornik trudov molodykh issledovateley Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta – Economics, law, management: a collection of works of young researchers of the Baikal State University, 2014, no. 1. Available at: <http://izdatelstvo.isea.ru/epm/search.aspx> (Accessed November 29, 2017).
3. Voronov D.A. Domashniy arest kak mera bezopasnosti: sostoyanie i perspektivy razvitiya [Home Arrest as a Security Measure: State and Development Prospects]. Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of the Altai State University, 2013, volume 2, no. 2 (78), pp. 86-89.
4. Garipova R.A. Mery presecheniya: zakon i praktika [Preventive measures: law and practice]. Simvol nauki – A symbol of science, 2016, no. 1, pp. 136-137.
5. Koloskova S.V. Domashniy arest kak mera presecheniya v sovremennom ugovnom sudoproizvodstve Rossii: doktrina, yuridicheskaya tekhnika i pravoprimeritel'naya praktika. Avtoref. Kand. Diss. [Home arrest as a measure of restraint in modern criminal justice of Russia: doctrine, legal technique and law enforcement practice. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2014. 33 p.
6. Fetishcheva L.M. Primenenie mer presecheniya pri proizvodstve po ugovnym delam o prestupleniyakh, sovershennykh v sfere predprinimatel'skoy deyatel'nosti. Kand. Diss. [The application of preventive measures in the criminal proceedings on crimes committed in the field of entrepreneurial activity. Cand. Diss.]. Nizhny Novgorod, 2016. 33 p.
7. Ushakov A.S. O ponyatii «primenenie mery presecheniya» v ugovnom protsesse [On the notion of "application of preventive measures" in the criminal process]. Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016, no. 1, pp. 22-25.
8. Andronik N.A. Zalog, domashniy arest: problemy pravovogo regulirovaniya [Pledge, Home Arrest: Problems of Legal Regulation]. Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014, no. 4, pp. 69-75.
9. Gliznutza S.I. Primenenie mer presecheniya v otnoshenii nesovershennoletnikh. Avtoref. Kand. Diss. [Application of preventive measures against minors Autoabstract Cand. Diss.]. Tyumen, 2011. 23 p.
10. Shigurova E.I., Galygina T.Yu. Domashniy arest: problemy teorii i praktiki deystvuyushchego zakonodatel'stva [Home arrest: problems of theory and practice of current legislation]. Ogarev-online – Ogaryov-online, 2016, no. 13, pp. 3-7. Available at: <http://journal.mrsu.ru/> (Accessed November 28, 2017).
11. Grushko I.T. Otdel'nye problemy izbraniya i primeneniya mery presecheniya v vide domashnego aresta [Separate problems of the election and application of preventive measures in the form of house arrest]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The world of science, culture, education, 2015, no. 3 (52), pp. 234-236.
12. Voronov D.A. Zapret opredelennykh deystviy v ramkakh zaloga, domashnego aresta i novoy mery presecheniya [Prohibition of certain actions in the context of bail, house arrest and a new measure of restraint]. Rossiyskiy sud'ya – The Russian judge, 2016, no. 3, pp. 21-25.

13. Kolesnikov M.V. Problemy primeneniya mery presecheniya v vide domashnego aresta [Problems of applying preventive measures in the form of house arrest]. Aktual'nye problemy ekonomiki i prava – Actual problems of economics and law, 2015, no. 2, pp. 240-247.

14. Gabaraev A.Sh., Novikov A.V. Osobennosti primeneniya elektronnykh sredstv kontrolya i nadzora pri ispolnenii nakazaniy al'ternativnykh lisheniyu svobody [Features of the use of electronic means of control and supervision in the execution of punishments alternative to deprivation of liberty]. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern problems of science and education, 2015, no. 2-3, p. 283.

15. Kurakina G.N. Problemy realizatsii ugovovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva pri primenenii domashnego aresta [Problems of the implementation of criminal procedural legislation in the application of house arrest]. Sudebnaya vlast' i ugovovnyy protsess – Judicial power and the criminal process, 2016, no. 2, pp. 173-176.

КОСЕНКО А.М.,
Kosenko_am@mail.ru
Няганский межрайонный
следственный отдел;
Следственное управление
Следственного комитета
по Ханты-Мансийскому
автономному округу – Югре,
628011, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 120

KOSENKO A.M.,
Kosenko_am@mail.ru
Nyagan interdistrict investigation department;
Investigative department
of the Investigative Committee
of the Russian Federation
for Khanty-Mansiysk
Autonomous Area – Yugra,
Mira St. 120, Khanty-Mansiysk, 628011,
Russian Federation

ЗАДАЧИ И ЗНАЧЕНИЕ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. В последние годы правоприменители вместо установления наличия либо отсутствия достаточных данных, указывающих на признаки преступления, на стадии возбуждения уголовного дела устанавливают обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу. В то же время уголовно-процессуальное законодательство постоянно расширяет полномочия следователя, дознавателя, органа дознания. В результате процессуальная деятельность на стадии возбуждения уголовного дела превращается в «суррогат предварительного следствия», что противоречит цели и сущности рассматриваемой стадии, приводит к большим экономическим затратам, увеличению процессуальных сроков досудебной стадии уголовного процесса, снижению эффективности расследования в целом. Изучение и анализ целей, задач и сущности стадии возбуждения уголовного дела позволяет прийти к осознанию того, что проверку сообщения о преступлении необходимо проводить путем установления юридически значимых обстоятельств, влияющих на принятие решения о наличии либо отсутствии основания для возбуждения уголовного дела, исходя из принципов целесообразности и достаточности. Такой подход к проведению проверок сообщений о преступлениях вернет рассматриваемой стадии ее процессуальное, социальное и экономическое значение, что положительно скажется на эффективности уголовно-процессуальной политики Российской Федерации.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела; проверка сообщения о преступлении; сообщение о преступлении; явка с повинной; основание для возбуждения уголовного дела; повод для возбуждения уголовного дела.

OBJECTIVES AND SIGNIFICANCE OF THE STAGE OF INITIATING A CRIMINAL CASE: THE QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

Annotation. In recent years, instead of establishing the presence or lack of sufficient data indicating the elements of a crime at the stage of a criminal case initiation, law enforcement officials establish the circumstances to be proved in a criminal case. At the same time, the criminal procedure legislation is constantly expanding the powers of the investigator, the inquiry officer and the inquiry body. As a result, at the stage of initiating a criminal case, the procedural activity converts into a "surrogate of preliminary investigation", which contradicts the purpose and essence of the stage under consideration, leads to high economic costs, as well as to increasing the procedural terms of the pre-trial stage of the criminal proceedings and reducing the effectiveness of the investigation as a whole. The study and analysis of the goals, objectives and essence of the stage of initiating a criminal case allows to realize that the verification of the crime report should be carried out by establishing legally significant circumstances that influence the process of making the decision on the presence or lack of grounds for initiating a criminal case, basing on the principles of expediency and sufficiency. Such an approach to the verification of crime reports will return the procedural, social and economic significance to the considered stage and that will positively affect the efficiency of the criminal procedure policy of the Russian Federation.

Keywords: initiating a criminal case; verification of crime report; reporting crime; confession; grounds for initiating a criminal case; reason for initiating a criminal case.

Сущность стадии возбуждения уголовного дела проистекает из ее основной цели — установления основания для возбуждения либо отказа в возбуждении уголовного дела и проявляется в проверке сообщения о преступлении, включающей в себя правовую оценку установленных обстоятельств с точки зрения наличия либо отсутствия основания для возбуждения уголовного дела.

Изучение материалов проверок сообщений о преступлениях свидетельствует о том, что, к сожалению, в правоприменении вместо установления наличия либо отсутствия достаточных данных, указывающих на признаки преступления, на стадии возбуждения уголовного дела устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу. В результате процессуальная деятельность на стадии возбуждения уголовного дела превращается в «суррогат предварительного следствия» или, как отмечает Д.П. Чекулаев, «квази расследование до предварительного расследования» [1, с. 586], что противоречит цели и сущности рассматриваемой стадии.

Представляется, что данную проблему необходимо рассматривать в контексте целей стадии возбуждения уголовного дела, то есть исключительно в объеме, необходимом и достаточном для принятия решения о наличии либо отсутствии основания для возбуждения уголовного дела. Для этого в статье 144 УПК РФ следует указать на необходимость проведения проверки сообщения о преступлении путем установления юридически значимых обстоятельств, влияющих на принятие решения о наличии либо отсутствии основания для возбуждения уголовного дела, исходя из принципов целесообразности и достаточности.

Из вышеуказанного следует, что наименование анализируемой стадии не соответствует ее сущности. В связи с этим в науке предлагаются различные наименования первоначальной стадии уголовного процесса. Так, А.И. Балашов использует словосочетание «проверка и разрешение заявлений и сообщений о преступлениях» [2, с. 18], Д.А. Зипунников и А.С. Каретников пишут о предварительной проверке по сообщениям о преступлениях [3,

с. 53], А.В. Наумов использует термин «доследственная проверка» [4, с. 50]. И.Н. Зиновкина предлагает более сложное наименование — «принятие, рассмотрение и разрешение заявления или сообщения о преступлении» [5, с. 30].

В УПК РФ содержатся такие термины, как «проверка сообщений о преступлениях» и «рассмотрение сообщений о преступлениях», при этом первый вариант используется чаще. Использование слов «предварительная» и «доследственная» представляется не вполне обоснованным, поскольку анализируемая стадия не требует дополнительных определений. Кроме того, данная стадия является самостоятельной, не обусловленной стадией предварительного расследования. Указание в наименовании в качестве предмета проверки наряду с сообщением о преступлении представляется логической ошибкой, приводящей к тавтологии, поскольку заявление есть один из видов сообщения о преступлении. Наименование стадии возбуждения уголовного дела посредством перечисления задач (принятие, рассмотрение, разрешение) также представляется не совсем удачным, так как все решаемые на данной стадии задачи в наименовании не отражаются.

Лексическое значение слова «проверка» — действие по значению глагола «проверить», то есть сделать что-либо (осмотреть, сосчитать и т.п.), чтобы убедиться в правильности чего-либо, в соответствии чего-либо чему-либо [6, с. 468]. Согласно Словарю Д.Н. Ушакова слово «проверить» означает «удостовериться в правильности или ошибочности чего-нибудь», а «рассмотрение» — действие по значению глагола «рассмотреть», то есть разобрать, обдумать, обсудить (обычно с целью оценки или принятия решения) [7, с. 539, 664-665].

Таким образом, термин «рассмотрение» включает в себя только принятие решения, а содержание термина «проверка» охватывает как производство проверочных действий, так и правовую оценку установленных обстоятельств, что наиболее точно отражает сущность анализируемой стадии.

При этом рассматриваемые термины заключают суждение об обстоятельствах проверки, не имеющее внешнего матери-

ального выражения. Приняв решение «для себя», субъект проверки или рассмотрения должен в последующем материализовать его в форме процессуального акта. Представляется, что «принятие решения» в смысле вынесения процессуального акта есть задача стадии возбуждения уголовного дела, а не ее сущностное свойство.

Из вышеуказанного следует, что правильным наименованием стадии возбуждения уголовного дела является уже используемое в УПК РФ словосочетание «проверка сообщения о преступлении». Внесение изменений в УПК РФ в части переименования первоначальной стадии уголовного процесса повлечет рассмотрение возбуждения уголовного дела только как процессуального акта, которым заканчивается стадия проверки сообщения о преступлении и начинается стадия предварительного расследования.

В процессуальной науке по-разному оценивается объем задач стадии возбуждения уголовного дела. Например, Н.Н. Полянский указывает, что эта стадия имеет своей задачей констатировать только наличие правового основания для той деятельности, перед которой будет стоять задача расследования уголовного дела [8, с. 124]. В.Д. Прошляков называет в качестве задач стадии возбуждения уголовного дела: а) принятие и проверку сообщения о преступлении (повода); б) установление наличия (отсутствия) основания к возбуждению уголовного дела, обстоятельств, исключающих возбуждение уголовного дела; в) закрепление следов преступления; г) принятие мер по предотвращению или пресечению преступления [9, с. 353].

Относительно задач стадии возбуждения уголовного дела Конституционным Судом РФ было отмечено, что в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством возбуждение уголовного дела является начальной, самостоятельной стадией уголовного процесса, в ходе которой устанавливаются поводы и основания к возбуждению уголовного дела, в том числе достаточность данных, указывающих на признаки преступления, их юридическая квалификация, обстоятельства, исключающие возбуждение уголовного дела, а также принимаются меры по предотвращению или пресечению пре-

ступления, закреплению его следов, обеспечению последующего расследования и рассмотрения дел в соответствии с установленной законом подследственностью или подсудностью и т.п.*

Следует отметить, что решение Конституционного Суда РФ было принято в период действия УПК РСФСР**, статья 112 которого предусматривала обязанность одновременно с возбуждением уголовного дела принять меры к предотвращению или пресечению преступления, а равно к закреплению следов преступления. УПК РФ не предусматривает такой процессуальной деятельности, как пресечение или предотвращение преступления, в связи с чем эти действия не могут входить в перечень задач стадии возбуждения уголовного дела. Предусмотренное в п. 2 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. N 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»*** право сотрудника Следственного комитета входить в жилые и иные принадлежащие гражданам помещения, на принадлежащие им земельные участки при пресечении совершения преступления обусловлено осуществлением процессуальных полномочий, возложенных на него уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации. Вместе с тем, как отмечено выше, УПК РФ не предусматривает таких полномочий, как предотвращение и пресечение преступлений, из чего следует вывод о том, что совершение названных действий следователем регулируется правовыми институтами необходимой обороны, крайней необходимости, задержания лица, совершившего преступление.

Анализ статуса должностных лиц иных правоохранительных органов по-

* По делу о проверке конституционности отдельных положений УПК РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда РФ: постановление Конституционного Суда РФ от 14 янв. 2000 г. N 1-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. N 5. Ст. 611.

** Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 окт. 1960 г. // Свод законов РСФСР: в 9 т. Т. 8. М., 1987. С. 613.

*** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 1. Ст. 15..

звolyает сделать вывод о том, что они наделены данными полномочиями. Например, согласно п. 2 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»* предупреждение и пресечение преступлений является одним из направлений деятельности полиции, пресечение преступлений отнесено к ее обязанностям (п. 11 ч. 1 ст. 12). В соответствии с п. «г» ст. 12 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. N 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности»** к ее полномочиям относится выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений. Согласно абз. 2 ст. 2 Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»*** задачами оперативно-розыскной деятельности являются выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений. Таким образом, предупреждение и пресечение преступлений относится к оперативно-розыскной, административной, но не уголовно-процессуальной деятельности, в связи с чем ст. 7 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. N 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» нуждается в корректировке в части упоминания норм о пресечении преступлений, а равно преследовании лиц, подозреваемых в совершении преступлений, в контексте уголовно-процессуальной деятельности.

Выделение в качестве задачи установления повода для возбуждения уголовного дела, как предлагает И.С. Дикарев [10, с. 8-10], также представляется необоснованным, поскольку с появлением повода начинается стадия возбуждения уголовного дела, лишь с появлением повода возможно совершение каких-либо процессуальных действий. В отсутствие повода отсутствует и стадия возбуждения уголовного дела. Для первоначальной стадии уголовного процесса повод существует априори, это «нулевая точка отсчета». Первое процессуальное действие, предусмотренное УПК РФ, — это действие по ре-

шению задачи приема сообщения о преступлении — составление соответствующего протокола или рапорта. Определение того, является ли то или иное обращение сообщением именно о преступлении, то есть является ли оно поводом для возбуждения уголовного дела, лежит за рамками уголовного процесса. Иными словами, оценка сообщения как повода происходит на этапе его поступления до начала стадии возбуждения уголовного дела. Так, еще Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин указывали на повод как юридический факт, вызывающий деятельность, направленную на возбуждение уголовного дела [11, с. 6]. Кроме того, не вполне понятным остается содержание процессуальной деятельности по установлению повода, а также того, какими процессуальными действиями возможно его установление. Таким образом, установление (или проверка наличия) повода не может являться задачей стадии уголовного дела.

УПК РФ не определяет прямо задачи стадии возбуждения уголовного дела, однако они содержатся в отдельных нормах. Кроме того, при отражении задач стадии возбуждения уголовного дела закон неоднозначен в используемой терминологии. В нем указывается преимущественно на проверку сообщения о преступлении. К числу задач рассматриваемой стадии отнесен и прием сообщения о преступлении. Вместе с тем используются и термины «принятие решения» (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), «рассмотрение» (наименования ст.ст. 144-145 УПК РФ), «регистрация» и «разрешение» (п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Принятие решения как формализация правовой оценки сообщения о преступлении обоснованно находится в числе задач стадии возбуждения уголовного дела. Согласно п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ в ходе досудебного производства по уголовному делу прокурор уполномочен проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях. Представляется, что использование в данной норме терминов «регистрация» и «разрешение» вызвано недостаточной юридической техникой. Например, регистрация не является процессуальным действием, в связи с чем упоминание о ней в УПК РФ не выпол-

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900.

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 15. Ст. 1269.

*** Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 33. Ст. 3349.

не обоснованно. Термин «разрешение» («разрешить») является синонимом словосочетания «принятие решения», последнее употребляется в УПК РФ один раз, при этом в норме, не регулирующей напрямую проведение проверки сообщения о преступлении, в связи с чем использование такого синонима также является не вполне неоправданным.

Представляется, что задачи прокурорского надзора должны быть в соответствии с задачами стадии возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), в связи с чем п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ предлагается изложить в следующей редакции: «1) проверять исполнение требований федерального закона при приеме, проверке и принятии решений по сообщениям о преступлениях».

Что касается термина «прием сообщения о преступлении», то его законодательное определение отсутствует. В доктрине процессуального права прием сообщения о преступлении рассматривается в нескольких значениях. Одни авторы полагают, что прием сообщения о преступлении — это получение в официальном порядке дознавателем, органом дознания, следователем исходящей от граждан, должностных лиц или организаций информации о совершенном или готовящемся преступном деянии [12, с. 125]. Другие рассматривают прием не только как получение сообщения о преступлении, но и как его регистрацию [13, с. 26]. Третьи под приемом сообщения о преступлении понимают совокупность действий по приему заявления и сообщения, его оформлению, обеспечению достоверности получаемых сведений (установление личности заявителя) и регистрацию заявления и сообщения [14, с. 22].

Наиболее приемлемой представляется первая позиция, поскольку регистрация сообщения о преступлении есть непроцессуальное действие, не регулируемое уголовно-процессуальным законодательством. Аналогично УПК РФ не регулируются порядок прибытия на место происшествия, регистрация исходящей корреспонденции (поручений, запросов и т.д.). Указанные организационное и регистрационное действия неизменно сопровождают само процессуальное действие, но не яв-

ляются его составляющими. Установление личности заявителя не следует рассматривать наряду с приемом заявления о преступлении (явкой с повинной), поскольку установление личности заявителя представляет собой процедурное действие, которое полностью охватывается приемом заявления о преступлении (явкой с повинной) и структурно неотделимо от него.

В противном случае будет необходимо признание того, что под приемом заявления о преступлении (явкой с повинной) следует понимать как установление личности заявителя, так и подписание соответствующих протоколов, предупреждение об уголовной ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со ст. 306 УК РФ, удостоверение такого предупреждения заявителем, как это предусмотрено ст.ст. 141, 142 УПК РФ. Названные процедуры относятся к порядку составления соответствующего протокола и не должны рассматриваться как составляющие задачи приема сообщения о преступлении. Таким образом, представляется, что под приемом сообщения о преступлении следует понимать получение сведений о преступлении в форме письменного заявления о преступлении или явки с повинной либо получение сведений о преступлении и их процессуальное закрепление в форме рапорта или соответствующего протокола.

Частью 1 ст. 144 УПК РФ установлена необходимость проведения проверки по любому сообщению о преступлении. Проверка сообщения о преступлении является основной задачей стадии возбуждения уголовного дела, в ходе которой собираются сведения, необходимые для принятия решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в таковом. К таким сведениям относятся данные о проверяемом событии, его последствиях, виновном лице, потерпевшем и т.д. Обязанность устанавливать такие сведения частично нашла отражение при раскрытии принципа публичности. Согласно ч. 2 ст. 21 УПК РФ в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. Установление события преступления есть установление

фактических данных об обстоятельствах произошедшего.

Кроме того, проверка сообщения о преступлении и должна быть направлена на установление последствий деяния, виновного лица, потерпевшего и т.д. Получение указанных сведений предпочтительно на стадии возбуждения уголовного дела, но не является безусловно необходимым, носит факультативный характер. Изобличение виновных на стадии возбуждения уголовного дела позволяет дать точную квалификацию деяния — в случаях, когда личность виновного влияет на это (например, для возбуждения уголовного дела по ст. 264.1 УК РФ), на порядок возбуждения уголовного дела (в отношении отдельной категории лиц, обладающих особым уголовно-процессуальным статусом, — глава 52 УПК РФ), или же необходимо, как это следует из ч. 1 ст. 148 УПК РФ, для принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, которое допускается лишь в отношении конкретного лица.

Аналогично сбор сведений о последствиях, о потерпевшем также позволяет дать точную квалификацию деяния. Вместе с тем, когда эти сведения не являются обязательными признаками объективной стороны основного состава преступления, собирать их необходимо факультативно, исходя из принципов целесообразности и процессуальной экономии. Например, сведения об обнаружении трупа неустановленного подростка с очевидными признаками насильственной смерти являются достаточными данными, указывающими на признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ. Нет необходимости откладывать принятие решения о возбуждении уголовного дела с целью проведения проверочных мероприятий по установлению точного возраста ребенка для квалификации деяния по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Получение таких сведений и, соответственно, уточнение квалификации возможно и на стадии предварительного следствия.

В противоположной ситуации, когда смерть носит не криминальный характер (и в отсутствие признаков других преступлений), в проведении проверочных

действий, направленных исключительно на установление возраста, нет необходимости, поскольку это не повлияет на принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Такие действия вредны для уголовного процесса как нарушающие принцип процессуальной экономии.

Сохранение следов преступления в связи с риском утраты таковых относится к числу первоочередных действий, совершаемых на стадии возбуждения уголовного дела. Конституционный Суд РФ отмечает процессуальную деятельность по закреплению следов преступления в качестве самостоятельной задачи стадии возбуждения уголовного дела. Принимать меры к сохранению следов преступления в случае принятия решения о передаче сообщения о преступлении по подследственности предписывает и ч. 3 ст. 145 УПК РФ. Вместе с тем классификация сохранения следов преступления как задачи первоначальной стадии уголовного процесса не является безусловной.

Понятие «след преступления» имеет несколько значений. В процессуальном плане след преступления представляет собой информацию о преступлении, полученную с его помощью. Рассматривая анализируемое словосочетание в данном контексте, можно прийти к выводу о том, что сохранение (а предварительно обнаружение) следов преступления представляет собой сбор и процессуальное оформление сведений о преступлении. Однако следы преступления — понятие не столько процессуальное, сколько криминалистическое, т.к. являются предметом изучения такого раздела криминалистики, как следоведение.

В криминалистике следы понимаются в узком и широком смысле. В первом значении следы представляют собой любое материально фиксированное отражение в материальной среде события преступления (материальные следы). Во втором — это не только остаточное явление в виде материально фиксированных отображений одного объекта на другом, но и идеальные, мысленные образы, зафиксированные в памяти человека (идеальные следы) [15, с. 54-55]. Сохранение следов преступления в широком смысле осуществляется путем фиксации криминалистиче-

скими способами и изъятия материальных объектов, опроса участников стадии возбуждения уголовного дела и фиксации их пояснений в письменной форме (уголовно-процессуальная форма фиксации пояснений УПК РФ не предусмотрена). Такое сохранение следов преступления также представляет собой сбор и процессуальное оформление сведений о преступлении.

Рассмотрение в качестве задачи стадии возбуждения уголовного дела сохранения следов преступления только в узком смысле с точки зрения логики будет означать, что сохранение идеальных следов не является задачей анализируемой стадии. Данный подход неверный, поскольку все доказательства (облеченные в процессуальную форму сведения о преступлении) имеют равную силу, а выделение большей значимости тех или иных доказательств недопустимо. Схожей позиции придерживается А.А. Усачев, указывающий, что принятие мер к сохранению следов преступления «следует рассматривать как обязанность соответствующих правоохранительных органов, должностных лиц, но не как задачу стадии возбуждения уголовного дела» [16, с. 72]. Таким образом, представляется, что сохранение следов преступления правильнее рассматривать с точки зрения составляющей деятельности по сбору сведений о событии проверяемого деяния.

Такая задача стадии возбуждения уголовного дела, как квалификация деяния, выводится из логического толкования ч. 2 ст. 140 УПК РФ, предусматривающей, что основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Решение о возбуждении уголовного дела может быть принято по конкретному составу преступления, для чего необходимо решить задачу квалификации деяния. При этом следует отметить, что на рассматриваемой стадии квалификация не является окончательной, она носит общий, предварительный характер. Это означает, что окончательная квалификация деяния при предъявлении обвинения может быть отлична от первоначальной, что обусловлено особенностями стадии возбуждения уголовного дела, на которой нет необходимости в установлении всех фактических

обстоятельств преступления, всех признаков состава преступления, влияющих на квалификацию.

Следующая задача – определение подследственности – обусловлена решением вопроса о квалификации деяния и возможностью принятия решения, предусмотренного п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ, о передаче сообщения о преступлении по подследственности.

Как следует из системного толкования ст.ст. 144-151 УПК РФ, следователь обязан принять и проверить сообщение о любом преступлении, но не вправе возбуждать уголовное дело либо отказать в возбуждении уголовного дела по преступлениям, относящимся к подследственности другого органа предварительного расследования. Таким образом, определение подследственности (предметной, территориальной) является задачей стадии возбуждения уголовного дела, которая обуславливает законность окончательного решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в таковом.

Следует обратить внимание на то, что направление сообщения о преступлении по подследственности законодателем неоправданно отнесено к решениям, принимаемым по результатам проверки сообщения о преступлении. Согласно Словарю русского языка под результатом понимается конечный итог, ради которого осуществляется какое-либо действие [6, с. 700]. Этому критерию отвечают решение о возбуждении уголовного дела и решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Безусловно, решение о передаче сообщения о преступлении по подследственности является не итоговым решением, а организационным, не имеющим никакого отношения к результату проверки. Аналогичную позицию выражают и другие ученые-процессуалисты [17, с. 315].

В связи с изложенным представляется, что решение о передаче сообщения о преступлении по подследственности необходимо исключить из перечня решений, принимаемых по результатам проверки сообщения о преступлении, предусмотренного ч. 1 ст. 145 УПК РФ, и рассматривать его наряду с процессуальными действиями и решениями, производимыми и принимаемыми соответственно в ходе

проверки сообщения о преступлении. Что касается сроков проверки сообщения о преступлении, то их приостановление на период пересылки сообщения о преступлении было бы оправданным.

Таким образом, к задачам стадии возбуждения уголовного дела следует относить прием сообщения о преступлении, проверку сообщения о преступлении, принятие решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в таковом, квалификацию деяния и определение подсудности.

Содержание стадии возбуждения уголовного дела постоянно расширяется. К моменту принятия УПК РФ статья 144 не предполагала каких-либо проверочных действий. Лишь ч. 2 ст. 176 УПК РФ предусматривала возможность производства осмотра места происшествия до возбуждения уголовного дела. Федеральным законом от 4 июля 2003 г. N 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»^{*} содержание рассматриваемой стадии было дополнено требованием о производстве документальных проверок, ревизий и привлечении к их участию специалистов. Федеральный закон от 9 марта 2010 г. N 19-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»^{**} дополнительно предусмотрел требование об исследовании документов, предметов, трупов. Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. N 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия»^{***} дополнено возможностью поручения органу дознания проведения оперативно-розыскных мероприятий.

В настоящее время в содержание стадии возбуждения уголовного дела входит получение объяснений, образцов для сравнительного исследования, истребование документов и предметов, их изъятие,

назначение судебной экспертизы, осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требование производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлечение к участию в этих действиях специалистов, дача органу дознания поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий. В перечень процессуальных действий и решений, составляющих содержание стадии возбуждения уголовного дела, также необходимо включение процессуального решения о передаче сообщения о преступлении по подсудности, которое, вопреки ч. 1 ст. 145 УПК РФ, не является итоговым решением, а принимается для обеспечения дальнейшего производства процессуальных действий. Кроме того, решение такой задачи, как прием сообщения о преступлении, имеет процессуальное выражение в форме составления протокола или вынесения рапорта, в связи с чем такие процессуальные действия также входят в содержание рассматриваемой стадии.

Как представляется, постоянное расширение содержания стадии возбуждения уголовного дела свидетельствует о значимости рассматриваемой стадии в системе уголовного процесса. Значение стадии возбуждения уголовного дела следует из ее цели — установления основания для возбуждения либо отказа в возбуждении уголовного дела и носит не только процессуальный, но и социальный, и экономический характер. С процессуальной точки зрения значение стадии возбуждения уголовного дела заключается в предварительной оценке каждого сообщения о преступлении и недопущении возбуждения уголовных дел по тем из них, которые содержат сведения о событиях, очевидно не являющихся преступлениями. Такое недопущение осуществляется в форме принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела и приводит к защите граждан от необоснованного ограничения их прав и свобод, а также к процессуальной экономии, поскольку для проверки сообщения о преступлении уголовно-процессуальным законодательством подразумеваются несоизмеримо меньшие процессуальные затраты по сравнению с расследованием уголовных дел.

^{*} Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. N 27 (ч. I). Ст. 2706.

^{**} Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. N 11. Ст. 1168.

^{***} Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 1. Ст. 16.

Как результат, высвобождаемые процессуальные ресурсы направляются на производство по уголовным делам, что, в свою очередь, влечет сокращение процессуальных сроков и увеличение эффективности расследования за счет увеличения «плотности следственных действий». Следует уточнить, что фактическое состояние дел, при котором на стадии проверки сообщения о преступлении происходят неоправданные гигантские процессуальные затраты, направленные на выяснение обстоятельств, не влияющих на принятие окончательного решения, по сути, идет вразрез с порядком проведения проверки сообщения о преступлении, предусмотренным в УПК РФ, и не умаляет значения стадии возбуждения уголовного дела в смысле, придаваемом ей УПК РФ.

Значение рассматриваемой стадии сводится не только к процессуальной, но и к материальной экономии. Материальные затраты государства значительны и выражаются как в прямых расходах, направленных на обеспечение уголовного судопроизводства, например, на оплату многочисленных исследований, канцелярских товаров и офисных расходных материалов, труда работников правоохранительных органов, оплату труда работников и материальных затрат других органов и организаций, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства (для предоставления истребуемых сведений, участия в качестве специалистов и т.д.), так и в косвенных, возникающих из-за использования сил и средств и приводящих в итоге к реабилитации, нарушению права на разумный срок уголовного судопроизводства, невозможности вследствие неэффективного расследования обеспечить возмещение ущерба, процессуальных издержек, исполнение штрафа и др. Сокращение подобного рода материальных затрат будет иметь положительный экономический эффект.

Немаловажным является и социально-правовое значение рассматриваемой стадии, по итогам которой принимается одно из двух решений, предусмотренных ст. 145 УПК РФ. Решение о возбуждении уголовного дела, как справедливо заметил В.А. Лазарев, означает официальное объявление компетентными государственными органами о своевременном

реагировании и начале производства по расследованию обстоятельств обнаруженного преступления [18, с. 13]. Здесь необходимо добавить, что решение об отказе в возбуждении уголовного дела имеет не меньшее социально-правовое значение и также означает публичное объявление о своевременном реагировании на любое сообщение о преступлении и даче ему надлежащей правовой оценки компетентными государственными органами.

Представляется, что из процессуального, экономического, социального значения стадии возбуждения уголовного дела следует вывод о необходимости не только сохранения первоначальной стадии уголовного процесса, но и дальнейшего развития института возбуждения уголовного дела.

Таким образом, можно заключить, что в целях повышения эффективности процессуальной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела, повышения качества юридической техники при правовом регулировании рассматриваемой стадии предлагается следующее:

– указать в ст. 144 УПК РФ на необходимость проведения проверки сообщения о преступлении путем установления юридически значимых обстоятельств, влияющих на принятие решения о наличии основания для возбуждения либо отказа в возбуждении уголовного дела, исходя из принципов целесообразности и достаточности;

– изложить п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ в следующей редакции: «1) проверять исполнение требований федерального закона при приеме, проверке и принятии решений по сообщениям о преступлениях»;

– внести изменения в УПК РФ, переименовав первоначальную стадию уголовного процесса на «проверку сообщения о преступлении»;

– исключить из ст. 7 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. N 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» указание норм о пресечении преступлений, а равно преследовании лиц, подозреваемых в совершении преступлений, в контексте уголовно-процессуальной деятельности;

– исключить решение о передаче сообщения о преступлении по подследственности из перечня решений, принимаемых по результатам проверки сообще-

ния о преступлении, предусмотренного ч. 1 ст. 145 УПК РФ, включить его в перечень процессуальных действий и решений, предусмотренный ст. 144 УПК РФ;

– предусмотреть приостановление срока проверки сообщения о преступлении на период его передачи по подследственности;

– включить в перечень процессуальных действий и решений, предусмотренный ст. 144 УПК РФ, процессуальные действия по составлению протокола принятия устного сообщения о преступлении, протокола принятия явки с повинной, вынесению рапорта об обнаружении признаков преступления.

Список литературы

1. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. 1280 с.
2. Балашов А.И. Действительно ли возбуждение уголовного дела – первоначальная стадия уголовного процесса? // Социалистическая законность. 1957. N 7. С. 53-54.
3. Зипунников Д.А., Каретников А.С. Сообщения о преступлениях – проблемы теории и практики // Российская юстиция. 2006. N 12. С. 53-55.
4. Наумов А.В. Уголовное преследование на стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2005. N 3. С. 50-52.
5. Зиновкина И.Н. Проверка заявлений и сообщений о преступлениях: проблемы правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 262 с.
6. Словарь русского языка / под общ. ред. А.П. Евгеньевой: в 4 т. Т. 3. М.: Рус. яз., 1987. 752 с.
7. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.
8. Полянский Н.Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса. М., 1960. 149 с.
9. Прошляков В.Д. Уголовный процесс: учебник. М.: ВолтерсКлувер, 2011. 1056 с.
10. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела: монография. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. И.С. Дикарев. М.: Юрлитинформ, 2012. 408 с.
11. Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965. 367 с.
12. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: монография. М., 2003. 410 с.
13. Ильин А.Н. Тактика предварительной проверки сообщения о преступлении: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 222 с.
14. Павлов Н.Е. Производство по заявлениям, сообщениям о преступлениях: учеб. пособие. Волгоград, 1979. 56 с.
15. Балашов Д.Н., Балашов Н.М., Маликов С.В. Криминалистика: учебник. М.: ИНФРА-М, 2005. 503 с.
16. Усачев А.А. Возбуждение уголовного дела в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 240 с.
17. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. Краткий курс. 2-е изд. СПб.: Питер, 2009. 304 с.
18. Лазарев В.А. Возбуждение уголовного дела как акт реагирования на преступные посягательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 24 с.

References

1. Kurs ugovornogo protsessa [The course of the criminal process]. Moscow, Statut Publ., 2017. 1280 p.
2. Balashov A.I. Deystvitel'no li vzbuzhdenie ugovornogo dela – pervonachal'naya stadiya ugovornogo protsessa? [Is the initiation of a criminal case really the initial stage of the criminal process?]. Sotsialisticheskaya zakonnost' – Socialist legality, 1957, no. 7, pp. 53-54.
3. Zipunnikov D.A., Karetnikov A.S. Soobshcheniya o prestupleniyakh – problemy teorii i praktiki [Reports on crimes – problems of theory and practice]. Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justice, 2006, no. 12, pp. 53-55.
4. Naumov A.V. Ugovornoe presledovanie na stadii vzbuzhdeniya ugovornogo dela [Criminal prosecution at the stage of instituting criminal proceedings]. Zakonnost' – Legality, 2005, no. 3, pp. 50-52.
5. Zinovkina I.N. Proverka zayavleniy i soobshcheniy o prestupleniyakh: problemy pravovogo regulirovaniya. Kand. Diss. [Verification of applications and reports of crimes: problems of legal regulation. Cand. Diss.]. Moscow, 2015. 262 p.
6. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language. In 4 volumes. Volume 3]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1987. 752 p.
7. Ushakov D.N. Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the modern Russian language]. Moscow, Adelant Publ., 2014. 800 p.
8. Polyanskiy N.N. Ocherk razvitiya sovetskoj nauki ugovornogo protsessa [Essay on the development of Soviet science criminal process]. Moscow, 1960. 149 p.

9. Proshlyakov V.D. Ugolovnyy protsess [Criminal process]. Moscow, Volters Klouver Publ., 2011. 1056 p.
10. Sushchnost' i aktual'nye problemy stadii возбуждения уголовного дела [The essence and actual problems of the stage of initiating a criminal case]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 408 p.
11. Zhogin N.V., Fatkullin F.N. Predvaritel'noe sledstvie v sovetskom ugolovnom protsesse [Preliminary investigation in the Soviet criminal trial]. Moscow, 1965. 367 p.
12. Khimicheva G.P. Dosudebnoe proizvodstvo po ugolovnym delam: kontsepsiya sovershenstvovaniya ugolovno-protsessual'noy deyatel'nosti [Pre-trial proceedings in criminal cases: the concept of improving criminal procedural activity]. Moscow, 2003. 410 p.
13. Il'in A.N. Taktika predvaritel'noy proverki soobshcheniya o prestuplenii. Kand. Diss. [The tactics of preliminary verification of a crime report. Cand. Diss.]. Moscow, 2009. 222 p.
14. Pavlov N.E. Proizvodstvo po zayavleniyam, soobshcheniyam o prestupleniyakh [Production of applications, reports of crimes]. Volgograd, 1979. 56 p.
15. Balashov D.N., Balashov N.M., Malikov S.V. Kriminalistika [Forensic science]. Moscow, INFRA-M Publ., 2005. 503 p.
16. Usachev A.A. Vozbuzhdenie ugolovного дела v rossiyskom ugolovnom sudoproizvodstve. Kand. Diss. [The initiation of criminal proceedings in the Russian criminal proceedings. Cand. Diss.]. Moscow, 2003. 240 p.
17. Smirnov A.V., Kalinovskiy K.B. Ugolovnyy protsess. Kratkiy kurs [Criminal process. Short Course]. St. Petersburg, Piter Publ., 2009. 304 p.
18. Lazarev V.A. Vozbuzhdenie ugolovного дела kak akt reagirovaniya na prestupnyye posjagatel'stva. Avtoref. Kand. Diss. [The initiation of a criminal case as an act of responding to criminal encroachments. Autoabstract Cand. Diss.]. Saratov, 2001. 24 p.

Раздел 13. Обзоры, рецензии, критика

МАЙОРОВ В.И., доктор юридических наук, профессор, 1955715@rambler.ru
Кафедра административной деятельности органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

MAYOROV V.I., Doctor of Legal Sciences, professor, 1955715@rambler.ru
Chair of administrative activity of the internal affairs bodies; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation

ЛЕТАЕВА Е.А., кандидат юридических наук, letaeva_lena@mail.ru
Кафедра административной деятельности органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

LETAEVA E.A., Candidate of Legal Sciences, letaeva_lena@mail.ru
Chair of administrative activities of the internal affairs bodies; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation

РЕЦЕНЗИЯ НА ДИССЕРТАЦИЮ В.Б. БАШУРОВА «АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОХОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»*

Аннотация. В рецензии на основе критического анализа дается оценка диссертационного исследования, посвященного административно-правовому регулированию прохождения государственной гражданской службы Российской Федерации. Рецензируемая работа содержит комплексный теоретико-прикладной анализ таких ключевых элементов прохождения гражданской службы, как назначение на должность гражданской службы, присвоение классных чинов на основе сдачи государственными гражданскими служащими Российской Федерации квалификационного экзамена, аттестация гражданских служащих, в их единстве и взаимосвязи. Следует признать бесспорность того, что институт государственной гражданской службы, являясь составным элементом механизма государственной власти, нуждается в комплексном теоретико-прикладном изучении. Подобный анализ проведен впервые, что подтверждает новизну диссертационного исследования, а также его актуальность и высокую практическую значимость. Сформулированные соискателем выводы и предложения позволяют увидеть имеющиеся в законодательстве пробелы и возможные варианты их устранения. Рецензентами рассмотрены основные результаты работы соискателя, отмечены положительные стороны, а также спорные вопросы и положения, требующие дополнительной аргументации. При этом высказана уверенность в значимости проведенного исследования для развития административно-правовой науки и решения проблем, связанных с повышением эффективности государственной гражданской службы.

Ключевые слова: гражданская служба; административная процедура; полномочия гражданского служащего; классный чин; квалификационный экзамен; административно-правовое регулирование; аттестационная комиссия.

REVIEW OF THE THESIS BY V.B. BASHUROV "ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF THE STATE CIVIL SERVICE OF THE RUSSIAN FEDERATION"

* Башуров В.Б. Административно-правовое регулирование прохождения государственной гражданской службы Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14: защищена 14.04.2017. Омск, 2017. 234 с.

Annotation. The assessment of the thesis devoted to the administrative and legal regulation of the state civil service of the Russian Federation is given in the review on the basis of the critical analysis. Such key elements of the civil service, in their unity and interrelationship, as civil service appointment, assignment of class ranks on the basis of passing the qualification examination by state civil servants of the Russian Federation, as well as the certification of civil servants are the subjects of a comprehensive study in the reviewed research. It is necessary to recognize the indisputability of the fact that, being an integral element of the mechanism of state power, the institution of the state civil service needs a comprehensive theoretical and applied study. Such an analysis was carried out for the first time. That confirms the novelty of the research, as well as its topicality. The conclusions and proposals formulated by the applicant allow to see the gaps in the current legislation and possible ways of their elimination. The reviewers analyzed the main results of the applicant's work, noted its positive aspects, as well as the controversial issues and provisions requiring additional arguments. At the same time, the reviewers expressed their confidence in the significance of the conducted research for the development of administrative and legal science and solution of the problems connected with improving the efficiency of the state civil service.

Keywords: civil service; administrative procedure; powers of a civil servant; rank of the state civil service; qualifying examination; administrative and legal regulation; attestation commission.

Институт государственной службы играет важнейшую роль в механизме государственной власти, через него реализуются функции управления, поэтому различные аспекты его функционирования всегда находились в сфере внимания большого числа ученых. Качество государственного управления на сегодняшний день является одним из ключевых факторов успешного развития России.

Современная административная реформа придала новый импульс разработке как теоретических, так и прикладных основ повышения эффективности государственной гражданской службы Российской Федерации (далее — гражданская служба). Совершенствование законодательства о гражданской службе невозможно без углубленного изучения теоретических и практических проблем правового регулирования отношений по прохождению гражданской службы.

Таким образом, выбранная В.Б. Башуровым тема диссертационной работы «Административно-правовое регулирование прохождения государственной гражданской службы Российской Федерации» отражает современные тенденции изучения данного направления, обладает актуальностью и высокой практической значимостью.

Анализируя содержание работы, необходимо отметить, что успешному решению поставленных в ней научно-исследовательских задач во многом способствовала логично выстроенная структура диссертации, включающая введение, три

главы, объединяющие семь параграфов, заключение, список использованных источников. Объект и предмет исследования верно определены и соответствуют теме работы. Сформулированные соискателем положения, выносимые на защиту, отличаются новизной.

Диссертационная работа содержит комплексный теоретико-прикладной анализ таких ключевых элементов прохождения гражданской службы, как назначение на должность гражданской службы, присвоение классных чинов на основе сдачи государственными гражданскими служащими Российской Федерации квалификационного экзамена (далее — гражданские служащие), аттестация гражданских служащих, в их единстве и взаимосвязи.

Подобный анализ проводится впервые, что подтверждает новизну диссертационного исследования. Осуществляя комплексный анализ указанных элементов прохождения гражданской службы, автор дает собственную интерпретацию базовых понятий и терминов, связанных с прохождением гражданской службы. Кроме того, определенной новизной обладает обоснование деления отношений в сфере гражданской службы на собственно отношения по прохождению гражданской службы и иные, непосредственно связанные с ними отношения.

Научное исследование различных подходов к соотношению понятий «процедура» и «процесс», раскрытие сущности и содержания административной процедуры позволили соискателю обосновать,

что каждый из этапов прохождения гражданской службы представляет определенную административную процедуру прохождения гражданской службы. Особого внимания заслуживает авторское определение понятия «административная процедура прохождения гражданской службы» (с. 38), а также классификация данных процедур, произведенная диссертантом (с. 39-41).

Весьма интересной представляется позиция автора по вопросу законодательного закрепления за государственными органами полномочий по утверждению должностных регламентов индивидуальными правовыми актами (с. 58). Правовая форма должностного регламента в настоящее время не определена, а реализация предложений соискателя не только позволит придать должностному регламенту правовой статус, но и определить его роль в регулировании отношений по прохождению гражданской службы.

Кроме того, практической значимостью обладает изучение автором существующей проблемы, связанной с реализацией отдельных оснований назначения на должность гражданской службы без проведения конкурса. Их анализ позволил диссертанту прийти к важному выводу о необходимости законодательного исключения некоторых из данных оснований: назначение на замещаемые на определенный срок полномочий должности гражданской службы категорий «руководители» и «помощники (советники)» (с. 69); назначение на отдельные должности гражданской службы, исполнение должностных обязанностей по которым связано с использованием сведений, составляющих государственную тайну (с. 73-74); назначение по истечении установленного срока полномочий гражданского служащего, замещающего должность гражданской службы категории «руководители» или «помощники (советники)» (с. 75-76). Достаточное обоснование имеет предложение соискателя о назначении гражданского служащего на нижестоящую должность гражданской службы без проведения конкурса по результатам аттестации (с. 77).

На наш взгляд, совершенно справедливо суждение диссертанта о том, что независимо от того, на определенный или

на неопределенный срок полномочий осуществляется замещение должности гражданской службы, условия ее прохождения и, соответственно, условия присвоения классовых чинов должны быть равными для всех гражданских служащих. В связи с этим вполне логично предложение В.Б. Башурова о присвоении гражданским служащим классовых чинов на основании результатов сдачи ими квалификационного экзамена, за исключением случаев поощрения гражданских служащих за особые отличия в гражданской службе (с. 106-107).

Заслуживает внимания обращение соискателя в процессе анализа этапов сдачи квалификационного экзамена к ряду проблем теоретико-прикладного характера. Например, по мнению автора, отсутствует правовая регламентация методики проведения квалификационного экзамена. В связи с этим в диссертационном исследовании предлагаются возможные варианты решения указанных проблем путем совершенствования законодательства о гражданской службе: диссертантом аргументирована необходимость утверждения правовым актом государственного органа методики проведения квалификационного экзамена (с. 124), нормативного закрепления вариантов решений о результате квалификационного экзамена (с. 129). Следует подчеркнуть, что, рассматривая вопрос административно-правового регулирования аттестации гражданских служащих, В.Б. Башуров обоснованно отмечает, что аттестация от комплексной, всеобщей профессиональной оценки служащих перешла к оценке результата их профессиональной служебной деятельности.

Совершенно справедливой видится авторская позиция, согласно которой определение профессионального уровня гражданских служащих (оценка их знаний, навыков и умений) относится к цели квалификационного экзамена (с. 141), результаты которого должны учитываться при проведении аттестации (с. 153).

Изучение административной процедуры проведения аттестации гражданских служащих позволяет соискателю сформулировать уместное предложение о необходимости отражения в решении аттестационной комиссии о соответствии гражданского служащего замещаемой должности

гражданской службы и рекомендации к включению в кадровый резерв для замещения вакантной должности гражданской службы в порядке должностного роста конкретной должности гражданской службы, на замещение которой гражданский служащий подлежит включению в кадровый резерв (с. 173). Нельзя не отметить практическую значимость реализации предлагаемого автором правила, в соответствии с которым поставленное аттестационной комиссией условие об успешном получении дополнительного профессионального образования подлежит исполнению в течение определенного срока, например одного года с момента проведения аттестации, или срока, устанавливаемого самой аттестационной комиссией (с. 174). Законодательное закрепление данных предложений, несомненно, позволит урегулировать некоторые организационные вопросы, возникающие при проведении аттестации, сформировать понятный механизм реализации решений аттестационных комиссий государственных органов.

В итоге по результатам проведенного соискателем исследования представляется возможным оценить современное состояние административно-правового регулирования отношений, возникающих в процессе прохождения государственной гражданской службы. В.Б. Башуровым самостоятельно сформулированы представляющие интерес выводы и предложения, которые позволяют увидеть имеющиеся в законодательстве пробелы и возможные варианты их устранения.

В целом, оценивая содержание рецензируемой диссертации, можно констатировать, что административно-правовое регулирование прохождения государственной гражданской службы Российской Федерации — достаточно широкая для освещения тема. Рассмотреть ее подробно в рамках диссертационной работы не представляется возможным. Автор выбрал ключевые, с его точки зрения, элементы прохождения гражданской службы, которые и были исследованы на должном уровне. Но при этом отдельные вопросы, которые представляются важными для освещения выбранной темы, не получили упоминания в диссертации, например вопрос об административно-правовом статусе гражданского служащего.

Характеризуя положительные качества работы, следует отметить, что положения, выносимые на защиту, не противоречивы, имеют хорошую аргументацию в тексте. Заслуживает одобрения обращение автора не только к работам современных российских ученых, специалистов в области административного права, но и к работам зарубежных авторов, а также к трудам специалистов в области отраслевых юридических наук.

Однако, несмотря на общую положительную оценку диссертационного исследования, в нем, как и в любой творческой работе, присутствуют дискуссионные положения, требующие дополнительной аргументации.

Во-первых, к таким положениям следует отнести суждение автора о нормативном закреплении правил об обязательном отражении в должностных регламентах гражданских служащих квалификационных требований к специальности, направлению подготовки, которые необходимы для замещения должности гражданской службы (с. 62). Диссертант аргументирует данное суждение тем, что в настоящее время допускается возможность замещения должностей гражданской службы лицами, имеющими высшее образование, не всегда отвечающее должностным обязанностям. Однако при этом не ясно, каким должно быть образование, отвечающее должностным обязанностям, — возможно, это высшее образование по общей специальности «Государственное и муниципальное управление», а возможно, и более узкоспециализированное. В условиях сокращения количества высших учебных заведений и направлений подготовки по гуманитарным специальностям получение такого образования может вызвать некоторые трудности. Кроме того, процент бюджетных мест на данных специальностях весьма невелик, что приводит к вопросу о мотивации студентов, обучающихся на контрактной основе, и соотношении этого с коррупционными факторами.

В настоящее время проходит обсуждение законопроекта, которым предлагается внедрить новый подход к профессиональному развитию и обучению гражданских служащих, предусматривающий получение ими новых и обновление имеющихся

знаний, умений и навыков в течение всего периода прохождения гражданской службы (Законопроект N 87674-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной гражданской службе Российской Федерации”»^{*}).

Учитывая разнообразие задач и функций государственных органов, а также специфику исполнения гражданскими служащими должностных обязанностей, определенную направлениями их профессиональной служебной деятельности, с принятием законопроекта предлагается внедрение комплексного подхода к вопросу профессионального развития гражданских служащих посредством их дополнительного профессионального образования, участия в иных мероприятиях по профессиональному развитию (обучающие мероприятия (семинары, тренинги, мастер-классы, другие мероприятия), мероприятия по обмену опытом в форме межведомственного взаимодействия и наставничество).

Одновременно законопроектом предусмотрено введение нового механизма организации повышения квалификации гражданских служащих на основе государственных образовательных сертификатов, которые дали бы гражданским служащим возможность получить дополнительное профессиональное образование по современным программам, не реализуемым в настоящее время в рамках государственного заказа (тренинги, включая тренинги личностного роста, программы по вопросам, связанным с новейшими IT-технологиями, программы по иностранному языку и другие). Немаловажным является то, что подобное образование будет осуществляться за счет средств нанимателя.

Таким образом, интересно мнение диссертанта о данном законопроекте и о том, что более рационально и эффективно – получение высшего образования, полностью отвечающего должностным обязанностям (которые могут быть изменены со сменой должности гражданского служащего), либо совершенствование и обновление знаний, умений и навыков

гражданских служащих согласно с текущими потребностями соответствующего государственного органа в развитии кадрового состава.

Во-вторых, автор высказывает крайне дискуссионную мысль «о необходимости установления диспозитивного правила применения испытательного срока в отношении граждан, впервые поступающих на гражданскую службу» (с. 79), а также о том, что при качественном проведении конкурса на замещение должности гражданской службы установление испытательного срока является излишним. Отчасти с этим можно согласиться, однако в настоящее время данный конкурс нередко служит лишь формальностью, и проверить реальные знания и профессиональные компетенции кандидата на должность гражданской службы представляется возможным лишь в процессе прохождения им испытательного срока.

В-третьих, спорным является предложение соискателя о замене испытания гражданского служащего процедурой вступительной аттестации, при наличии действительно положительных моментов от ее введения (с. 81-82), что, на наш взгляд, способно усложнить прохождение гражданской службы и привести к нехватке кадров.

В-четвертых, требует дополнительной аргументации предложение диссертанта о том, что квалификационный экзамен должны сдавать все гражданские служащие независимо от того, какие должности гражданской службы и при каких условиях они их замещают (с. 106). При этом исключение из данного правила, по мнению соискателя, могут составлять случаи поощрения гражданских служащих за особые отличия в гражданской службе (с. 107). В связи с этим представляется целесообразным автору обозначить и аргументировать, какие именно особые отличия в гражданской службе составляют данные случаи.

В-пятых, автор неоднократно в различных частях работы отмечает, что аттестационная комиссия вправе рекомендовать гражданского служащего, успешно прошедшего аттестацию, к включению в кадровый резерв для замещения вакантной должности гражданской службы в порядке должностного роста (с. 142, 146,

^{*} URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/48675.html/>

154, 171-173, 177). Данное право, имеющее и свое законодательное закрепление, несомненно, может быть реализовано аттестационной комиссией государственного органа. Однако следует пояснить, насколько это право соответствует цели проведения аттестации.

В-шестых, как было уже указано, в диссертации не получило упоминания такое немаловажное для раскрытия выбранной темы понятие, как административно-правовой статус гражданского служащего. Отношения по прохождению гражданской службы неразрывно связаны с обладанием гражданским служащим административно-правовым статусом. Данное понятие является общепризнанным в административном праве, даже в библиографии диссертационной работы имеется несколько научных статей, имеющих в названии словосочетания «административно-правовой статус» или «правовой статус» гражданских служащих. Однако диссертант обходит вниманием данный вопрос, а понятие «правовой статус» во всей работе употребляется лишь три раза в цитировании работ других ученых.

Административно-правовым статусом обладают не только физические лица, но и учреждения, организации, органы государственной власти. Его содержание составляет совокупность их прав и обязанностей, регулируемых административно-правовыми нормами и реализуемых в административно-правовых отношениях. Исходя из этого, административно-правовой статус гражданского служащего можно определить как совокупность (комплекс) прав, обязанностей и ответственности, которую приобретает гражданин с момента зачисления его на государственную должность государственной службы.

В-седьмых, вызывает вопросы качество представленного эмпирического материала. По результатам проведенных автором экспертного и анкетного опроса гражданских служащих были представлены только отрывочные данные в виде описания того, какой процент опрошенных ответил утвердительно на тот или иной вопрос. При этом полностью отсутствует информация о методике проведенных социологических исследований, их подробных результатах (количество участников, задаваемые вопросы, полученные ответы и т.д.). Из контекста работы невозможно определить количество таких исследований, поскольку автор лишь упоминает о проведении двух видов опросов – экспертного и анкетного. На наш взгляд, было бы целесообразно представить информацию о проведенных исследованиях в виде соответствующим образом оформленных таблиц или графиков и поместить ее в приложения к диссертации.

Необходимо обратить внимание на то, что изложенные замечания во многом носят дискуссионный характер и не могут влиять на положительную оценку подготовленного диссертационного исследования. Содержание работы, ее высокий научный уровень позволяют заключить, что диссертационное исследование Башурова Владимира Борисовича на тему «Административно-правовое регулирование прохождения государственной гражданской службы Российской Федерации», вне всяких сомнений, будет способствовать развитию административно-правовой науки и решению проблем, связанных с повышением эффективности государственной гражданской службы, имеющих большое значение для современного Российского государства.